

Книжный червь | Переводы книг
Best romance books | BRB | Лучшие романы о любви

Романсы

КАРИНА ХЕЛЛЕ

Их любовь стала причиной лжи. Их правда стала причиной конца. Бригс МакГрегор выбирается из пепла. Потеряв жену и сына в автомобильной аварии, а, покотившись вниз по наклонной, и работу, он, наконец, получает престижную должность преподавателя в Лондонском университете и новую жизнь в городе. И двигается вперед. Медленно, но верно он избавляется от чувства вины, оставляя позади свое трагическое прошлое. Пока не видит ее. Однажды Наташа Трюдо любила мужчину так сильно, что думала, умрет без него. Но их любовь была неправильной, обреченной с самого начала, и когда мир вокруг них рухнул, Наташа была практически погребена под обломками. Ей потребовались годы, чтобы забыть его, и теперь, оказавшись в Лондоне, она готова начать все сначала. Пока она не видит его. Потому что существует любовь, слишком опасная, чтобы потворствовать ей. А есть любовь слишком сильная, чтобы ее можно было игнорировать. Но их любовь может стать для них и жизнью, и их же гибелью.

Пролог

БРИГС

Эдинбург, Шотландия

Четыре года назад

— Прости меня.

Я столько раз репетировал эту речь, что думал, просто смогу открыть рот, и слова вылетят сами. Вся речь. Вся исповедь. Думал, если продолжу снова и снова твердить ее в голове, когда придет время рассказать ужасную, отвратительную, освобождающую правду, все будет легко.

Но это не так. Все совсем не так.

Я даже не могу объяснить. Все, что я делаю, опускаюсь на колени, ноги дрожат от стресса, стресса, который я взвалил на себя сам. Но он блекнет по сравнению с тем, что вскоре почувствует она.

Как я и просил, Миранда сидит на диване, чашка чая аккуратно стоит на блюде. Я продолжаю смотреть на тонкие струйки пара, поднимающиеся вверх. Думал, смогу сделать все правильно и встретится с ней глазами, но я не в силах. В конце концов, я трус, не желающий видеть боль и глубокие порезы, сделанные своими собственными руками.

— Простить за что? — спокойным голосом спрашивает она. Всегда такая спокойная, способная вынести любой шторм. Тот факт, что я стою на коленях, явно дрожа как дурак, ничуть не изменил ее тон. Может быть, это будет не так тяжело, как я думал.

Чертовы неоправданные мечты, вот что это.

Я делаю глубокий вдох и вздрагиваю, когда голос начинает дрожать. Мне хочется, чтобы звук дождя, льющего снаружи, замаскировал эту дрожь.

— Прости меня, — снова повторяю я. Голос звучит глухо, словно я слушаю его на старой пыльной кассете. — Я должен тебе кое-что сказать.

— Я вижу, — говорит она, и теперь я замечаю напряжение. — Ты попросил меня сесть, и теперь стоишь на коленях. Надеюсь, ты не собираешься снова делать мне предложение.

Было бы намного проще, если бы это было так.

Наконец я осмеливаюсь встретиться с ней глазами.

Моя жена такая красивая женщина. Перевоплотившаяся Грейс Келли, с тонкой лебединой шеей. Я помню наше первое свидание. Мы только-только окончили университет, но даже тогда она держалась так, словно хранила в секрете целый мир тайн. Она была такой собранной, такой идеальной. Я подкатил на своей дурацкой машине, отвёз ее в кино и на ужин в лучшее место, которое мог себе позволить, хотя еда все равно была чертовски ужасной. И все это время она была милой, даже виду не подала. Когда я был рядом с ней, она заставляла меня чувствовать себя так, словно я был кем-то значимым, может именно поэтому я и женился на ней. Она была всем, чем не был я.

Она все ещё то, чем я не являюсь. Сейчас это более чем очевидно.

— Бригс, — нахмурившись, говорит она. У неё едва ли есть морщины, даже когда она делает такое лицо. — Ты меня пугаешь.

Я прочищаю горло, но это словно толкать валун.

— Знаю.

— Это касается Хэймиша? — спрашивает она, и ее глаза в панике расширяются от подобной мысли.

Я быстро качаю головой.

— Нет, ничего общего с Хэймишем.

Я более чем когда-либо благодарен за то, что этот маленький человек лёг спать когда ему полагается. Сейчас дождь идёт все сильнее, стуча в окна, и он всегда работает для него лучше, чем любая колыбельная.

— Просто хочу, чтоб ты знала, — говорю ей, кладя ладонь на ее руки. Такие мягкие, словно она ни одного дня в жизни не работала. Раньше я подшучивал над ней из-за этого, из-за того, что она светский персонаж, дочь богатых родителей. Прямо сейчас подобное заставляет её казаться крайне уязвимой. — Просто хочу, чтобы знала, что... я много думал об этом. Я никогда не хотел причинить тебе боль, — смотрю на неё, умоляя глазами. — Ты должна это знать.

— О Боже, — тяжело дыша, говорит она, отрывая руку от моей, — Бригс, что ты сделал? Бремя моего выбора накрывает меня.

Не существует никакого лёгкого пути, чтобы сказать подобные слова.

Невозможно смягчить удар.

Я не хочу причинять ей боль.

Но я должен.

— Я... — проглатываю комок. Качаю головой и борюсь со жжением в глазах, — Миранда, я хочу развода.

Она безучастно смотрит на меня, такая спокойная, что я задаюсь вопросом, слышит ли она меня. Мои руки дрожат, сердцу вот-вот потребуются реанимация.

— Что? — наконец недоверчиво шепчет она.

Со стороны кажется, что у нас счастливый брак. Но мы оба знали, что это произойдёт. Может быть, она никогда не видела предпосылок, но она знала, что это грядёт. Должна была знать.

— Мы оба уже довольно давно были несчастны, — объясняю я.

— Ты серьёзно? — быстро говорит она. — Ты серьёзно делаешь это?

— Миранда, — облизываю губы, осмеливаясь посмотреть ей в глаза, — ты должна была знать, что так будет. Если бы не я, ты бы это сделала.

— Как ты смеешь, — говорит она, грубо отталкивая мои руки и поднимаясь, — как ты смеешь говорить за меня. Я была счастлива... Я просто... Я только...

Она резко качает головой, идя на другую сторону гостиной.

— Нет, — говорит она, вставая напротив камина, — Нет, я не дам тебе развод. Я не позволю тебе уйти. Ты не можешь бросить меня. Ты... Бригс МакГрегор никогда не уйдёт от Миранды Хардинг МакГрегор. Без меня ты ничто.

Я позволяю ее словам пройти мимо, хотя вера в них и привела меня к этому моменту.

— Миранда, — мягко говорю я, и ее имя начинает звучать чуждо, как это бывает, когда вы говорите слово слишком много раз подряд. — Пожалуйста.

— Нет! — кричит она, и я вздрагиваю, надеясь, что она не разбудит Хэймиша. — Не знаю, какие глупые идеи пришли в твою голову, но развод — не ответ. Это просто... твоя причуда. Ты недоволен своей работой. Поэтому не чувствуешь себя мужчиной. Этот ты ведёшь себя не как мужчина.

Удар буквально ниже пояса. Я должен был знать, что это будет первая выбранная ей линия защиты. Наши проблемы в спальне за последний год. Не могу винить ее за это.

— Нет, — снова говорит она, — я могу с этим жить, могу. И если у меня никогда не будет ещё одного ребёнка, пусть так. Но моя семья... моя репутация... так дело не пойдёт. У нас хорошая жизнь, Бригс. Этот дом. Посмотри на этот дом, — она лихорадочно указывает на комнату, в глазах беспокойство. — Посмотри на эти вещи. У нас есть все. Люди смотрят на нас. Они завидуют нам. Почему ты выбрасываешь все это?

Мое сердце падает в груди, к желудку и загорается там.

— Пожалуйста, — мягко говорю я, не желая, чтоб вся правда вырвалась наружу, но готовый открыть ее, если придётся. — Я не... Я не хочу причинять тебе боль. Но я больше не люблю тебя. Это честная, правда и мне жаль. Мне очень жаль.

Она моргает, словно её ударили. Затем говорит:

— И что? Какие женатые пары влюблены друг в друга. Будь реалистом, Бригс.

Теперь я удивлён. Нахмуриваю брови, не ожидал, что она будет так сильно бороться за нас. Бороться за брак без любви, который ее устраивает.

Она пристально смотрит на меня, постукивая ногтями по губам. Составляя план. Дождь брызжет в окна и вдалеке грохочет гроза, первая осенняя буря. Комната кажется маленькой, как никогда.

— Мы справимся с этим, — наконец говорит она, голос снова становится ужасающе спокойным. — Это лишь небольшая проблема. Мы можем с ней справиться. Ты можешь снова полюбить меня, а если нет, ничего страшного. Все отлично. Никто ничего не должен знать. Мы оба любим нашего сына и этого достаточно. Разве ты не хочешь, чтобы он вырос с отцом, в полной семье? Разве не знаешь, что развод разрушит его? Ты этого для него хочешь?

От этих слов холод расплзается у меня в груди. Потому что естественно, *конечно же*, я хочу этого для него. Именно это и удерживало меня снова и снова. Но дети знают, когда их родители несчастны. Хэймиш заслуживает лучшего, чем детство, испорченное тоской.

— Родители, живущие отдельно лучше, чем живущие вместе, но несчастные, — говорю ей, теперь умоляя. — Ты ведь знаешь, что это правда. Хэймиш умный, *очень* умный. У него так хорошо развита интуиция. Дети замечают намного больше, чем ты думаешь.

Она прищуривается.

— Что? Из какой книги по саморазвитию ты это украл? Черт побери, Бригс. Только послушай себя. Оправдываешься, как какой-то осел.

— Ты хочешь, чтоб он рос в доме, где отец не любит его мать? Ты этого хочешь? Не думаешь, что он заметит? Он все поймёт.

— Он не узнает, — злобно говорит она. — Перестань придумывать отговорки.

Я встаю на ноги и поднимаю ладони, чувствуя себя беспомощным. Виноватым.

— Я не придумываю отговорки. Лишь говорю правду.

— Пошёл ты со своей правдой, Бригс, — огрызается она.

Снова слышны раскаты грома. Я молюсь, чтоб они заглушили наш спор, надеясь, что Хэймиш все ещё блаженно спит и не знает, что его будущее меняется. Не к худшему, Боже, нет, не к худшему. Просто меняется.

Она подходит к старинной барной тележке и наливает себе стакан виски из графина, словно героиня в фильме Хичкока. Играя роль.

Разве она не видит, как я устал притворяться?

Разве она не устала?

— Хочешь? — спрашивает она почти застенчиво глядя через плечо, держа стакан ухоженными кончиками пальцев. Ее отец подарил нам его и графин в качестве свадебного подарка.

Я качаю головой, пытаюсь успокоить сердце.

Она залпом выпивает виски и через секунду оно течёт вниз по ее горлу.

— Как хочешь. Я выпью за тебя.

Она наливает ещё один стакан, изящно держит его и опускается на диван, садясь напротив меня. Скрещивает ноги и, поднимая голову, смотрит на меня, прядь светлых волос падает на лоб. Она снова похоронила все эмоции, притворяется, ведя себя так, словно все в порядке.

— Ты дурак, Бригс. Всегда был. Но я тебя прощаю. Мы все порой совершаем ошибки.

Я тяжело вздыхаю и закрываю глаза. Она не понимает.

— Люди постоянно влюбляются, — продолжает она, выпивая половину стакана и ставя его вниз на стеклянный столик. Звон стекла в комнате такой громкий, что кажется, она все уменьшается и уменьшается. — Это факт. Печальный, печальный факт. Но ты можешь влюбиться снова. Я буду пытаться усерднее. Действительно постараюсь. Я сделаю все, чтобы заставить тебя остаться. Ты это знаешь. Ты знаешь, какой я могу быть. Если у меня что-то есть, я это не отпущу. Я борюсь. И оставляю у себя то, что принадлежит мне.

Я это знаю. Вот почему я должен сказать ей правду. Ужасную правду. Потому что лишь тогда она поймёт. Лишь тогда увидит, что я имею в виду.

Хотел бы я, что б мне не пришлось говорить это.

— Мне очень жаль, — шепчу я.

— Я прощаю тебя, — она допивает остатки своего напитка, вытирая губы без помады, которую не успела накрасить, тыльной стороной ладони.

— Мне очень жаль, — снова говорю я, чувствуя, как на глазах появляются слезы. Резко качаю головой, — правда в том...я люблю другую. Я влюбился в другую.

Вот так.

Правда обрушивается.

Опускаясь на неё как кирпичи.

Она дёргает головой назад, словно от удара. Глаза в недоумении расширяются. Страх. Злость.

— Что?! — вскрикивает она. Смотрит на меня, ярость медленно нарастает, пока не

выходит наружу. — Кто это? Кто это! Скажи мне, твою мать, кто это?!

— Это не имеет значения, — говорю я, но она вскакивает на ноги, насмешливо глядя на меня. Лицо красное и перекошено. Не в силах больше притворяться.

— Скажи мне! — кричит она, держась за голову и оскалив зубы, глаза дикие. — Скажи мне! Я её знаю? Сьюзен? Кэрол!?

— Ты её не знаешь, Миранда. Просто так вышло, что я...

— Пошёл ты! — снова кричит она.

— Пожалуйста. Хэймиш спит.

— Ой, отвали! — она ударяет кулаками меня в грудь и отталкивает назад. — Пошёл к черту за то, что делаешь из меня идиотку. Кто она, какая-то молоденькая девка? Она заставила тебя сделать это? Ха, она исправила твою проблему?

— Я никогда не спал с ней, — быстро говорю ей.

— Бред! — кричит она. — Чертово враньё, Бригс. Бригс, ты не можешь говорить серьезно. Ты влюблён в кого-то другого, — качает головой, разговаривая сама с собой, — ты, из всех людей. Профессор. Тихий мистер МакГрегор. Нет. Не могу в это поверить. Я не могу, твою мать, поверить в это.

— Знаю, это тяжело слышать.

Удар.

Она отвечает мне пощёчину.

Снова.

И снова.

Сначала одна сторона, потому другая, и я поворачиваю щеку, потому что знаю, я это заслужил. Я знал, что так будет, и если бы она не отреагировала вот так, я бы действительно не узнал женщину, на которой женился.

— Ты ублюдок! Мудак! — она снова отталкивает меня и бежит через комнату к бару. Поднимает графин с виски и пьёт прямо из него, затем наклоняется от кашля, выплевывая напиток.

— Миранда, пожалуйста.

— Ты отвратителен! — кричит она, когда восстанавливает дыхание. — Ничтожный гаденьш! Ты спал с другой женщиной. Ты...

— Я этого не делал! — кричу я, руки летят в стороны. — Я никогда не спал с ней, пожалуйста, поверь в это.

— Даже если бы я поверила тебе, думаешь, это тебе что-то даст? — Она практически выплёвывает слова. — Любовь это выбор, Бригс, и ты его сделал. Ты выбрал не любить меня, ты выбрал любить её, какую-то чёртову шлюху. Какую-то пустышку. Ты выбрал разрушить наши гребаные жизни! — С последним словом она поднимает графин с виски и швыряет его в меня. Я уворачиваюсь как раз вовремя, и он ударяется о шкафчик позади меня, разбиваясь на миллионы осколков.

— Мамочка? — всхлипывает Хэймиш, стоя в дверном проёме и потирая глаза.

Твою мать!

Я оборачиваюсь, пытаюсь улыбнуться.

— Мамочка в порядке, — говорю ему. — Иди обратно в кровать, приятель.

— На улице буря? — спрашивает он, идя к разбитому стеклу.

— Хэймиш! — кричу я, протягивая руки, чтобы остановить его. Он останавливается, не дойдя до стекла, моргая на меня. Я никогда раньше не повышал при нем голос. Но прежде

чем я могу дотянуться до него, Миранда бежит через комнату и хватается за руку.

— Давай, малыш. Мы уходим, мы уходим, — говорит она, выводя его из гостиной в прихожую.

Я бегу за ними и вижу, как Миранда хватается за ключи от своей машины и пальто. Хэймиш уже плачет, и она берет его на руки.

— Что ты делаешь? — кричу я, несясь за ней.

Она быстро выбегает на улицу под дождь, и я прямо за ней, мои голые ступни погружаются в холодную грязь, и я практически поскальзываюсь, пока она бежит к седану.

Она несерьёзно. Она не может так поступить.

Я хватаю ее за руку, когда она кладёт Хэймиша на переднее сиденье и закрывает дверь. Там нет детского кресла — оно в доме, домработница чистила его, после того, как днём Хэймиш пролил на него молоко.

— Ты не можешь забрать его! — кричу я сквозь ветер и дождь.

— Отпусти меня! — визжит она, пытаясь вырваться. — Я забираю его у тебя, ты, ублюдок.

— Нет, послушай меня! — Сильнее хватаю ее руку. Хэймиш рыдает в машине, дождь скользит по стеклу. — Ты не думаешь. Ты выпила. Сейчас гребаная гроза, и тебе нужно его автокресло. Просто послушай меня!

— Если ты не отпустишь меня, — закипает она, — я расскажу всем, что ты бьешь меня, и ты никогда снова не увидишь сына. — Она прижимается ближе ко мне, пытаясь доказать свою позицию, и мои пальцы автоматически впиваются в мягкую кожу. — Ты можешь получить свой развод, Бригс. Но ты не можешь забрать его.

— Миранда, пожалуйста. Позволь мне взять автокресло. Знаю, ты злишься, но, пожалуйста, позволь сделать это! Просто позволь мне сделать это. — Мы оба промокли до нитки, и мои ноги медленно утопают в грязи. Я словно погребён под собственным отчаянием. — Пожалуйста, хорошо? Пожалуйста.

Она смотрит на меня, такая пугающая, такая разъярённая. Затем кивает, дождь стекает вниз по ее лицу.

У меня нет плана. Но знаю, я не позволю ей уехать отсюда, не в истерике и не в такую погоду. Я смотрю вниз, как плачет Хэймиш, его лицо розовое в тусклом свете, практически закрытое дождём.

— Дай мне секунду, — говорю я ему. — Папочка сейчас вернётся.

Я поворачиваюсь и бегу к дому, задаваясь вопросом, следует ли мне вызвать полицию, если она не успокоится к тому времени, как я возьму кресло. Если...

Звук открывающейся двери машины.

Я останавливаюсь и резко оборачиваюсь.

Она забирается на своё сиденье, хлопая дверью.

— Нет! — кричу я. Пытаюсь бежать, но поскальзываюсь, падая на землю. Грязь разлетается вокруг. — Миранда, подожди!

Как только я поднимаюсь, машина начинает двигаться, но я не ощущаю ни холода, ни дождя, не слышу ветер или двигатель, я просто чувствую страх. Чистый, нефильТРованный, первозданный ужас.

Передние колёса несколько секунд злобно прокручиваются, прежде чем машина разворачивается на подъездной дорожке.

Я начинаю бежать за ней.

Добегаю до машины и хлопаю руками по капоту, глядя на лицо сквозь двигающиеся щётки стеклоочистителя. Ее лицо. Ее унижение. Ее паника. Ее позор.

Его лицо. Расстроенное. Смущенное. Безупречный союз нас двоих. Идеальный маленький мальчик.

Ее лицо. Его лицо.

Стеклоочистители стирают их.

Она включает передачу и набирает скорость, достаточную для того, чтобы решётка радиатора ударила меня по бёдрам. Я быстро прыгаю обратно, пока она не переехала меня.

Переворачиваюсь на земле, откатываясь в сторону, и пытаюсь встать на ноги, пока Миранда разворачивается и ускоряется вниз по улице.

— Миранда! — кричу я. На секунду меня охватывает паника, и я замираю на месте, беспомощный, потерявший надежду.

Но это не так.

Я должен поехать за ними.

Я бегу обратно в дом, хватаю телефон и ключи от винтажного «Астон Мартина» и выбегаю обратно, запрыгивая в машину.

Гребаному куску дерьма надо несколько минут, чтобы завестись и я смотрю на телефон, раздумывая должен ли я позвонить в полицию. Я даже не знаю, нормальный ли у неё уровень алкоголя в крови или нет, я не хочу навлечь на неё неприятности, но если они смогут остановить ее, прежде чем это сделаю я, до того, как она, возможно, причинит вред себе или Хэймишу, тогда мне, вероятно, придётся сделать это. Я должен что-то сделать.

Я знаю, она направляется в дом к родителям, Хардингам, через мост к заливу Сэйнт-Дэвидс. Она всегда туда ездит. Может мне стоит позвонить ее матери. Предупредить их. За это миссис Хардинг возненавидит меня ещё больше, но не сильнее, чем когда Миранда расскажет им, что я сделал.

Наконец машина заводится. Я направляю ее по подъездной дорожке и на главную дорогу, извилистую магистраль, которая ведёт к М-8.

— Бл*дь! — Кричу я, ударяя кулаком по рулю, потому что ненависть к самому себе захлестывает меня. — Твою мать.

Почему я выбрал сегодняшний вечер, чтобы рассказать все?

Почему я должен был ехать в Лондон?

Почему я должен был выбрать это?

Почему это должно было выбрать меня?

Я задаю себе миллион вопросов, ненавижу себя, что позволил всему пойти таким путём, отчаянно желая сделать все по-другому.

Я задаю вопросы, на которые у меня нет никакого ответа кроме как:

Потому что я люблю Наташу.

Все сводится к этой ужасной правде.

Я люблю ее.

Так сильно.

Слишком сильно.

Достаточно, чтобы заставить меня бросить все.

Потому что я больше не могу жить во лжи.

Но правда не просто ранит, она разрушает.

Огибая Браебурн-понд, дорога резко уходит влево, и под проливным дождём дворники

работают настолько быстро, что я почти пропускаю поворот.

Но это невозможно.

Сломанный забор вдоль дороги.

Из-за насыпи поднимается пар.

С того места, где машина вылетела в кювет.

Машина вылетела в кювет.

Я резко ударяю по тормозам, машину заносит на пару футов, и останавливаюсь на обочине.

Не позволяю мыслям забраться мне в голову.

Мыслям, которые говорят мне, что это они.

Это могут быть они.

Но если это они, разум говорит мне, ты должен спасти их.

Я могу спасти их.

Не знаю, как мне удаётся справиться с паникой, но я делаю это.

Выбираюсь из машины, дождь льёт в лицо.

В воздухе пахнет горелым асфальтом.

Водоём беспокойный из-за бури.

Подойдя к краю дороги, я вижу слабый луч фар внизу, неуместный маяк в темноте.

И смотрю вниз.

Мир вокруг меня кружится.

Капот седана врезался в иву, тот же самый капот, на котором несколько минут назад я держал руки, умоляя ее не уезжать.

Машина под углом, опирается на сломанную переднюю часть.

Поднимается пар.

И, несмотря на это, у меня все ещё есть надежда.

Я должен надеяться.

Я кричу, издавая звуки, которые не в состоянии контролировать. Может, я кричу им, а может, кричу о помощи. Я спускаюсь вниз по склону к машине.

Молясь.

Прося.

Умоляя.

Что с ними все будет в порядке.

Что с ними все будет хорошо.

Лобовое стекло полностью разбито, зазубренное стекло окрашено в красный.

Я тупо смотрю на пустую машину.

Затем поворачиваю голову.

К пространству перед капотом.

И траве между машиной и водоемом.

Где в темноте лежат два тела.

Два тела — одно большое, одно маленькое.

Оба искалечены.

Оба неподвижны.

Наступает момент ясности, когда правда доходит до моего сознания.

Моя правда.

Настоящая правда.

И в этот момент я хочу схватить зазубренный осколок стекла, лежащий у моих ног.
И затолкать его себе в горло.
Закончить все до того, как что-то почувствую.
Но это был бы поступок труса.
Поэтому я, спотыкаясь, иду вперед.
Меня тошнит на собственную рубашку.
Сердце парализовано.
Я плачу.
Кричу.
Издаю животные звуки.
Еле волоча ноги, я прохожу мимо Миранды.
К Хэймишу.
Падаю на колени.
И убаюкиваю свою правду в своих же руках.
Я чувствую это.
И никогда не перестану чувствовать.
Дождь.
Смерть.
Конец всего.
Мой мир темнеет.
Таким он и остаётся.

Глава 1

БРИГС

Эдинбург

Наши дни

Хлопок.

Пробка вылетает из бутылки безалкогольного шампанского. Эта дрянь не «Дом Периньон», но ради брата и его программы по восстановлению от алкогольной зависимости, сгодится. Кроме того, не имеет значения, что мы пьём, важно лишь что мы отмечаем.

— Чертовы поздравления, брат, — говорю я Лаклану, хватая за мускулистое плечо и довольно сильно сжимая. Я сияю, чувствуя широченную улыбку на лице, но я счастливей, чем когда-либо. Может это настоящее шампанское, которое мы выпили с мамой до того, как пришли Лаклан и его девушка.

Подождите. Не девушка.

Теперь Кайла его невеста. И если вы спросите меня, давно пора.

Лаклан кивает, сконфуженно улыбаясь, что заставляет меня хотеть лишь ещё больше смутить его. В конце концов, такова работа старшего брата. Поскольку наша семья усыновила его, когда я окончил среднюю школу, я упустил те важные годы пыток детства, которые переживает большинство братьев и сестёр.

Мама подходит к нам и наливает безалкогольное шампанское в наши бокалы, затем в

бокал Кайлы, послушно стоящей рядом с Лакланом. Как обычно, она, так или иначе, держится за Лаклана — рука на его поясице — и ее щеки раскраснелись от эмоций. Я почти жалею, что она не плачет, так бы я позже смог подшучивать над ней. Она такая дерзкая, остроумная девушка, что было бы забавно подразнить ее.

— За Лаклана и будущую миссис МакГрегор, — говорит мама, поднимая бокал за счастливую пару. Прежде чем чокнуться бокалами, она смотрит на папу, который стоит в стороне, готовый сделать фотографию. Он стоит так уже последние несколько минут, — ну же, Дональд поторопись и иди сюда.

— Ещё одна, — говорит он, делая ещё одну фотографию нас с бокалами в воздухе, а затем спешит к нам. Она передаёт ему бокал, и мы все чокаемся друг с другом.

— Добро пожаловать в семью, Кайла, — искренне говорю я. Быстро смотрю на Лаклана и добавляю, — знаешь, я его постоянно пилил, чтоб он сделал тебе предложение. Не могу поверить, что он так долго решался, особенно с такой девушкой, как ты.

Морщина между бровями Лаклана становится глубже, челюсть напрягается. Думаю, я единственный живой человек, который может злить его и не бояться. Мой брат гигантский зверь, с бородой, мышцами и татуировками, а недавно он стал капитаном Эдинбург рагби. Вам не захочется связываться с ним, только если ваше имя не Бригс МакГрегор.

— Бригс, — предупреждает меня мама.

— Да, я в курсе, — спокойно говорит Кайла, прежде чем сделать глоток своего напитка. — Не буду врать, будто не оставляла свои кольца на комодe, чтобы облегчить ему задачу по выбору правильного размера.

— Умница, — говорю ей, снова касаясь ее бокала и, хотя у меня внезапно всплывает воспоминание о том, как я выбирал кольцо для Миранды, я проглатываю его вместе с пузырьками. Вот как я научился справляться с прошлым — вы признаете его и двигаетесь дальше.

Двигайся дальше.

Вчера мы все были на матче по регби между Эдинбургом и Манстри, поддерживали нашу команду. Конечно же, мы были там не только ради Лаклана. Несколько недель назад он рассказал нам, что во время игры собирается сделать предложение, и что неплохо было бы и семье там присутствовать. Даже несмотря на то, что я лишь на прошлой неделе начал преподавать, в пятницу вечером я вылетел из Лондона в Эдинбург.

Естественно мне было тяжело держать язык за зубами о том, что планируется, но я был рад, что все же сдержался, потому что от этого момент получился ещё значительней, особенно когда Лаклан немного напортачил с самим предложением. Но в конечно итоге все подучилось адски романтично.

— Это так волнительно, — взвизгивает мама. Давно я уже не видел, чтоб она визжала. Она ставит бокал на кофейный столик и хлопает в ладоши, браслеты звенят. — У вас есть какие-нибудь мысли по поводу того, где будет свадьба? Когда? Ох, и платье. Кайла, дорогая, ты будешь выглядеть прекрасно.

Я хочу сохранить улыбку на лице. Действительно пытаюсь. Но она начинает сползать.

Двигайся дальше, двигайся дальше, двигайся дальше.

Воспоминания о том, как моя мама и Миранда искали платье. Они искали несколько месяцев, пока не нашли идеальное. Помню, как Миранда притащила его домой, пряча в шкафу и запрещая мне смотреть на него.

Я сдержал слово. Я так и сделал. И в день нашей свадьбы она действительно украла мое

дыхание.

Хотел бы я, чтоб это воспоминание было чистым. Хотел бы я скорбеть, как любой нормальный мужчина. Чувствовать тоску, а не стыд.

Но все, что я чувствую, это стыд. Лишь позор.

Свою вину.

Мысли крутятся в голове, словно удары молний.

Моя вина.

Я закрываю глаза и медленно вдыхаю через нос, вспоминая, чему мучил меня психотерапевт.

Двигайся дальше, двигайся дальше, двигайся дальше.

Это была не моя вина.

— Бригс? — слышу, как зовёт меня отец, открываю глаза и вижу, как он с любопытством смотрит на меня. Дарит мне быструю, обнадёживающую улыбку, — с тобой все в порядке? — Он говорит низким, тихим голосом, и я за это благодарен. Мама с Кайлой обсуждают свадебные планы и ничего не замечают.

Лаклан же, с другой стороны, наблюдает за мной. Он знает мои слабые стороны, так же как и я знаю его. Но в то время как ради него мы можем пить безалкогольное шампанское, мы не можем игнорировать чёртову жизнь ради меня. Мы не можем делать вид, что не будет ни любви, ни свадьбы, ни детей лишь потому что все это забрали у меня.

Все это моя вина.

Я выдыхаю и натягиваю улыбку.

— Я в порядке, — говорю отцу. — Полагаю немного нервничаю по поводу завтрашних занятий. Это будет первая настоящая неделя в колледже. Первую можно не считать. Все ходят какие-то потерянные или страдают похмельем.

Он издаёт смешок.

— Да, помню эти дни, — допивает шампанское и проверяет часы, проливая оставшиеся капли на ковёр, пока поворачивает запястье. — Во сколько вечером у тебя рейс?

— В десять, — отвечаю ему. — Вероятно, мне следует подняться наверх и удостовериться, что я все собрал.

Я направляюсь к лестнице, когда Лаклан говорит мне вслед:

— Я отвезу тебя в аэропорт.

— Не беспокойся, — отвечаю я. Судя по интенсивности в его глазах, могу сказать, он хочет поговорить. И даёт понять, что хочет, чтоб я поговорил с ним. В прошлом году, во время подготовки к моей новой работе в Королевском колледже и переезду в Лондон, Лаклан находился рядом, чтобы убедиться, что я справляюсь, что у меня все хорошо. Может быть, это потому что я помог ему получить помощь в его проблемах с наркотиками и алкоголем, может он просто в принципе сильно беспокоиться обо мне, как друг и как брат.

Наши отношения всегда были немного напряженными и нестабильными, но, по крайней мере, теперь он один из тех немногих людей, на которых я могу рассчитывать.

— Это не проблема, — резко говорит он, фирменный знак заботы от Лаклана. — Я заброшу Кайлу домой и затем отвезу тебя.

Я выдыхаю и киваю.

— Конечно, спасибо.

Быстро поднимаюсь по лестнице и проверяю в порядке ли моя дорожная сумка. Когда я в Шотландии, то обычно останавливаюсь у родителей в своей старой комнате. Подобное

заставляет чувствовать себя ужасно старым, стоит мне хотя бы взглянуть на свою старую кровать, не говоря уже о том, чтобы спать на ней, но есть в этом и что-то утешительное.

Сейчас моя квартира в Эдинбурге сдаётся, так что там я остановиться не могу. В конце концов, я скорее всего продам ее. Я согласился на должность профессора киноведения в колледже с долей скептицизма и без реальных долгосрочных обязательств. Сейчас я арендую прекрасную квартиру в районе Мэрилебон, но пока не почувствую, что работа постоянная и я там надолго, предпочитаю осторожничать в своей новой жизни.

— Как Винтер? — спрашивает меня Лаклан после того, как мы попрощались с моими родителями и Кайлой, и едем в его «Рендж Ровере». На А-90 мелькают огни.

— Он сущее наказание, — отвечаю ему, постукивая пальцами вдоль края двери. — И порой настоящий гаденыш. Уверен, соседи подадут жалобу, когда он снова разлазится среди ночи.

— Ему ещё даже года нет, — говорит Лаклан. — Дай ему время. Он все ещё щенок.

— Ага. Он — машина по производству дерьма, вот он кто.

Лаклан эксперт по собакам и спасатель собак. Когда он не крутой игрок в регби, он управляет приютом для собак, особенно питбулей, и пытается привлечь к ним внимание. Кайла работает на него, и до сих пор организация — Любимый забияка — работает очень хорошо. Именно поэтому я и взял Винтера. Я нашёл его щенком на прошлое Рождество, скрывающегося в соседском сарае, во время бури около дома нашего дедушки в Абердине. Когда соседи не стали претендовать на собаку, был выбор или я возьму этот белый пушистый комочек или Лаклан заберёт его в приют. Полагаю, мне понравилась чертова собака, и теперь он настоящая заноза в заднице, которая выглядит так, словно сошел с экрана «Игры престолов». Тем не менее, без него было бы скучно, хотя я должен нанять выгульщика собак, чтобы, пока я на работе, он выпускал свою энергию.

— Знаешь, — спустя несколько минут тихо говорит Лаклан. — Если что-то из этого для тебя становится трудным... ты можешь просто сказать мне заткнуться. Я пойму.

Я смотрю на него, лицо наполовину скрыто тенями.

— Если становится трудным что?

Он прочищает горло и посылает мне выжидающий взгляд.

— Ты знаешь. Кайла и я. Мы женимся. Знаю, это может быть нелегко... ты и Миранда.

Я игнорирую ледяную хватку в груди и пытаюсь расслабить плечи.

— Она мертва, Лаклан. Нет смысла притворяться и не надо ходить вокруг да около, — выглядываю из окна, теряясь в темноте и лучах пролетающих фар. — Жизнь всегда будет продолжаться, вот что я выучил, и примирился с этим. Лишь из-за того, что для меня что-то закончилось, это не значит, что это что-то закончилось и для всех остальных. Ты женишься на Кайле, и свадьба будет прекрасной. После этого, уверен, она родит гигантских звероподобных детей. И я буду разговаривать с тобой об этом, буду там ради тебя и буду наслаждаться этим. Жизнь продолжается, и я иду дальше. Я делаю это. Ваша жизнь, любовь и счастье не исчезнет из-за того, что потерял я. Ни Миранда, ни Хэймиш никогда не хотели бы этого.

Машина наполняется тишиной, я ощущаю, как он расстроено смотрит на меня. Я не поворачиваю голову. Просто позволяю словам повиснуть в воздухе.

— Но дело не только в этом, — осторожно говорит он. — Я вижу это по глазам, Бригс. Тебя что-то гложет. Это не печаль и скорбь. И это не Миранда и Хэймиш. Ты мучаешь сам себя. Когда ты, наконец, расскажешь мне... почему? Что на самом деле произошло?

Я тяжело сглатываю.

Двигайся дальше, двигайся дальше.

Фары. Уличные фонари. Все становится ярче и ярче. Аэропорт уже близко.

— Лаклан, ты мне нравишься больше, когда не болтаешь так много, — говорю ему, не спуская глаз с этих огней. Я ставлю точку, считая их, пока они проносятся мимо. Даю понять, что не думаю над его вопросом.

Слышу, как он задумчиво чешет бороду.

— А Кайла не жалуется, — говорит он.

Я закатываю глаза, радуясь, что у меня есть что-то ещё, за что можно зацепиться.

— Что бы ты ни сделал, она не увидит в этом ничего плохого. Это любовь, приятель. И я, правда, действительно счастлив, что она у тебя есть. Ты больше всех на свете заслуживаешь любви.

Проходит несколько мгновений.

— Знаешь, — говорит он, — у нас их не будет.

Я смотрю на него.

— Не будет кого?

— Детей, — говорит он. Качает головой. — Мы обсуждали это, но... она не в восторге от этой идеи и если честно, я тоже. Ребёнок с моими генами... не очень честно.

Должен сказать, я удивлён услышать такое от Лаклана лишь из-за глубины его любви к Кайле. С другой стороны, не удивлён услышать ее позицию по этому поводу. У Кайлы материнский инстинкт гремучей змеи. Имею в виду в хорошем смысле.

— Что ж, очень плохо, — говорю ему, — потому что какими бы не были твои гены, ты будешь замечательным отцом. Намного лучше, чем я был, это точно, — я вздыхаю, на мгновение зажмуривая глаза. А когда открываю их, мы подъезжаем к аэропорту. — Но поступай, как считаешь нужным. Если ты не хочешь их, не заводи. Последнее, что нужно миру, так это ещё один нежеланный ребёнок. У вас с Кайлой есть собаки, вы и ваши очень загруженным жизни. Этого достаточно. Поверь мне.

— Я почти уверен, Джессика с ума сойдёт, когда узнает, — говорит Лаклан, называя нашу маму по имени, как делает обычно. Он подъезжает к обочине около зоны отправления. — Я ее последний шанс на внуков.

— У неё был внук, — огрызаюсь я, слова льются словно яд. Кровь громко стучит в ушах. — Его звали Хэймиш.

Образы Хэймиша пролетают мимо меня. Ледяные голубые глаза, рыжеватые волосы. Большая улыбка. Всегда спрашивая: «Почему? Почему папочка?» ему было всего два, когда его забрали у меня. Сейчас ему было бы почти шесть. Я всегда ждал, когда он пойдёт в школу. Я знал, любопытство приведёт его к большим и лучшим свершениям. Хоть в конце я и не был влюблён в Миранду, я был влюблён в своего мальчика. И даже когда у меня хватало решимости эгоистично желать другой жизни для себя, он всегда был для меня главным.

Это не должно было случиться.

Лаклан пристально смотрит на меня, широко открыв глаза, раскаяние покрыло его лоб морщинами.

— Бригс, — говорит он, голос хрипит. — Прости. Извини, я не это имел в виду.

Я быстро качаю головой, пытаюсь избавиться от гнева.

— Все в порядке. Прости. Я просто... я знаю, что ты имел в виду. Сегодня был длинный день, и мне просто надо поехать домой и немного поспать.

Он кивает, хмурясь от стыда.

— Я понял.

Я громко выдыхаю и пытаюсь взбодриться.

— Ладно, время пройти через ад безопасности. Спасибо, что подвёз, Лаклан, — тянусь на заднее сиденье и хватаю сумку, прежде чем выйти из машины.

— Бригс, — снова говорит он, наклонившись на сиденье, чтобы посмотреть на меня, прежде чем я закрою дверь. — Серьёзно. Береги себя в Лондоне. Если тебе что-то понадобится, просто позвони мне.

Кулак в груди ослабевает. Я взрослый мужчина. Мне хочется, чтоб он не беспокоился обо мне так сильно. Хочется, чтоб я не чувствовал, что мне это нужно.

Я машу ему рукой и отправляюсь в свой путь.

***

Все дикторы по радио продолжают болтать о том, каким прекрасным был уикенд, долгое лето с рекордно-высокими температурами и обжигающим солнцем. Естественно такая погода была в те выходные, когда я был в Шотландии, и, конечно же, когда я собираюсь в понедельник, на улице льёт как из ведра.

Я смотрю на себя в зеркало в коридоре и придирчиво оглядываю. Сегодня я надел костюм стального серого цвета, под ним светло-серая рубашка, галстука нет. На прошлой неделе все было для того, чтобы студенты почувствовали себя комфортно — я был в рубашке и джинсах, футболке и брюках, но на этой неделе все строго. Некоторые студенты в моем классе одного возраста со мной, так что я, по крайней мере, должен выглядеть серьёзно, даже если у меня на плечах собачья шерсть.

Мой взгляд путешествует к Винтеру, сидящему на полу, он стучит хвостом, глядя мне в глаза и обратно в зеркало. Сейчас он спокоен, но когда я уйду, знаю, он использует мою квартиру как спортзал. Спасибо богу за Шелли, мою выгульщицу собак. Она присматривала за ним в уикенд и нянчилась с ним как с непослушным ребёнком.

Я приглаживаю волосы назад и смотрю на седые пряди на висках. В эти дни я стригу их коротко. К счастью, я снова набрал весь свой вес, так что не выгляжу словно слабак, как было до этого. Почти каждое утро летом я проводил в спортзале, упорно работая, чтобы снова прийти в форму, и наконец, это окупается. После аварии и моего последующего за ней нервного срыва (или, как выразились на моей прошлой работе, прежде чем отпустить меня, моего «психического отклонения», как будто то, что произошло со мной, можно было объяснить так аккуратно, словно препятствие на пути) я не ел. Я не жил. И только когда я нашёл мужество, чтобы обратиться к врачу и наконец, разобраться с этим, я выполз из пепла.

Хотел бы я сказать, что для меня все это одно сплошное пятно, годы движения вниз по спирали, мрачный мир вокруг меня, чувство вины и ненависти, прилипшие ко мне как смола. Но я помню все очень ярко. В ужасных, изысканных деталях. Может быть это наказание, оковы за мое злодеяние.

Я знал, что влюбиться было ошибкой.

Я заслуживаю всех наказаний, которые могу получить.

А хуже всего то, что в некоторые ночи, самые тёмные, когда я чувствую, как на самом деле я одинок, насколько сильно из-за моего выбора мир сошёл со своей оси, я думаю о ней.

Не о Миранде.

Я думаю о ней.

О Наташе.

Думаю о причине, по которой мои суждения исказились, причине, почему я выбрал своё собственное личное счастье, а не свою семью. Думаю о том, как впервые по-настоящему влюбился. Это не была тяга к комфорту и самодовольству, как это было с Мирандой. Это был прыжок с обрыва без парашюта, прыжок с тарзанки без верёвки. Я знал, в тот же самый миг, когда я увидел Наташу, я *знал*, что пропал, и не было ничего, что могло бы удержать меня в стороне.

Можно подумать, что воспоминания о любви будут чувствоваться так же, как реальные чувства, но эти воспоминания никогда не будут иметь ничего общего с любовью. Любовь это хорошо. Любовь добра. Терпелива. Чиста.

Так говорят.

Наша любовь с самого начала была ошибкой. Прекрасной, лишаящей жизни ошибкой.

Даже если бы я позволил себе вспомнить — почувствовать — каково это было смотреть в ее глаза, слышать те слова, которые она когда-то так тихо шептала, это не принесло бы мне никакой пользы. Эта любовь разрушила столько всего. Она разрушила меня, и я охотно позволил ей разорвать меня на части. А затем сам разрушил все последнее хорошее, что было в моей жизни.

Воспоминания о любви — яд.

Мой психотерапевт сказал мне, что я должен принять это. Признать, что люди постоянно влюбляются в тех, кого не следует, что я была захвачен этим чувством и, на этот раз, потерял контроль над своей жизнью, и, не смотря ни на что, я не могу винить себя в смерти Миранды и Хэймиша. Это был несчастный случай. Люди каждый день разводятся, и все не заканчивается вот так.

Просто трудно поверить, что ничего бы из этого не произошло, если бы я не позволил себе влюбиться в другую женщину. Этого не случилось бы, если бы той ночью я не сказал Миранде, что хотел развестись. Они были бы все еще живы. И я не был бы опустошенным и разрушенным мужчиной.

И даже если воспоминания останутся, Наташи нет. В своем глубоком, близком к самоубийству горе, я сказал ей, что мы были ошибкой, и все произошедшее было нашим наказанием. Сказал ей, что больше никогда не хочу ее видеть.

Прошло уже четыре года. Она послушала меня.

Я вздыхаю и замечаю свое выражение лица. Я выгляжу измученным, как и сказал Лаклан. Глаза кажутся холоднее, голубые словно айсберг, под ними залегли темные тени. Однако Лаклан не знает правду, ее знает лишь мой врач. Для всех остальных Наташа — секрет, ложь.

Я натягиваю улыбку, больше похожую на ухмылку волка, распрямляю плечи и выхожу на улицу, в руках зонт и портфель.

Моя квартира находится на Бейкер-стрит, прямо напротив музея Шерлока Холмса. На самом деле, когда я особенно уныл, я провожу несколько часов, просто наблюдая, как туристы выстраиваются в очередь, чтобы войти внутрь. Одной из причин, по которой я выбрал квартиру, была новизна. В детстве я был большим поклонником Холмса, как и всего, что создал сэр Артур Конан Дойл. И мне нравится паб по соседству. Отличное место, чтобы знакомиться с женщинами, и если они только что вышли из музея, вы знаете, что у них, по крайней мере, есть какие-то мозги.

Не то чтобы я разделял с этими девушками что-то большее, чем несколько напитков, в основном я прихожу туда ради компании. Затем они продолжают свой весёлый пьяный путь, и я остаюсь джентльменом, мужчиной, о котором она напишет друзьям и скажет «шотландские мужчины такие воспитанные, он купил мне выпить и ничего не ожидал от меня». Хотя иногда все заканчивается спальней. Правда в том, что я не готов к свиданиям, не готов к отношениям. Я едва готов к этой работе.

Но ты готов, говорю я себе, уклоняясь от дождя и направляясь вниз в метро, проходя к своей линии. На этой неделе я обозначу цели на семестр, дам студентам знать, чего ожидать. На этом неделе я, наконец, начну работать над своей книгой: *Трагические комики: комедийная игра в раннем американском кинематографе*.

Пока мысли в голове в беспорядке смешиваются, я понимаю, что двери поезда вот-вот закроются. Я равнодушно бегу к нему, а затем останавливаюсь как вкопанный.

В поезде, спиной к закрывающимся дверям, стоит женщина.

Я могу видеть лишь часть ее.

Густые, наполовину мокрые волосы медового цвета струятся вниз по спине.

В этой девушке нет ничего, что говорило бы, я должен узнать ее. Что я знаю ее.

Но все же она кажется мне знакомой.

Может не как блондинка, но клянусь, она мне знакома.

Поезд отъезжает, но я иду прямо к дверям, словно сумасшедший, наблюдая, как он въезжает в тёмный туннель, желая, чтобы женщина хоть немного повернула голову. Но я не вижу ее лица, и когда она уезжает, я стою на краю платформы, оставшись позади.

— Следующий поезд скоро подойдёт, — говорит мужчина за моей спиной, проходя мимо с газетой в руке.

— Да, — рассеянно говорю я. Пробегаю рукой по волосам, пытаюсь привести мысли в порядок.

Это была не она.

Как ты можешь узнать кого-то по затылку?

Потому что ты провёл несколько месяцев, запоминая каждый ее дюйм, к которому не мог прикоснуться, думаю я. Твои глаза делали то, что не могли сделать твои руки, рот и член.

Я выдыхаю и отхожу от края. Последнее, что мне нужно, начать неделю вот так, ища призраков там, где их нет.

Я жду следующего поезда, как обычно выхожу на Чаринг-кросс, и направляюсь в колледж.

Глава 2

НАТАША

Эдинбург

Четыре года назад

— Наташа, у тебя есть минутка? Тут тебя хочет видеть Бригс МакГрегор.

— Бригс кто? — говорю я в телефон. — Это имя? — На линии помехи, и я едва слышу

своего куратора Маргарет. Вот что они получили, засунув меня в чулан наверху и назвав его кабинетом. Очевидно, они так стремились к тому, чтобы у них был интерн, который будет рвать задницу и работать на них бесплатно, что сделали кабинет просто из ничего. Я благодарна, что мне не приходится набирать текст в туалете.

— Просто спустись вниз, — говорит Маргарет, прежде чем повесить трубку.

Я вздыхаю и сдуваю прядь волос с глаз. Я по горло зарылась в сценарии, которые должны были стать изюминкой этой работы, но так как девяносто процентов материала для участия в фестивале короткометражных фильмов отстойные, мои дни стали чрезвычайно утомительными.

Когда я впервые подала заявку на стажировку на Эдинбургском фестивале короткометражных фильмов, я думала, это будет хороший способ получить дополнительный опыт перед началом последнего года моей магистратуры, тем более, что я планирую писать диссертацию о влиянии фестивалей на художественные фильмы. По крайней мере, думаю, именно это станет темой моей диссертации. Я так же думала, будет приятным разнообразием выбраться на лето из Лондона и исследовать Эдинбург, особенно учитывая всех идиотов, которые продолжают околачиваться в колледже.

И хотя, я все ещё думаю, что так и есть — я получаю хороший материал для своей диссертации, и мне нравится Эдинбург — я не ожидала, что стану маленькой рабыней. Не то чтобы я была маленькой, не с этими бёдрами и попой, которые едва могу влезть в этот чулан-кабинет, но я буквально суечусь с восьми утра до семи вечера, и иногда мне кажется, заправляю здесь всем сама. Например, теперь они поручили мне приём сценариев для конкурса, который они проводят (победитель получает все оборудование для съёмки фильма по этому сценарию) и ожидают, что я выберу победителя. Хоть я и польщена такой ответственностью, не уверена, что ее следует верить мне.

И я не удивлена, что там, в холле, меня хочет видеть какой-то мужчина, потому что всякий раз, когда режиссёр приходит с предложением, вопросом или хочет работать с нами, они отправляют его ко мне. Я здесь всего лишь три недели, а должна вести себя так, словно знаю все.

К счастью, я довольно хорошая актриса. Имею в виду, по крайней мере в Лос-Анджелесе было так.

Я встаю и выхожу из кабинета, следуя по узкому коридору с каменными стенами и деревянными полами, перед тем как спуститься по лестнице на первый этаж к стойке ресепшн, где Маргарет что-то печатает на своем компьютере. Ее порхающие пальцы останавливаются, и она кивает на кресло у двери под серией дерьмовых плакатов.

— Это профессор МакГрегор из Эдинбургского университета, — говорит она, прежде чем вернуться к работе.

Мужчина встает и улыбается мне.

Он высокий и широкоплечий, одет в черную рубашку и джинсы.

Чертовски красивый, подбородок с правильным количеством щетины, высокие скулы и пронзительные бледно-голубые глаза.

Тот вид красоты, который опустошает клетки вашего мозга.

— Здравствуйте, — говорит он, идя ко мне с протянутой рукой.

Его улыбка ослепительно-белая и абсолютно дьявольская.

— Бригс, — говорит он мне, когда я подаю ему руку.

Его хватка теплая и сильная.

— Ты должно быть Наташа, — продолжает он.

Точно. Эта та часть, где говорю я.

— Д-да, — заикаюсь я и сразу же ругаю себя, что говорю не слишком уверенно. —

Простите, я отвлеклась... Бригс, вы сказали? Интересное имя.

Интересное имя? Боже, да я сегодня просто на коне.

Но он лишь смеётся, и улыбка на его лице становится шире.

— Да, видимо мои родители возлагали на меня большие надежды. Послушай, можешь уделить мне минутку?

Я смотрю на Маргарет.

— Конечно. Маргарет, какой-нибудь кабинет свободен?

Не глядя на нас, она качает головой. Обычно я провожу встречи в одном из других кабинетов.

— Хорошо, ну что ж, — посылаю Бригсу извиняющийся взгляд. — Следуйте за мной. Нам придётся воспользоваться моим кабинетом, и я заранее извиняюсь, потому что это в прямом смысле слова чулан. Они держат меня там словно Рапунцель.

Я иду по коридору и вверх по лестнице, бросая на него взгляд через плечо, чтобы убедиться, что он идёт за мной. Я ожидаю, что он будет смотреть на мою попу, потому что она практически на уровне его лица, и это самая большая вещь в здании, но вместо этого он смотрит прямо на меня, словно ожидая встретить мой взгляд.

— Вот мы и здесь, — говорю ему, когда мы доходим до места, входя в мой кабинет и втискиваясь между краем стола и стеной. Я сажусь на свой стул и вздыхаю.

— Вау, а ты не шутила, — говорит он, наклоняясь, чтобы голова не врезалась в потолок. — Может здесь есть какое-то ведро, чтоб я мог сесть на него?

Я указываю головой в сторону стула, на котором сейчас лежат сценарии.

— Можете передать эти сценарии мне.

Он начинает складывать их на мой стол и садится, вытягивая длинные ноги.

Я смотрю на него поверх стопки и дарю ему самую очаровательную улыбку. Мне действительно жаль, что перед встречей с ним я не потрудилась взглянуть на себя в зеркало. У меня, вероятно, капуста в зубах.

— Так чем я могу вам помочь, профессор МакГрегор?

— Бригс, — снова эта улыбка.

— Бригс, — кивая, говорю я. — О, и позволь мне, в преддверии нашего разговора, предупредить тебя, что я интерн. Я здесь всего лишь три недели и не знаю, что делаю.

— Интерн? — спрашивает он, потирая челюсть рукой. — Не из моей программы.

— Я хожу в колледж в Лондоне.

— Королевский колледж?

— Нет, хотя хотела бы. Но не могу себе это позволить.

— А, стоимость обучения для иностранных студентов. Ты канадка? Американка?

— Ты имеешь в виду, что я говорю не как англичанка? — Шучу я. — Я американка. И да, плата за обучение очень высока, хотя со стороны отца у меня и французский паспорт, но я получила его лишь в этом году. Хотя ладно, не буду тебя грузить. Прости. Я собираюсь в МЕТ¹ на киноведение. Там немного дешевле.

Он кивает.

— Отличный колледж.

— Ответ очень тактичного преподавателя.

— Я и есть тактичный преподаватель.

Боже, вот бы закрутить с ним роман студент-преподаватель. Мне двадцать пять, а ему, судя по всему, за тридцать, так что это не будет настолько предосудительно и...

Мои мысли тут же исчезают, когда я вижу его обручальное кольцо.

Ох.

Ну, как всегда.

Но я ведь могу на него смотреть, женат он или нет.

— Так что привело тебя сюда? — удаётся сказать мне.

— Что ж, забавно, — говорит он, пробегая рукой по рыжеватым волосам. — Я пришёл сюда по одной причине, теперь у меня их две.

Я поднимаю брови.

— Хорошо?

— Одна из причин состоит в том, что наш университет не может конкурировать с шишками в Лондоне, так что мы решили, возможно, спонсирование фестиваля позволит нам оказаться в правильном месте в правильное время. В конце концов, победителей может быть много, и когда фестиваль закончится, и проигравшие режиссёры захотят уйти, мы, воспользовавшись низкой самооценкой, сможем украсть их и внести в нашу программу.

Я поджимаю губы.

— Это очень пессимистичный взгляд на вещи.

— Я реалист, — жизнерадостно говорит он.

— Оппортунист.

— То же самое.

— Что ж, мы могли бы задействовать ещё больше спонсоров, — ладно, ну, мне придётся уломать Маргарет и Теда, но думаю, мы можем справиться с этим. — Какая вторая причина?

— Ты будешь работать на меня.

— Прости?

Он осматривает чулан-кабинет, прищуривая глаза на пятно на потолке, которое появляется, когда идёт дождь (а дождь идёт постоянно, у меня, на самом деле, есть ведро на этот случай).

— Ты кажешься умной девушкой. Я начинаю писать книгу, и мне нужен ассистент по исследованиям.

— Ты писатель?

— Нет, ещё нет, — говорит он, ненадолго отводя взгляд. — Но именно это и делают профессора в своё свободное время, ну ты знаешь. Научные статьи, журналы. Всегда пишут. Честно говоря, я ощущаю давление, но не могу делать все сам. Начнём с того, что я очень медленный писатель, и все лишнее тормозит меня.

— О чем твоя книга?

— Трагические комиксы. Бастер Китон, Чарли Чаплин. Их игра в раннем кинематографе.

Может ли этот мужчина быть более совершенным? Я чертовски одержима Китоном, Чаплином, Лорелом и Харди, Гарольдом Ллойдом с тех пор, как папа заставил меня наблюдать за ними, когда я была маленькой. Блин, это заманчиво. Действительно заманчиво. Но голубоглазый профессор обратился не по адресу.

— Я польщена, — говорю ему, — но нет ни единой возможности, чтоб я была в состоянии справиться с двумя работами. Я в буквальном смысле работаю здесь весь день. Жизнь стажёра. Ни перерыва, ни веселья.

— Тебе придётся работать лишь несколько часов в день, а если захочешь работать больше, отлично. Я буду платить тебе сорок фунтов в час.

Сорок фунтов в час? За исследование о Бастере Китоне?

Словно работа мечты приземлилась ко мне на колени. И настоящая работа, а не недоплачиваемая стажировка.

Но я точно не смогу бросить фестиваль на произвол судьбы.

— Могу я поговорить с людьми здесь? — Спрашиваю его. — Может, мы что-нибудь придумаем.

— Конечно, — говорит он, лукаво улыбаясь, словно уже знает, что я буду работать на него. Он встаёт и кладёт визитку на стопку сценариев, — когда у тебя будет ответ на оба вопроса, позвони мне. — Смотрит на меня, наклонив голову. — Приятно познакомиться, Наташа.

Затем выходит из двери, и вот его уже нет.

Глава 3

НАТАША

Лондон, Англия

Наши дни

Я просыпаюсь с этим непростым чувством. Ну, вы знаете, тем, которое говорит вам, что ваш будильник, как это должно было быть сегодня утром, не сработал и вы облажались по полной.

Я открываю один глаз и моргаю, глядя на потолок. Свет в комнате кажется немного приглушённым, и я слышу звуки душа по соседству с гангстерским рэпом девяностых. Мелисса уже встала. Обычно я выхожу из дома раньше неё.

Я переворачиваюсь и поднимаю телефон.

9:50

ДЕРЬМО.

Мое первое занятие начинается в одиннадцать, а мне ещё надо выбраться из Уэмбли.

Откидывая одеяло, я вскакиваю с кровати и быстро ищу в комнате то, что можно было бы надеть. Я беру джинсы, но вчера, когда мы с Мелиссой ходили на футбол, я пролила на них томатный соус. И тут я вспоминаю о том, что прошлым вечером, когда мы пришли домой, я не приняла душ, а я уж точно не собираюсь появляться на занятии профессора Ирвинга благоухающая пивом и мясным пирогом.

Я скидываю халат и спешу в коридор, стуча в дверь ванной.

— Я проспала! — кричу я. — Ты там ещё долго?

Секунду я думаю, что она не слышит меня из-за ора Ар Келли, но шум воды стихает и она кричит в ответ:

— Дай мне минуту!

Я жду, пока откроется дверь, и она выходит, лицо покраснелось от душа, волосы завернуты в полотенце.

— Мне было интересно, собираешься ли ты встать, — говорит она. — Вот, ванная

ТВОЯ.

— Могла бы попытаться разбудить меня, — отвечаю ей. — Ты же знаешь, у меня занятие в одиннадцать.

Она закатывает глаза.

— Я тебе кто, мамочка? — Затем отправляется обратно в свою комнату.

Знаю, она права, но все же. Иногда мне кажется, Мелисса хочет, чтоб я опустилась до ее уровня. Она говорит, что я слишком переживаю по поводу учебы, но после всего того, что я пережила, у меня нет другого выбора, кроме как с головой уйти в учебу. Меня не было почти четыре года и помимо нескольких зачетов здесь и там, я, по большей части, начинаю магистратуру заново. Кроме того, магистратура в Королевском колледже устроена не так, как в МЕТ. К тому же Мелисса на прошлой неделе даже не ходила на занятия, проводя время в барах за пределами кампуса в поисках добычи.

Я запрыгиваю в душ, с рекордной скоростью мою голову и наношу кондиционер. Если даже Мелисса не ходила на занятия, я свои посещала, и узнала, как сложно будет попытаться вернуться и встать на ноги. Что если не было смысла поступать в Королевский колледж? Может, стоило остаться во Франции с папой и просто оставить свое образование таким, какое оно было? Тот факт, что мне приходится начинать все сначала приводит меня в уныние и ошеломляет.

Дыши, напоминаю себе, закрывая глаза и делая паузу, позволяя воде бежать вниз по спине. В эти дни мои панические атаки все реже и реже, но я знаю, они подкрадываются ко мне, выжидая, когда я сломаюсь.

О, этот неизбежный срыв.

Цена, которую вы платите за попытку вернуться к жизни.

Каким-то образом мне удастся вытряхнуть эти мысли из головы и выпрыгнуть из душа. Я не беспокоюсь о макияже. На это нет времени. Я ассистентка профессора Ирвинга по Film 100, и, несмотря на то, что мне неприятно показываться перед сотней студентов похожей на чучело, гнев профессора пугает меня больше. На прошлой неделе он вышвырнул студента лишь за то, что тот взглянул на свой телефон.

— Хочешь чаю? — спрашивает Мелисса из кухни, пока я торопливо шагаю в свою комнату и начинаю разбрасывать вещи в поисках брюк без следов пятен. Хотелось бы мне сказать, что я не была такой неорганизованной и неряшливой до происшествия, но это будет абсолютной ложью. Мне двадцать девять и я так и не научилась жить.

— Нет времени! — кричу я, поднимая юбку, которая могла бы налезть, если бы я регулярно ходила в зал, как обещала себе. Одним из положительных моментов во время выздоровления во Франции было то, что мне удалось сбросить вес. Несмотря на это, у меня все еще есть бедра и попа, а теперь и маленький животик, которого раньше не было. Во всем этом я виню мясные пироги, которые поглощаю с тех пор, как переехала обратно в Лондон.

Я все равно натягиваю юбку, надеваю лифчик, легкий свитер и плащ. На улице льет, а мне надо пройтись, прежде чем я доберусь до метро. Потом я бегу на кухню и хватаю банан, Мелисса сидит за столом. Она бросает заменитель сахара в чай, кружа ложкой по чашке.

— Ты не пойдешь на занятия? — спрашиваю ее. — Они у тебя вообще есть?

— Э-э-э, — отвечает она. — Какой-то урок по анализу короткометражных комедий и что-то еще.

— Кто преподаватель?

Она пожимает плечами и прихлебывает чай.

— Не знаю. Кто-то.

Я хмуро смотрю на неё. Мелисса очень умная девушка, видимо, поэтому меня так удручает ее унылое отношение к учебе. Она едва ходит на занятия и у неё все ещё хорошие отметки. Она получает степень лишь по одной причине — чтобы успокоить родителей. Чем она действительно хочет заниматься, и занимается, это играть. Я росла с матерью, которая была одержима актерством и славой, так же как и Мелисса, и я знаю, чем это заканчивается. Даже я участвовала в подобном, когда росла в ЛА, но этот образ жизни не для меня.

Мелисса и моя мама влюблены в самую идею популярности, им хочется быть востребованными и обожаемыми, но их не устраивает реальность актерской жизни. Может поэтому, когда я впервые, шесть лет назад встретила Мелиссу, мы нашли общий язык. Она напомнила мне маму, человека, от которого я сбежала из ЛА. Какая ирония. Прodelать такой путь в Англию и познакомиться с почти таким же человеком, от которого вы пытались убежать.

Когда я впервые познакомилась с Мелиссой, мы с классом пришли на съёмочную площадку, где она работала. Мы разговорились, поладили, а остальное уже история. Мелисса понравилась мне тем, что, даже если она и была тщеславностей и самонадеянной, как и моя мать — всегда делала селфи, писала о том, насколько она талантливее других актрис и что она заслуживает гораздо большего — она была очень весёлой, а мне в жизни этого не хватало. По каким-то причинам я тоже понравилась ей, возможно из-за того, что была немного старше или потому что выросла в ЛА. Когда она узнала, что я собираюсь в колледж на фильмографию, она захотела сделать то же самое. Конечно, она обскакала меня и к тому времени, как я училась на первом курсе магистратуры в МЕТ, она начинала учёбу в Королевском колледже — намного лучше учебном заведении.

Тем не менее, мне льстило, что она хотела подражать мне, и она оказалась настоящей подругой, и в горе и в радости. На самом деле она не одобряла то, что я делала с Бригсом, хотя встречала его лишь раз, но после происшествия и во время моего срыва она была на моей стороне. Когда я переехала во Францию к отцу, чтобы привести свою голову в порядок и собрать кусочки своего сердца, мы потеряли связь, но как только в мае я нашла силы вернуться в Лондон, мы снова стали общаться. И когда ее последняя соседка съехала, я переехала к ней.

Мелисса смотрит на меня так, словно может слышать мои мысли.

— Не беспокойся обо мне. Я собираюсь сходить туда. Кроме того, я не видела, что там за парни у меня в классе. Может мне повезёт и у кого-то из них окажется горячая задница.

— Может, у твоего учителя горячая задница, — говорю я ей, хватая сумку со спинки стула. — Напиши мне, когда закончится твой таинственный урок, и мы встретимся.

Она машет мне на прощание, и я выбегаю из здания. Дождь на время прекратился, но это не имеет значения, мои волосы все ещё влажные после душа. Не знаю почему, но с тех пор, как я перекрасила их в медовый блонд, клянусь, они стали ещё более густыми.

Пока я спешу к метро на Уэмбли (с балкона нам открывается вид на стадион Уэмбли, и он отлично подходит для того, чтобы напомнить вам обо всех концертах, которые вы не можете себе позволить), мой разум возвращается к чему-то такому, к чему ему возвращаться не следует.

К нему.

Бригсу.

А все потому что я сказала, что у ее преподавателя может быть горячая задница.

Потому что, черт, у Бригса всегда была горячая задница. Он словно был рождён делать выпады.

— Перестань думать о нем, — говорю я себе. Вслух. Потому что я сумасшедшая. К счастью рядом нет никого, кто мог бы меня слышать и, честно говоря, это было бы наименьшей из моих проблем, потому что мой поезд мыслей продолжает движение. Бригс это постоянное напоминание. Когда-то он был мужчиной, которого я любила больше всего на свете. Но он был мужчиной, который никогда не будет моим. Был тот короткий прекрасный период, когда я думала, что у нас есть шанс. Мы были так близки к тому, чтобы быть вместе, положить конец греху. А потом все рухнуло.

И под «рухнуло» я имею в виду: его жизнь взорвалась, и я была втянута в этот взрыв.

Это была моя ошибка.

Наша ошибка.

И я никогда не перестану винить себя за случившееся. За то, что случилось с ними, и что я сделала ему.

Если бы меня не существовало, если бы я никогда не встретила Бригса и не влюбилась в него так же, как он влюбился в меня, его жена и ребёнок все ещё были бы живы.

Моя любовь убила.

Моя любовь разрушила жизнь этого мужчины.

Я потрясена тем, что слеза катится по моей щеке. Хотела бы я обвинить в этом дождь, как поётся в песне, но не могу. Я многие месяцы не плакала из-за Бригса, из-за происшествия. Это то, что мой врач назвал бы прогрессом. И эта слеза то, что мой папа назвал бы «человечностью».

— Прими свою человечность, Таша, — сказал бы он мне. — Потому что если ты не плачешь, твоя душа никогда не исцелиться.

Она не исцелилась, и не думаю, что это когда-то произойдёт. Но полагаю, слезы не имеют к этому никакого отношения. Просто в жизни есть вещи, от которых невозможно уйти.

Но я пытаюсь. Пытаюсь.

Одна нога впереди другой.

Все сначала.

До тех пор, пока я сосредоточена на будущем, а не на прошлом, может быть, возможно, я смогу выбраться из него. Это новая жизнь, лучшая жизнь. Теперь я даже иду в лучший колледж: Королевский колледж. Если я просто продолжу двигаться вперёд, может, тогда у моей души появится шанс.

Я сажусь в поезд и направляюсь в колледж.

***

Да уж, никто бы не назвал это занятие весёлым, думаю я про себя, выбираясь со своего места. Зал переполнен уходящими студентами и у меня такое чувство, что мне и двум другим ассистентам, Девону и Табите, надо остаться и поговорить с профессором Ирвингом.

Этот человек — такой шовинистический кусок дерьма. С лысеющей головой, покрытой пигментными пятнами и постоянным хмурым взглядом на морщинистом лице, он похож на преподавателя, который очевидно только что выполз из каменного века. Несмотря на то что все, что мы должны были делать во время лекции, это слушать его и смотреть фильм вместе

со всеми старшекурсниками, сексистские замечание, которые он сделал мне и Табите в начале лекции, были неуместны. Он сказал, что, если я хочу добиться уважения студентов, мне не следует приходить в класс как замарашка. То же самое он сказал и Табите, хотя на женщине был чертов брючный костюм. Думаю, он сказал это потому что Табита страдает ожирением, а он знает, в какое крупное дерьмо попал бы, если бы прокомментировал этот факт.

Тем временем Девон с пенисом и несуществующим подбородком получает всю славу и похвалу лишь за знание парочки ответов.

— Почему вы все ещё здесь? — говорит профессор Ирвинг, когда замечает, что мы стоим рядом. Машет на нас рукой. — Идите. Я позже напишу вам о семинарах.

Я поворачиваюсь, рада убраться отсюда, когда он говорит:

— Подождите, вы, девушка, у которой был перерыв.

Я останавливаюсь и делаю глубокий вдох. Как он узнал об этом?

Табита бросает в мою сторону сочувствующий взгляд, в то время как Девон без подбородка выглядит немного обиженным, что его не вызвали.

Я медленно поворачиваюсь и широко улыбаюсь профессору Ирвингу.

— Да, сэр?

Он прищуривается глядя на меня, оценивающе поднимая подбородок. Вердикт не слишком хороший.

— Вы брали перерыв, не так ли?

Я киваю, кусая губы.

— Да. На четыре года.

— И почему?

У меня есть готовый ответ. Лишь половина правды.

— Ездил во Францию, чтобы быть с отцом. Он был болен.

— Понимаю, — он прижимает палец к уху и водит им по кругу. Я стараюсь не гримасничать, сохраняя неловкую улыбку на лице. — Вы до этого учились в МЕТ и закончили год магистратуры. Четыре года это долгий срок, семья или нет, вам так не кажется? Думаете, вы готовы вернуться в колледж, в частности в *этот* колледж?

Моя улыбка дрожит.

— Конечно.

Он поднимает бровь.

— Хорошо. Просто хочу убедиться, что мы понимаем друг друга. Я ожидаю многого от студентов и ещё больше от моих ассистентов. Видите ли, когда я говорил о своей книге, *Иконография в ранних кинотекстах*, вы были единственной, кто не ответил. Вы читали ее?

Оу, черт. С трудом сглатываю.

— Нет. Ещё нет. Я не знала, что она была часть учебного плана.

Он довольно гадко хихикает.

— Дорогая моя, когда вы ассистируете мне, вы оцениваете студентов. Вы не можете оценивать их, пока не знаете, как я мыслю. Это очевидно, вы так не думаете?

— Да, сэр.

— Советую вам, когда закончите здесь, отправиться в книжный магазин и купить экземпляр. Когда в следующий раз придёте, приносите ее. Я подпишу для вас книгу. Разве это не удача?

Оставьте меня в покое. Но я умудряюсь улыбнуться.

— Да, вы правы. Спасибо.

А затем быстро убираюсь оттуда. Хотелось бы мне, чтоб моя первая остановка была не в книжном магазине, чтобы купить его книгу, но я знаю, он ожидает, что к следующему уроку я полностью прочитаю ее. Я останавливаюсь у столовой, взять что-то для своего ноющего живота, выбирая салат с козьим сыром вместо обычного мясного пирога и картошки фри, и решаю написать Мелиссе.

Где у тебя занятие? Ты пришла?

Аудитория 302. Учителя ещё нет. Может я смогу пропустить, — пишет она в ответ.

Оставайся там. Долгое занятие?

Где-то два часа. Надеюсь, это будет кино.

Хорошо. Встретимся через два часа. Я пока почитаю дурацкую книгу.

Весело. Ты заслуживаешь пиво после такого.

Посмотрим.

И вот, после того, как я уединяюсь с книгой (эта ерунда стоит тридцать фунтов!) в углу библиотеки (одно из моих любимых мест) и до того, как мои мозги начинают истекать кровью от скуки, я думаю, что мне, возможно, понадобится пиво. Если бы только книга не проделала брешь в моем пивном фонде.

Когда двери аудиторий начинают открываться и люди начинают выходить, я направляюсь на третий этаж.

Я вижу Мелиссу в конце коридора, глаза широко раскрыты и она идёт ко мне немного неровно, словно только что нюхнула дорожку кокса. Она что-то говорит мне, но думаю это просто «О, Боже мой, о, Боже мой»

Вероятно у неё был преподаватель похожий на профессора Ирвинга. Пока в этом году нам не везёт с преподавателями.

Но пока она подходит ближе, торопясь и качая головой будто недоверчиво, мои глаза скользят через ее плечо в аудиторию.

Мужчина только что вышел из двери.

Высокий.

Широкоплечий.

Одетый в превосходный, сшитый на заказ, серый костюм.

Высокие скулы.

Волевой подбородок.

И самые запоминающиеся глаза в мире.

Глаза, которые я никогда не думала, что увижу снова.

Я замираю на месте или может, это просто мое сердце перестаёт биться, и я слышу, как Мелисса говорит:

— Наташа, господи, пойдём, ты в это не поверишь, боже мой, — пока хватает меня за руку и пытается увести.

Но слишком поздно.

Потому что эти глаза видят меня.

Они смотрят прямо на меня.

И профессор Голубые глазки выглядит так, будто его сбил поезд.

Я знаю это чувство.

Ваше сердце и душа разбиваются вдребезги.

Из-за одного человека.

Одного взгляда.

— Пойдём, пойдём, пойдём, — быстро говорит Мелисса, и я поворачиваюсь, когда она дёргает меня, наш зрительный контакт разрывается.

Это. Не может. Быть. Он.

Нет.

Но все же так и есть.

Я оглядываюсь через плечо и снова встречаю его ошеломлённый взгляд.

Бригс МакГрегор.

Любовь моей жизни.

Любовь, которая разрушила жизни.

Один шаг вперёд и пять миллионов шагов назад.

Глава 4

БРИГС

Лондон

Наши дни

Проверяю часы. Пять минут до начала занятия, а я все ещё разбираюсь с заметками. Я написал их месяц назад, но сейчас, когда я здесь, среди студентов, в колледже, у меня такое чувство, что они должны быть более понятными, так что я провёл утро в своём кабинете, переписывая все, что планировал сказать сегодня.

Тема все та же: «Анализ игры Гарольда Ллойда в «Наконец в безопасности!»». Но вот что бывает, когда вы работаете над чём-то за несколько месяцев до того, как это вам понадобится. Чаще всего к тому моменту вы уже другой человек. Мы все меняемся, порой едва уловимо, и теперь я понимаю — как обычно, в последнюю минуту — чтобы привлечь внимание студентов, мне необходимо сделать все более динамичным. Они аспиранты, но они легко могли бы выбрать другой предмет. На большинстве занятий для аспирантов вы выбираете фильм для просмотра, но я хочу сделать немного по-другому.

Без одной минуты, я хватаю портфель и направляюсь в аудиторию, проходя мимо профессора Ирвинга. Этот мужчина нечто. Он прищуривается и кивает, словно признает мое присутствие и ненавидит меня за это. Полагаю, подобное случается, когда вы новенький на работе. А в педагогической деятельности все немного хуже. Как правило, когда у вас есть место преподавателя в престижном университете, вы остаётесь на нем до конца карьеры. Текучка минимальна, только если вы все не испортите. Что я и сделал на прошлой работе из-за срыва. И я пробыл там всего два года. Ничто не сравнится с разрушением чего-то хорошего своими собственными руками.

Конечно же, по сравнению с потерей всего остального, потеря работы была ерундой.

Я слышал, что мужчина, чье место здесь занял я, был выдающимся человеком и любил заигрывать со студентками, пока это не переросло в полномасштабный иск о сексуальных домогательствах. Я почти уверен, что единственная причина, по которой меня наняли, они хотели новую кровь, а мой дядя Томми дружит с руководителем кафедры. И это напоминает мне, что я должен связаться с моим кузеном Кейром, который сказал, что несколько дней

проведет в Лондоне. Было бы хорошо поговорить с кем-то, кроме Винтера и Макса, бармена в пабе.

Я делаю глубокий вдох перед дверью и вхожу в аудиторию.

Киваю студентам, подхожу к столу, бросаю на него портфель, и вынимаю свои записи. Студенты устраиваются на своих местах, а я смотрю на них. Как я и ожидал, сегодня на несколько человек больше, чем на прошлой неделе. В классе из двадцати человек легко заметить недостающих.

Мои глаза останавливаются на девушке, сидящей в середине. Она странно смотрит на меня и в тот момент, когда я наши глаза встречаются, ее брови взлетают вверх, словно от шока, и она быстро смотрит вниз в свой ноутбук. Она выглядит странно знакомой, но я не узнаю ее. Полагаю, она выглядит примерно как большинство девушек. Длинные тёмные волосы, над которыми поработали плойкой, широкий лоб, маленькие глаза, тонкие губы. Она симпатичная, но я сразу же забыл бы о ней, если бы не тот факт, что она смотрит на меня так, словно знает.

Я прочищаю горло, сосредоточиваясь на остальной части класса.

— Добрый день, — говорю им. — Надеюсь у вас всех был шанс повеселиться на выходных. Кто-то смотрел что-то стоящее?

В этот чертовски ужасный момент вопрос повисает в аудитории, и я боюсь, что никто не собирается отвечать. Но одна девушка с рыжими волосами, стрижкой боб и широкой улыбкой поднимает руку. Я киваю ей.

— В кинотеатре «Феникс» показывали два шедевра «Тридцать девять ступеней» и «Леди исчезает».

Я хожу по классу, пытаюсь смотреть на рыжеволосую, а не на девушку, продолжающую тарашиться на меня.

— Работы Хичкока до его переезда в США. Что вы о них думаете?

Рыжая девушка смотри на меня, складывая руки на столе.

— Думаю, деталям было уделено мало внимания, и актеры были скованными, особенно в «Тридцать девять ступеней», но если говорить о кинематографии, можно увидеть, откуда Хичкок получил свою любовь к теням и использованию приема Макгаффина², а так же комедийные моменты.

У этой девушки, несомненно, есть хватка.

— Совершенно верно. И твоё имя?

— Сандра, — отвечает она.

— Хорошее наблюдение, Сандра, — говорю я, предлагая ей улыбку, пока она откидывается обратно на спинку стула. — В частности «Леди исчезает» задал тон будущим фильмами Хичкока с помощью остроумного диалога. Тем не менее, даже без острот или какого-либо диалога вообще, фильм все равно будет считаться комедийным триллером. И вот тогда появляется фарс, который мы сегодня будем анализировать, смотря на Гарольда Ллойда в «Наконец в безопасности!»

Плавный переход, говорю себе и начинаю спрашивать класс, видел ли кто-то этот фильм. Поразительно, но поднимается пара рук, и я предлагаю им представить фильм классу, в то время как иду и настраиваю компьютер, пока фильм не начинает проигрываться на экране. И все это время я пытаюсь понять, что это за таинственная девушка. Что немного сводит меня с ума.

Когда начинается фильм и некоторые из студентов смеются, я беру список студентов и

начинаю просматривать имена. Девушка с широким лбом отсутствовала на прошлой неделе, это точно, и ни один из моих ассистентов для старшекурсников до сих пор не появился. Я проверяю их имена и вижу Бен Холм, Генри Уотерс и Мелисса Кинг.

Я мельком смотрю на девушку. Теперь она смотрит фильм. Может, ей просто было неловко, что она пропустила два занятия на прошлой неделе и думала, что я спрошу ее об этом.

Должно быть так и есть. Я позволяю этим мыслям оставить мою голову, и, пока идет фильм, начинаю готовиться к следующей лекции.

Когда занятие заканчивается, она первая вскакивает со стула и как угорелая выбегает из комнаты.

Мне становится любопытно, и я иду за ней, выходя за дверь и в коридор, видя, как она, качая головой, практически бежит по нему и машет руками девушке в конце.

Высокая девушка с длинными волосами медового цвета, выделяющаяся среди проходящих мимо людей, словно все остальные размыты и она единственная в фокусе.

Светлая кожа, полные щёки, неизменно молодая.

И ее глаза, эти прекрасные глаза, всегда сиявшие ярче звезд.

Только теперь они не сияют.

Они смотрят на меня.

Испуганно.

Она убеждена, что сошла с ума.

Как и я.

Потому что, как такое возможно?

Так ясно увидеть призрак.

Наташа.

Моя студентка Мелисса — теперь я вспомнил, откуда знаю ее — хватает Наташу за руку и тащит. На мгновение наш зрительный контакт разрывается, и я ощущаю лишь панику и пустоту в груди. Я всегда думал о том, что скажу Наташе, если когда-то увижу снова, и вот теперь я стою посреди оживленного коридора, и она здесь.

Она здесь.

А я бесполезен, заморожен и пуст. Потому что не знаю, может мне стоит развернуться, взять вещи, запереть дверь и сделать вид, что никогда не видел ее. Вычеркнуть ее как призрак из прошлого, угасающее напоминание о том, кем я был.

Разрушенный.

Но я знаю, слово угасание никогда не может быть применимо к кому-то вроде неё.

И я знаю, что никогда не смогу избавиться от всего этого.

Я уже увидел ее, хочу я этого или нет.

Ущерб уже нанесён.

И вот мои ноги начинают двигаться по коридору за Мелиссой — моей ассистенткой, мой студенткой, боже, мне придется видеть напоминание о моем прошлом несколько раз в неделю — и Наташей.

Вероятно, это ошибка.

Но я не в силах помочь себе.

Наташа снова оглядывается через плечо и видит, что я приближаюсь, человек с миссией без цели, и она выглядит так, словно все ещё думает, что я не реален. Я даже не уверен, что я сейчас настоящий, потому что никогда раньше не действовал вот так, на автопилоте, без

какого либо самоконтроля.

— Привет, — хрипло зову я, когда нахожусь в непосредственной близости. Я слишком боюсь произносить ее имя, словно, если скажу его вслух, это сделает ее реальной.

Она останавливается, Мелисса сильно дёргает ее за руку, но Наташа стоит, высокая, неподвижная статуя, и поворачивается лицом ко мне.

Я так близок к тому, чтобы упасть на колени. У меня перехватывает дыхание, видеть ее, это буквально как получить удар в живот.

Моя Наташа.

У меня падает челюсть, и я ловлю ртом воздух, не в силах произнести ни слова.

Она тоже ничего не говорит, но ее глаза, когда ищут мои, говорят о многом. У неё тот же вопрос, что и у меня.

Как такое возможно?

Почему?

Наконец я нахожу в себе силы заговорить:

— Это, правда, ты, — мягко говорю я, мой голос прерывается, когда я оглядываю ее, пытаюсь запомнить, словно больше никогда не увижу снова, пытаюсь увидеть изменения, произошедшие с ней за эти годы. Теперь ее волосы светлее, но цвет подходит к ее лицу, красивому и сияющему. Она немного похудела, но не слишком — она все ещё очень женственная.

Единственное серьёзно изменение в ее глазах.

Этот блеск, эта жизнерадостность, страсть к чему-то, что могло бы удивить ее — все это ушло. А на их месте что-то темное, грустное и потерянное.

Я вложил тени в ее глаза.

Она моргает и пытается улыбнуться мне.

— Привет, — неуверенно говорит она. Голос по-прежнему немного хриплый, по-прежнему заставляет покалывать нервные окончания на затылке. — Бригс.

— Профессор Бригс, — говорит Мелисса, и я на секунду отрываю взгляд от Наташи, чтобы посмотреть на неё. — Я в вашем классе.

— Да, я знаю, — говорю ей, прежде чем снова посмотреть на Наташу. Пытаюсь найти слова. Что тут можно сказать. Слишком много.

— Как ты? Я... столько времени прошло.

— Четыре года, — встречается Мелисса. — Наташа была во Франции. А что делали вы?

Я хмурюсь, глядя на Мелиссу, посылаясь ей резкий взгляд.

— Не возражаешь дать нам минутку?

Она поднимает брови и, в ожидании ответа, смотрит на Наташу.

Наташа быстро улыбается ей.

— Все нормально, Мел. Я скоро напишу тебе.

Мелисса смотрит на нас двоих, очевидно не веря, что все будет хорошо. Не могу ее винить. Прошло четыре года, и она, должно быть, была там после этого. Черт возьми, я вспоминаю то, что сказал той ночью Наташе по телефону, переполненный горем я набросился на единственного человека, которого мог обвинить кроме себя.

Наконец Мелисса говорит:

— Я буду у «Барнаби», возьму нам пиво, — и затем уходит, оставляя нас вдвоём.

— Это ты, — медленно говорит Наташа, хмурясь, пока рассматривает меня. — Не думала, что ты будешь преподавать здесь.

— Я тоже не думал, что ты будешь здесь. Ты студентка?

Она кивает, быстро сглатывая.

— Да. Заканчиваю магистратуру.

Когда мы расстались, она только начинала последний год магистратуры, ей не терпелось начать писать диссертацию. Я думал, что к этому моменту она уже закончила учиться. Может, быть уже преподавала.

— Так ты какое-то время была во Франции? — спрашиваю я, пытаюсь узнать больше, пытаюсь удержать ее здесь, чтоб она поговорила со мной. Пытаюсь притвориться, что могу это сделать.

Но я не могу.

Мне больно просто дышать одним с ней воздухом.

Я вздыхаю и смотрю вниз, потирая затылок, пытаюсь успокоиться.

— Ты в порядке? — тихо спрашивает она.

Я смотрю вниз на ее ноги. Она всегда говорила, что у неё клоунские ноги и я всегда думал, что они прекрасны. На ней черные сапоги с острым носом, и я задаюсь вопросом, какого цвета ее ногти на ногах. Почти каждый день ее ногти были разного цвета. Я помню, как пытался писать, и она отвлекала меня, тыкая ногами в лицо и хихикая.

Воспоминания режут меня, словно нож.

Воспоминания с трудом подходящие женщине передо мной.

— Я в порядке, — прижимаю руку к шее, двигая челюстью, чтобы снять напряжение. Качаю головой и смотрю на неё, выдавая полуулыбку. — Нет. Я не в порядке. Не могу лгать тебе.

Хотя однажды ты так и сделал. Когда последний раз разговаривал с ней.

— Мне уйти? — спрашивает она, лоб нахмурен. Взволнованная. Готовая уйти.

Позволь ей уйти.

— Нет, — быстро говорю я. Выпрямляюсь. — Нет. Прости. Это просто... ты последний человек, которого я думал, увижу сегодня. Мне просто нужно переварить это. Это все. Потому что... хорошо... это ты. Понимаешь? Черт побери, Наташа.

Но, может быть, она не знает, о чем я говорю. Как себя чувствую. Может быть, я мимолетный образ ее прошлого, негативное воспоминание. Возможно, за эти четыре года она ни разу не вспомнила обо мне, и я просто еще один мужчина, повстречавшийся ей на пути.

Это может быть только к лучшему, думаю я.

Она кивает, лицо смягчается.

— Я понимаю. Я тоже не знаю, что сказать.

Я быстро оглядываюсь назад на аудиторию. К счастью там уже никого нет.

— Не против, если я возьму вещи из комнаты? Ты будешь здесь? Тебе ещё куда-то надо?

Выражение ее лица становится болезненным, несчастным. Но она качает головой.

— Нет, на сегодня у меня все.

Я благодарно улыбаюсь, быстро иду по коридору и обратно в аудиторию. Хватаю свои записи и ноутбук, засовывая их в портфель.

Затем останавливаюсь, кладу руки на стол, прислоняясь к нему, и опускаю голову. Я глубоко вдыхаю через нос, и, когда воздух выходит из моей груди, он дрожит. Мои ноги дрожат, мир все вращается и вращается на ужасной оси.

Гребаный ад.

Восстать из пепла лишь для того, чтобы он обрушился на тебя сверху.

Это она.

Она.

Она.

Пытаюсь отдышаться. Я знаю, что не могу прятаться здесь вечно, что она там, ждет меня. Мне нужно держаться, успокоить свое сердце, не обращать внимания на муки скорби, сожаления, вины, пытающиеся поднять свои могучие головы.

Провожу рукой по лицу и выпрямляюсь.

Я могу сделать это.

Хватаю портфель и выхожу в коридор.

Там пусто, лишь какой-то азиат идёт, еле волоча ноги и что-то набирая в телефоне.

Она ушла.

— Наташа? — мягко зову я, проходя вперёд и оглядываясь. Нет смысла звать ее снова.

Она ушла.

Словно ее там никогда и не было.

Может это и так.

Может, мой разум настолько изранен, что я вообразил ее.

Настоящий призрак жизни.

Плод моего воображения.

Черт побери, я так чертовски растерян, что не удивился бы, если бы так и было.

Я даже не знаю, чувствую ли я облегчение или разочарование.

Все что я знаю, несколько секунд я думал, что смотрю ей в глаза.

Возможно, это были самые грустные глаза, которые я когда-либо видел.

И мне интересно, а что же она увидела в моих?

Глава 5

БРИГС

Эдинбург

Четыре года назад

Стук в мою дверь. Я улыбаюсь самому себе, потому что узнаю этот стук. Легкомысленный, быстрый.

Она всё-таки пришла.

— Входите, — говорю я, глядя на дверь.

Она открывается, и Наташа, широко улыбаясь, просовывает голову.

Эта улыбка лучше любого черного наркотика. Я сразу же ощущаю, как груз падает с плеч.

— У меня для тебя сюрприз, — говорит она очаровательным, хриплым голосом.

— Ну, тот факт, что ты уже здесь, хотя не думала, что у тебя получится, уже удивляет меня, — говорю ей, хотя, честно говоря, заинтригован, что она собирается сказать.

— Оказывается вечеринка Фредди невероятно *скучная*, — говорит она, повышая голос, чтобы звучать как девушка из высшего общества. — Так что я подумала, лучше принести

вечеринку сюда, — говорит она, заходя и поднимая руки. В одной руке у неё упаковка тёмного эля и китайская еда в другой. Она горделиво поднимает подбородок. — Я уже могу получить награду как лучший ассистент по исследованиям или как?

— Ты выиграла все награды, — ухмыляясь, говорю я, когда она входит, и ставит вещи на стол. — Я действительно думаю, что сегодня я здесь надолго, — говорю я ей, — хотя не могу обещать тебе, что здесь будет менее скучно. Возможно, Фредди был лучшим вариантом.

Она подтягивает стул с другой стороны стола и садится, потянувшись за палочками для еды.

— Ну, ты, профессор Голубые глазки, совсем не скучный.

Я смеюсь.

— Прости, как ты меня сейчас только что назвала?

Она стреляет в меня хитрой улыбкой.

— Профессор Голубые глазки. Разве не знал, что тебя все здесь так называют?

— Да ну, чепуха, — пренебрежительно говорю я.

— Это правда, — протестует она, хватая коробку с едой и открывая ее. — Всякий раз, когда кто-то спрашивает меня, чем я занимаюсь, я отвечаю, что я твой ассистент, и они всегда такие «оу, профессор Голубые глазки, что за красавчик».

Я прищуриваю свои якобы знаменитые глаза:

— Черт возьми, перестань морочить мне голову.

Она смеется.

— Ладно, может это только я зову тебя профессор Голубые глазки. Про себя. Но гарантирую, если такие мысли у меня в голове, значит, они у всех. И у девушек и у парней.

Я стараюсь улыбаться, но это сложно, потому что, черт, это лестно. И не в хорошем смысле. Я польщен таким образом, каким не должен. Опять же, уже месяц я работаю с Наташей почти каждый день, и все больше осознаю, что чувствую много такого, что не должен.

— Прости, я смутила тебя? — спрашивает она, втягивая лапшу в рот. Она ест с наслаждением, без ограничений, просто ради чистого удовольствия и наслаждается каждым кусочком. Этот великолепный рот...

Прекрати.

— Нет, нет, — говорю ей, пытаюсь выбросить эти мысли из головы. Я тянусь за пивом и смотрю на дверь. Она открыта, как это обычно бывает, когда мы работаем вместе. Но, несмотря на то, что я уверен, что я делаю в своём кабинете — это мое личное дело — кажется, у каждого профессора здесь есть бутылка виски в столе — я не хочу раскачивать лодку. Я здесь всего лишь два года и люди болтливы.

Поднимаюсь и закрываю дверь. Щелчок защелки кажется ужасно громким в комнате. Я оборачиваюсь, и она с любопытством смотрит на меня.

— Хочешь немного уединения? — шутит она, но в ее голосе есть что-то такое, трель, которая говорит мне, что она, возможно, нервничает.

Я сажусь на место и поднимаю свое пиво.

— Не хочу, чтобы кто-то выговаривал мне за то, что я пью в своём кабинете, тем более с моей ассистенткой.

— Почему нет? — дерзко спрашивает она. — Слишком предосудительно?

Я натянуто улыбаюсь, отчётливо ощущая свое обручальное кольцо.

— Что-то в этом роде, — указываю на нее пивом и, хотя я начинаю сомневаться, что

выпить с Наташей хорошая идея, говорю: — Теперь, давай выпьем за продуктивную пятницу.

Она быстро вытирает руки о джинсы, проглатывает еду и чокается со мной пивом.

— За дикую и безумную ночь.

Но, конечно, вещи не становятся дикими и сумасшедшими, не с нами. Мы работаем, по крайней мере, в течение первых двух часов: она на ноутбуке, листает книги и я на своём компьютере, печатая как сумасшедший, как я обычно делаю рядом с ней. Ее присутствие в моем кабинете величайший стимул для моей книги. Она практически моя муза.

Но, в конце концов, когда мы проглотили пиво и лапшу, и я вытащил бутылку шотландского виски из своего тайника в столе, работа практически замирает.

— Итак, — говорю я, откидываясь на спинку стула и кладя ноги на стол. — Ты никогда не рассказывала, какой ты была, когда росла. Средняя школа. Все это. Расскажи мне о Наташе.

Она делает глоток виски из бутылки и ставит ее обратно на стол. Затем откидывается на свой стул и кладёт ноги на стол, копируя меня. Я не могу не улыбнуться.

— Я расскажу тебе о себе, если ты сделаешь то же самое, — говорит она, лукаво глядя на меня.

— Идёт.

— Хорошо, — прочищая горло, говорит она. — Я выросла в Лос-Фелисе. Это в Лос-Анджелесе. Мой папа — француз и он женился на моей матери американке после моего рождения. Вообще-то я родилась во Франции, в Марселе, куда приезжала несколько лет назад. Довольно классное место. Я точно знаю, это был брак по необходимости потому что моя мама залетела. Абсолютно уверена, я последнее, чего она хотела, но все же. Обещаю, это не слезливая история. Мне все равно, хотела она меня или нет. Но я знаю, папа любил меня. Он был кинооператором.

— Ах, вот оно что, — говорю я. Теперь все становится понятно.

— Ага, и он заставлял меня смотреть очень много фильмов, когда я была маленькой. О-о-очень много. Всю классика. Всего Хичкока, Премингера. И много иностранных тоже. Он был помешан на Ингрид Бергман, — ее улыбка немного угасает и голос становится тише. — Так или иначе, он ушёл, когда мне было десять. Влюбился в молодую женщину. Может быть, он пытался подражать Роберто Росселлини, не знаю. Он вернулся во Францию. И моя мать стала матерью-одиночкой. Ей это не понравилось. Ее проблемы с самооценкой усилились, а все и так было уже довольно скверно. — Она качает головой, глаза смотрят вдаль. Вздыхает и хватается за бутылку виски. — Моя мама весьма эксцентрична. Ты бы возненавидел ее. Иногда мне кажется, я сама ее ненавижу, но в основном мне ее жаль. Что ещё хуже.

— Думаю, я тебя понимаю, — наши отношения с моим братом Лакланом иногда шли по тому же пути.

— Знаешь, что мама говорила мне, когда я была моложе? — наклоняясь, говорит она. — Она имела обыкновение говорить, что лучше бы мне не быть красивее, чем она в ее возрасте. — Она закатывает глаза. — Я имею в виду, закладывала в меня чертов комплекс. В то же время, все, что она делала, это хвалила мои наряды, наряду с ежедневной критикой о том, как мне нужно похудеть.

— Тебе не надо худеть, — не могу не сказать я. — Ты идеальна такая, какая есть.

Она посылает мне одну из этих ироничных, смущённых улыбок, которая говорит мне, что она не верит мне.

— Затем в последних классах школы я присоединилась к команде по бегу, и начала

терять вес. Она притащила меня в модельный бизнес, затем было актерское мастерство. Играть было весело, модельный бизнес же был скучным, а когда бег закончился и я выпустилась, вес пополз обратно. Хочу сказать, я никогда не была толстой. Я была примерно такой, как сейчас. Но грудь и задница с бёдрами как у слона не модельный типаж. Да и для актрисы такая фигура не очень, если уж на то пошло, если только ты не получишь работу в «Безумцах». Не важно, что я делала, ее это не устраивало. Когда я была худее, она ревновала, когда я снова стала обычной, она находила способ намекнуть, что я толстая.

Какая ведьма, — думаю я про себя, чувствуя необходимость защитить ее. То, что я сказал ей, правда. Я нахожу ее совершенной, по крайней мере, в моих глазах. У нее действительно есть округлости, и она не худая, но у нее узкая талия, и ее попа идеальна, а ее глаза угрожают увести меня куда-нибудь. В какое-то новое и очень красивое место.

Вспышки жара и вины соревнуются друг с другом. Я делаю глубокий вдох и заставляю себя подумать о другом.

— Твоя мать снова вышла замуж? — спрашиваю я.

Она начинает вертеть бутылку виски на столе.

— Нет. Но она пыталась. Она не может быть одна, в принципе, очередная ее фишка. У неё в жизни всегда есть мужчина, обычно какой-нибудь придурок. Когда они обманывают ее или бросают, как они всегда делают, потому что, какой человек захочет быть на втором месте после ее любования собой, она сразу же начинает новые отношения. На самом деле, не думаю, что когда-либо видела ее без пары больше чем пару недель. — Она вздыхает, сдувая прядь темно-каштановых волос с лица, и смотрит в потолок. — Боже, как же хочется покурить.

Я стучу по столу.

— У меня есть сигара.

Она приободряется.

— Правда? Хочешь разделить ее со мной?

Я улыбаюсь. На мой последний день рождения Лаклан подарил мне коробку сигар, и я обычно курю их по особым случаям с ним или с отцом, хотя у меня и лежит парочка в столе. Было бы хорошо поделиться с ней.

— Ты уверена?

— Ага, — говорит она. — Я курила их пару раз с папой в Марселе.

— Ты производишь впечатление разносторонней личности, — говорю я, открывая ящик. — Женщина мира.

— Я достаю коробку и выбираю парочку, нюхая их и проверяя на сухость. Когда выбираю одну, начинаю рыться в поисках зажигалки.

— У меня есть, — говорит она, засовывая руку в карман джинс и вытаскивая Зиппо. Я вопросительно смотрю на нее, она пожимает плечами, лениво улыбаясь. — Женщина мира всегда должна быть готова.

Она бросает зажигалку мне, я ловлю ее одной рукой. И гордо усмехаюсь своему достижению, радуясь, что не упал со стула, пытаюсь произвести на нее впечатление.

— И что ещё носит с собой женщина мира? — спрашиваю ее, нежно нажимая на Зиппо и наблюдая за танцем пламени.

— Блокнот и ручка для любовных писем. Или ненавистной почты. Или списка продуктов. Зеркало, потому что у меня всегда что-то застревает в зубах, — при этом она потирает пальцами зубы и демонстрирует их мне.

— Все хорошо, — говорю я.

Она продолжает.

— И зубная нить. По той же причине. И может, чтобы что-то связать. Жвачка для свежего дыхания или на случай, если надо что-то починить. Крем для рук с приятным запахом. Паспорт на случай, если влюбишься в иностранца, который увезёт тебя, — она делает паузу. — И презервативы.

Я поднимаю брови. Господи. Я одновременно и завидую идее о ней, использующей презервативы, потому что это значит, что она пользуется ими не со мной, и возбуждён потому что... что ж, теперь я представляю нас обоих в ситуации, в которой один бы нам точно пригодился.

— Так мы собираемся курить эту штуковину или нет? — говорит она выпрямляясь.

Я киваю, прочищая горло. Мои щёки горят.

— Нам надо пойти куда-то в другое место. Я могу спрятаться с виски в кабинете, но сигара это другое, — встаю со стула и хватаю кожаную мотоциклетную куртку. Сейчас конец июня, но по вечерам бывает прохладно. Надевая куртку, я спрашиваю ее: — Так зачем зажигалка?

Она накидывает на шею бордовый шарф, подходящий ее волосам и улыбке.

— На случай если профессор Голубые глазки захочет покурить со мной сигару.

Твою мать.

Я начинаю думать, что влип.

Беспокойно сглатываю.

— Что ж, рад, что ты подготовилась, — иду к двери и открываю ее для нее. — После тебя.

Она выходит в коридор, перебрасывая шарф через плечо, словно кинозвезда. Я понимаю, почему ее мать завидовала ей. Понимаю, почему каждый сделал бы то же самое. Как можно не влюбиться в неё?

Я следую за ней, запираю за собой дверь, мы идем по коридорам и выходим в Единбургскую ночь, легкий ветер заставляет деревья кланяться. Мы направляемся к Мидл Медоу Уолк и отправляемся по направлению к Медоус, останавливаясь под фонарем, когда я пытаюсь прикурить сигару, укрываясь от ветра, который гасит огонек.

Наташа действует как щит, подходя как можно ближе, и мы, в конце концов, встаём совсем рядом, пытаюсь поджечь ее.

Ее близость нервирует. Табак не мешает мне чувствовать ее аромат. Кокосовый шампунь. Сладкий. Пьянящий. Это заставляет мое сердце сжаться.

Я встречаю ее глаза, смотрящие сквозь длинные ресницы.

Ощущаю пульс в собственном горле, ее взгляд околдовывает меня.

Мы смотрим в глаза друг другу, и воздух между нами вращается и кружится, медленное торнадо изменения давления, пока его не становится трудно игнорировать. Он тянет и тянет, и магнетизм поджигает мою кожу.

Я не знаю, что происходит.

Но такого со мной никогда не случалось.

И это абсолютно ужасно.

Наконец, сигара загорается.

— Должно быть, ты уже курил эту штуку, — шепчет она мне с томным взглядом.

Я делаю затяжку, угольки разгораются и она отступает. Дым поднимается вверх,

уносимый ветром в темное небо. Хотя нить между нами не рассеивается. Не с расстоянием. Она потрескивает, как живой провод, тяжелый и напряженный и очень опасный.

Образ Миранды всплывает в меня в голове. Ее смех, как ее тонкие, изящные ноги бегали по пляжу на Ибице.

Предупреждение.

Должно быть, видение отражается у меня на лице, потому что Наташа спрашивает:

— Плохая сигара?

Я качаю головой и медленно выдыхаю, позволяя дыму колечками выйти из моего рта.

— Совсем нет.

Протягиваю сигару ей, и наши пальцы соприкасаются.

Это электричество, которое нельзя игнорировать.

Она держит сигару так, словно держала одну всю жизнь. Ее поза расслаблена, уверена и совсем не похожа на то, как я себя чувствую. Измучен, сердце словно пропустили через мясорубку.

Но с чего бы ей чувствовать себя так, как я? Знаю, иногда она смотрит на меня, игриво и застенчиво с глазами, полными тайн, но раз, и она тут же хохочет над какой-то грубой шуткой, которую услышала где-то. Я просто профессор, даже если мне посчастливилось иметь голубые глаза. Мужчина, давший ей работу.

И я женат.

У меня есть сын.

У меня есть много всего.

Так почему я хочу, чтоб она смотрела на меня по-другому?

Она передаёт сигару обратно мне и выдувает дым уголком рта, как актриса сороковых годов.

— Очень похоже на Лорен Бэколл, — говорю ей, когда мы медленно идем по пешеходной дорожке, несколько человек бредут в противоположном направлении в город к барам и ночной жизни. Но мы, мы идем к темноте.

— Богарт и Бэколл, у них было все, — мечтательно говорит она. — Знаешь, а ты ведь никогда не рассказываешь о жене.

Я кашляю, дым моментально попадает в горло.

— Разве? — удаётся сказать мне.

— Нет, — говорит она. — Ты не слишком часто говоришь о себе. Ты твердишь о кино, но о себе — нет. Ты очень таинственен, Бригс МакГрегор.

Я закатываю глаза.

— Честно говоря, наоборот. Полагаю, я не говорю о своей жизни потому что она скучная.

— Что я говорила тебе раньше? — говорит она, ударяя меня по руке. — Ты полная противоположность скучному. Так что давай, рассказывай. Расскажи мне о своей жене. О родителях. О своем брате. — Она делает паузу. — Ты много говоришь о сыне, так что, по крайней мере, об этом я знаю. Ты хороший отец.

Я улыбаюсь ей так же, как и она тогда, когда я сказал, что она идеальна. Приятно слышать от неё подобное, но я в это не верю.

Я глубоко вдыхаю и думаю.

— Хорошо, — осторожно говорю я. — Я женился на Миранде, когда мне было двадцать один.

— Вау, так рано, свадьба по залету, как у моей мамы?

Я качаю головой, когда воспоминания ползают мимо, большинство из них несчастливые.

— Нет, Хэймиш появился у нас только три года назад. Мы познакомились, когда я учился в университете. Эдинбургском университете, прямо здесь, — я указываю рукой в сторону здания. — Хотя у нас не было совместных классов, я знал о ней. Все знали о ней. Она была такой девушкой, которая никогда не уделяла ни секунды своего времени ни одному парню. На самом деле она была светской львицей. Росла иначе. Ее родители, Хардингсы, они своего рода известны в городе. И в то время здесь были мои дядя и тетя, и они тоже были частью уравнения. Мы познакомились на одной из их вечеринок, и мне, каким-то образом, удалось очаровать ее. На самом деле я все еще не знаю, как это вышло.

— О, я могу понять как, — говорит Наташа, улыбаясь мне. — Ты не представляешь, какой ты на самом деле милый. Что делает тебя ещё очаровательней.

Внезапно мне становится слишком жарко в куртке.

Я прочищаю горло.

— Что ж, видимо она подумала так же. Остальное история.

Она останавливается и изучает меня.

— И это все?

Я останавливаюсь и смотрю на неё, передавая сигару.

На этот раз мой палец задерживается на ее, может быть на секунду.

Боже, как же мне хочется, чтоб сейчас рядом оказался виски. Эти чувства должны утонуть.

— Что ты имеешь в виду «и это все»?

— Ты не собираешься говорить о том, как она прекрасна, что она любовь всей твоей жизни? О Хэймише ты говоришь постоянно.

Я не должен быть настолько поражён тем, как она прямолинейна, но все же так и есть. Или, возможно, дело не в том, что она прямолинейна. А в том, что у меня не хватает сил сказать ей всю правду.

Потому что Миранда не любовь всей моей жизни.

Она лишь мать моего ребёнка.

И соседка, с которой я живу уже одиннадцать лет.

— Нет, — просто говорю я. Даже частичная правда освобождает. — Не буду.

Она запрокидывает голову, затыгиваясь. Изучает меня так, словно пытается прочитать слова, написанные на моем лице. Интересно, что они говорят. Наконец, она просто кивает и говорит:

— Извини. Я не хочу совать нос в чужие дела.

Да, ты хотела именно этого, — думаю я. И поэтому я...

Гребаный ад. Я не могу закончить собственную мысль, не пугая себя.

— Нет проблем, — говорю ей и снова начинаю идти. — Что касается родителей, они милые. Действительно. С братом у нас более натянутые отношения. Его усыновили, и он вошёл в мою жизнь когда я окончил школу, и провёл нашу семью через ад. Вообще-то он был настоящим ублюдком, и я долго ненавидел его.

— Почему?

— Ну, теперь это кажется банальным, но я видел, как с ним вели себя мои родители, давая ему жизнь, которой у него никогда не было, и он не очень хорошо реагировал на это.

Он был подростком, что не помогало, и, в конце концов, он стал обкрадывать их, даже меня, делая все, что мог, чтобы получить деньги на кокаин, мет, или что там ещё. В конце концов, моим родителям пришлось выгнать его, и он жил на улице. Не передать, насколько трудно было иногда гулять по городу и видеть, как он попрошайничает. Тощий. Казалось, одной ногой в могиле. Возможно, его усыновили, но он все еще был моим братом.

— Звучит ужасно, — говорит она, качая головой.

— Это и было ужасно, — говорю я со вздохом, вспоминая скорбь и боль, которые причинил мне Лаклан, словно это было вчера. — Но, в конце концов, он одумался, и теперь ему намного лучше. Все еще пьет слишком много, и иногда я думаю, возможно, злоупотребляет некоторыми другими наркотиками. И такой молчаливый.

— Звучит знакомо, — говорит она себе под нос.

— Клянусь, ты бы и не подумала, что мы родственники. Но теперь он открывает приют для животных, и он успешный игрок в регби.

— Да ты что? — Ее глаза сияют. — Игроки в регби горячие. Должно быть, на вас вместе довольно приятно смотреть.

Я сопротивляюсь желанию закатить глаза. Татуированный зверь, играющий в регби, и сумасшедший профессор. Никакой конкуренции.

— В любом случае мне всегда нравились ботаники, — говорит она, передавая сигару мне и на этот раз, останавливаясь и удерживая ее. — В них всегда есть нечто большее.

Черт.

Сердце стучит в горле.

Я выдаю неловкую улыбку, пытаюсь подыграть ей.

— Ты называешь меня ботаником?

Она все ещё не отпускает сигару. Лицо становится абсолютно серьёзным.

— Я говорю, что в тебе скрыто намного больше.

Ее глаза прикованы ко мне, и они притягивают меня, дразнят, искушают, переходя от необходимости бояться? к обожанию и снова обратно по кругу. Я попал в него, полностью загипнотизированный. Каждая часть меня, от легких до ног, ощущается тяжелой, меня словно пригвоздило к земле.

И это разрушит меня, так ведь?

Неожиданный сигнал велосипедного звонка разрушает воздух безрассудства между нами.

Мы отскакиваем друг от друга как раз вовремя, чтобы увидеть, как пьяный велосипедист плетётся на нас посередине, крича:

— Убирайтесь с чертовой дороги, вы, кретины!

Я смотрю вниз и вижу, что мы оба стоим на велосипедной дорожке.

И теперь я задышающийся, возбужденный, мой пульс выходит из под контроля от нашего разговора.

Сигара у меня в руках.

Я должен поступить правильно.

— Мы должны вернуться назад, — говорю я ей. — Становится поздно, да и велосипедисты сегодня буйные.

Она кивает, закусывая губу. Я действительно хочу, чтоб она этого не делала.

— Хорошо, — мягко говорит она.

Мы разворачиваемся и идём в университет, обратно в мой кабинет.

Я начинаю убирать беспорядок, оставшийся после нашей еды и пива, пока она медленно складывает книги и ноутбук.

Мы работаем в тишине. Атмосфера в комнате полностью изменилась. Раньше все было легко и свободно, а теперь она связана вещами, как сказанными, так и недосказанными, книжные полки из красного дерева и тусклое освещение, кажется, подталкивают нас друг к другу.

Я продолжаю возвращаться к этому взгляду в ее глазах.

Взгляду, который говорит, что она хотела меня.

И все, что есть внутри меня.

Она покидает мой кабинет с маленькой улыбкой и взмахом руки, и я знаю, она чувствует то же самое.

Изменение.

Она закрывает за собой дверь.

Я сажусь за свой стол.

Допиваю виски.

И ненадолго притворяюсь, что не облажался по полной.

Глава 6

НАТАША

Лондон

Наши дни

Я не могу сделать это.

Не могу стоять и разговаривать с ним, смотреть на него, дышать с ним одним воздухом.

В тот момент когда Бригс развернулся и пошёл в класс, я сделала единственное, что знаю, как делать.

Я побежала.

Я бегу по коридору, чувствуя себя дикой, задыхающейся и бесцельной, как пойманное в ловушку животное. Я понятия не имею, куда идти, знаю, лишь что не могу быть там с ним.

Бригс МакГрегор.

Как должны были сложиться звезды, чтобы произошло подобное? Два метеора врезавшиеся друг в друга.

Но я не знаю, куда идти. Я бегу вниз по лестнице, быстрее, быстрее, весь мой путь до первого этажа студенты смотрят на меня с беспокойством. Я забегаю в туалет для инвалидов, запирая за собой дверь, и сажусь на унитаз, голова в руках, сердце стучит, я еле дышу.

Дыши, — говорю я себе, пытаюсь вдохнуть через нос, но так жажду воздуха, что вдыхаю его через рот, слезы обжигают уголки глаз.

Без паники, без паники, без паники.

Ты в порядке.

— Какое, нахрен, в порядке? — кричу я, голос отскакивает от холодного кафеля.

Я стараюсь сфокусироваться на дыхании, наполняя лёгкие, позволяя тревоге выйти.

Меня трясет.

Чертов ад.

Бригс.

Он, должно быть, вернулся в коридор и увидел, что меня нет.

Леди исчезает.

Я начинаю чувствовать себя неловко от того, что ушла вот так. Но если я чему-то и научилась за эти годы, так это тому, что должна, в первую очередь, защищать себя. Я усердно работала над тем, чтобы вернуться в Лондон, чтобы меня приняли сюда, чтобы, наконец-то, встать на ноги. Так что я не могу позволить никому и ничему вставать у меня на пути.

А Бригс, несомненно, так и сделает.

Он причина, почему я начала все с начала.

Черт, черт, черт.

Я сжимаю руки в кулаки и надавливаю на виски.

Эта не та проблема, от которой я могу убежать. Бригс ведь профессор здесь, в колледже. Бл*дь, он преподаватель Мелиссы. А я учусь здесь и буду учиться ещё два года.

Господи Боже, а что, если он мой чертов учитель в следующем семестре? Тогда что?

Мне снова становится трудно дышать. Я должна заставить себя сконцентрироваться, мне необходимо замедлить сердцебиение. Ну почему, почему, когда у меня была такая возможность, я не пополнила запас Антивана? Потому что я хорошо справлялась. Но сейчас мне необходимо целое ведро таблеток, чтобы хотя бы пережить этот день.

Не знаю, как долго я остаюсь в туалете, телефон вибрирует несколько раз, скорее всего Мелисса задается вопросом, где я и что происходит. Я не смотрю на него. Я не смотрю ни на что, кроме своих ног и грубого линолеума.

Разум продолжает блуждать, прокручивая в памяти его вид.

Мне *больно* от того, насколько он все ещё красив. Красивее, чем раньше. Стоящий там передо мной в этом стильном костюме как настоящий профессор. Высокий, худой, с этими плечами, к которым я прикасалась лишь однажды, впиваясь ногтями, когда мое тело и душа стали дикими от голода.

В ту ночь, когда мы практически переспали.

В ночь, когда он сказал мне, что уходит от жены.

Та ночь стала для нас последней.

Как противно сейчас, должны быть, ему видеть меня.

Я разрушила всю его жизнь, пустила ее под откос.

Она разбилась и сгорела.

И все из-за меня.

И это никогда не изменится. Я никогда не смогу ничего вернуть, и он тоже. Мы оба обречены жить с нашими действиями, и ему от этого ещё труднее.

Господи. Боль врезается глубже, устремляясь к моим лёгким.

Дыши, — снова говорю я себе, и одинокая слеза падает на пол.

В конце концов, проходит время. Слезы перестают течь, сердце бьется ровно и медленно. Я чувствую себя так, словно меня накачали наркотиками, эмоции слишком сильно овладели мной и я обессилела.

Я вздыхаю, поднимаясь на ноги. Ноги болят от такого долгого сидения на полу.

Проверяю телефон.

Мелисса написала миллион сообщений, сходя с ума от беспокойства. Сейчас она дома, с алкоголем и необходимостью поговорить.

Я выхожу в коридор, осознавая, что кто-то мог увидеть, как я захожу сюда. Но в коридоре практически пусто. На случай, если я все же снова столкнусь с ним, я не теряю время и просто убираюсь оттуда.

Я снова на лондонских улицах, дождь прекратился.

Снова в метро, прижатая к другим пассажирам, никто не разговаривает.

Я возвращаюсь в квартиру, поднимаясь по ступенькам вместо того, чтобы дождаться лифта.

Мелисса открывает дверь до того, как я даже отпираю ее.

— Где ты, черт возьми, была? — кричит она, размахивая руками.

Я захожу внутрь, опустив голову и избегая ее взгляда.

— В туалете.

— Туалете? — повторяет она, в то время как я кидаю сумочку на кухонный стол. Она уже вытатила «Столичную», чтобы сделать коктейль. — С профессором МакГрегором?

— Нет, — говорю я, садясь за стол и опуская на него голову. — Я была одна. Я не... я убежала.

— Что? От профессора МакГрегора?

Мне смешно от того, что она продолжает называть его профессором. Она делала так и тогда, вместе с «мистер Женатый Мужчина МакГрегор». Постоянное напоминание о том, какой я была беспечной, как глупа была, позволив себе влюбиться в того, кто не был моим.

— Да, — бормочу я. — Я запаниковала. Ничего не могла поделать. Кажется, он хотел поговорить, пойти куда-то, но я не смогла. Я не в состоянии сделать это, Мел.

Она садится рядом, и я слышу, как наливает себе выпить.

— Хорошо, — говорит она, — ты ничего ему не должна. Особенно учитывая, как тогда он порвал с тобой.

Но я никогда не винила его за это. Он говорил лишь правду.

Наша любовь была неправильной.

Ложью, которую мы говорили себе.

И она стоила нам мира.

Насколько бы ужасно не было слышать все эти слова, заставившие меня потерять себя, все это было заслуженно.

В нашем случае, правда не просто ранит.

Она убивает.

— Держи, — говорит она, и я смотрю вверх, видя, как она поддвигает ко мне напиток. — За счет заведения, — шутит она. Она самая щедрая соседка в мире и у меня такое чувство, что, в конце концов, каким-то образом мне придётся заплатить за все это.

Я делаю длинный глоток. Напиток сильный и обжигает, но становится лучше, когда алкоголь стекает вниз.

После долгой паузы я громко вздыхаю. Немного расслабляю плечи.

— Я не могу в это поверить, — в сотый раз говорю я.

Она смахивает волосы с лица.

— Я тоже. Все занятие пыталась придумать, как рассказать тебе. Я увидела, как он вошёл и... гребаный ад. Это невозможно. И потом я снова посмотрела на фамилию преподавателя. Профессор МакГрегор. И знаю, да, я знала его имя, но мы ведь в Англии.

Здесь миллион МакГрегоров. — Она делает глоток напитка. — И знаешь, он меня тоже вспомнил. Продолжал тарашиться, словно увидел призрак.

Призрак. Вот что было написано на его лице, когда он увидел меня в коридоре. Как будто меня на самом деле не было там, словно я была его галлюцинацией.

— И теперь, — говорит она. — Я ассистентка на одном из его уроков. И весь год буду тесно сотрудничать с ним. Это будет странно.

Что-то сжимается в груди. Фраза «тесно сотрудничать с ним» заставляет мое сердце гореть, и мне хочется, чтоб этого не происходило.

— Это будет странно, — тихо повторяю я. Я чувствую, как погружаюсь в спираль, ту, что лишает меня честолюбия, мотивации и заставляет проводить дни в своей комнате, в темноте, потерявшуюся в отчаянии.

— Эй, — говорит она, кладя руку на мою и сжимая. — Мы вытащим тебя из этого, хорошо? Ты достаточно настрадалась за свои ошибки, и теперь будешь двигаться дальше. Ты — не твоё прошлое. Он преподаватель в твоём колледже, да... но он не собирается преследовать тебя или беспокоить. Тебе больше никогда не придется видеть его, а если это произойдет, ты не обязана разговаривать с ним. Если он не оставит тебя в покое, я донесу на него.

Я мрачно смотрю на неё.

— Не надо на него доносить. Он уже достаточно потерял.

— Донесу, если он хоть пальцем тебя тронет, если заговорит с тобой или пойдет за тобой. Серьезно. Я сделаю это. Тебе не о чем беспокоиться. Он будет держаться подальше, ты будешь держаться подальше, и довольно скоро все станет нормальным.

Но что такое нормально?

— А пока я собираюсь почаще вытаскивать тебя из дома и заставлять веселиться или что-то еще, потому что за последние несколько месяцев, которые ты здесь, ты не подцепила ни одного парня. Ты даже ни с кем не флиртовала. Тебе нужно приключение.

Я вздыхаю, мне это не интересно, особенно сейчас.

— У тебя все так просто.

— Все просто, если этого хочешь, — говорит она, — ну да, он в колледже, и что? Разве это что-то меняет?

Она выжидательно смотрит на меня. Я и не знала, что ей нужен ответ.

— Это значит, что мне придется видеть его.

— Но ты не обязана, и если увидишь его в коридоре, притворись, что его нет. Ты его призрак, он должен стать твоим. Держись подальше и я говорю тебе, все сработает.

Обычно Мел не так оптимистична, так что хоть мне и трудно поверить ей, я благодарна за эти слова.

Я выдавливаю для неё улыбку. Она слабая, но это лучшее, на что я способна.

— Твоё здоровье, — говорит она, поднимая бокал, — оставайся такой же крутой.

Я делаю глубокий вдох, киваю и стукаюсь бокалом о ее бокал.

— За крутышку.

***

— Мы будем вместе, Наташа. Я обещаю.

Я обещаю.

Обещаю.

Слова, которые шепчет Бригс, плывут сквозь мои сны, натываясь на обломки его лица.

Я прикасаюсь к ним, и они исчезают.

Медленно открываю глаза и смотрю на будильник.

Интересно, какой сегодня день, какая жизнь?

Вторник. Я проснулась на десять минут раньше будильника.

Вздыхаю и перекатываюсь на спину, пытаюсь схватить воспоминания о своей мечте, прежде чем они уплывут.

Бригс, последний раз, когда я его видела. В моей старой квартире в Лондоне. Я жила одна. Было намного лучше. И хотя я знала, влюбляться в него было неправильно, я была счастлива. Счастлива в своём невежестве, в наивности, что все получится. Он собирался уйти от Миранды, найдя мужество оставить свой несчастный брак, набравшись сил выбрать то, чего он хотел.

Боже, как же он волновался по поводу Хэймиша. Честно говоря, думала, из-за сына он останется с ней навсегда, он так сильно боялся потерять его.

Но в определённый момент он понял, что не может жить во лжи. Это было не честно по отношению к Миранде, Хэймишу, к нему или ко мне.

Это был последний раз когда я действительно чувствовала, что у меня есть надежда.

Как же легко любовь берет тебя за руку и ведёт в темноту.

Будильник на телефоне звонит, я быстро тянусь к нему и выключаю.

Я медлю. Мой разум затуманен от всей водки, которую я выпила с Мелиссой прошлой ночью, и я солгала бы, если бы сказала, что не умышленно делаю все медленно.

Правда в том, что идея пойти в колледж пугает. Знаю, я должна просто сделать то, что предложила Мел, и, если увижу его, притвориться, что его там нет. Но я боюсь. Боюсь, что он будет искать меня. И еще больше боюсь, что сама буду разыскивать его.

Полагаю, у меня есть причина для страха, потому что когда я, в конце концов, начинаю собираться, я понимаю, что уделяю своему внешнему виду больше внимания, чем обычно. Я на самом деле пробегаюсь расческой по волосам, наношу макияж, надеваю чистую одежду (джинсы без томатного соуса, замшевые ботиночки и черную футболку с вырезом) становясь немного выше.

К тому времени, когда я выхожу из метро и начинаю идти к колледжу, мне хочется спрятаться. Когда я приближаюсь к величественному фасаду главного здания, мои глаза дикие, повсюду ищущие его, пульс сходит с ума.

Я как-то попадаю на урок профессора Шипли, которая мне очень нравится. Хотя пока она рассуждает о гендерных вопросах в военных фильмах, я не могу не задаться вопросом, как все было бы, если бы здесь был Бригс. Каков он на встречах факультета? Обедают ли они когда-нибудь с профессором Шипли, чтобы обсудить студентов или, может быть, чтобы поговорить о фильме? Ходят ли вместе в кино? Несмотря на то, что профессору Шипли около сорока, у нее есть изюминка, она всегда одета в кейп с длинными широкими рукавами, темные волосы с седыми прядками опускаются вниз вплоть до талии. Я точно знаю, они двое нашли бы общий язык. Во всяком случае, ее заинтриговал бы загадочный Бригс МакГрегор.

И потом происходит именно это.

Сразу же после занятия.

Я иду по коридору, направляясь к книжному магазину, чтобы купить еще одну книгу, о

которой забыла. И мой мозг ненадолго задумывается о книге, которую писал Бригс, о той, с которой я помогала ему.

Я всегда считала, что мой разум, словно по волшебству способен заставлять появляться неправильные вещи, словно если, находясь в самолете, подумать об авиакатастрофе, эти мысли приведут к ней. И теперь я знаю, это своего рода, правда.

Потому что я вижу, как Бригс идёт по коридору в моем направлении.

Он не видит меня, или может просто притворяется.

Его голова высоко поднята, он уверенно шагает вперёд. На нем очки в металлической оправе, которые он иногда одевает во время чтения. Хорошо сшитый синий костюм обнимает тело, рубашка расстегнута на пару пуговиц, галстука нет. Я вижу взгляды девушек, когда он проходит мимо. Он выделяется на фоне остальных — видный, совершенно очевидно, что профессор, но при этом дьявольски сексуальный. Ни один из других преподавателей не носит костюмы, за исключением профессора Ирвинга (хотя они выглядят так, словно сделаны из обивки дивана). В Бригсе есть магнетизм, заставляющий головы поворачиваться ему в след.

Как вот сейчас поворачивается моя.

А затем он уходит, и наши взгляды так и не пересекаются.

Я не уверена, что чувствую по этому поводу. Я стою посреди коридора, чувствуя облегчение от того, насколько легко это было. Я снова увидела его и выжила. Не упала или не потеряла голову при очередной панической атаке.

И все же, я словно лишена чего-то. Потому что, кажется абсолютно неправильным смотреть, как этот человек проходит мимо меня и позволять ему уйти так ничего не сказав. Притворяясь, что он незнакомец.

Незнакомец, которого я любила.

Глава 7

БРИГС

Прошло уже несколько дней с тех пор, как я видел Наташу. Это было так давно, что у меня ощущение, словно это был сон.

Но в четверг, во время второй части занятия по анализу комедийной игры в кино, я снова вижу Мелиссу. Доказательство того, что Наташа, которую я встретил в понедельник в коридоре, действительно существует.

Хотя я не говорю с Мелиссой о ней. Мне хочется, но время и место кажется неподходящим, а когда занятие окончено, я занят другими учениками.

Тем не менее, когда наступает пятница, и я нахожусь в лекционном зале, на занятии о раннем кинематографе со старшекурсниками, Мелисса на передовой. Буквально. Она и два других ассистента, Бен и Генри, сидят в первом ряду, очень осторожно наблюдая за мной. Когда я преподавал в Эдинбурге, мне потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к тому, что у меня есть ассистенты, здесь все точно так же. На самом деле, Мелисса, похоже, слишком внимательна, ловит каждое мое слово, что должно было быть лестным, но кажется неправильным.

Моя озабоченность кажется оправданной, когда занятие заканчивается, и, пока я убираю свои заметки, она подходит ко мне.

Я смотрю на нее поверх очков для чтения, пытаюсь казаться настолько профессиональным, насколько возможно.

— Добрый день, Мелисса.

Она наклоняет голову ко мне, отбрасывая волосы с плеча и ухмыляясь.

— Прекрасное занятие. Будет проще простого в этом году работать вашим ассистентом.

Я поднимаю бровь.

— Рад, что вы так думаете. Постараюсь не слишком нагружать вас.

— О, не надо жалеть меня, — говорит она. — Я люблю жесточе.

Это был намек? Она не сказала это так явно, но все же. Думаю, мне нужно действовать осторожно.

Я прочищаю горло и поднимаю портфель. Мне стоит больших усилий не спросить о Наташе.

— Я могу вам чем-то помочь? — спрашиваю я, так как она просто стоит и смотрит.

— Я подумала, могу я поговорить с вами? — говорит она — Наедине.

О Наташе? — хочу спросить я. Но возможно и, скорей всего, повод совсем другой.

— Конечно, — говорю ей. — Пойдемте в мой кабинет.

Мы покидаем лекционный зал, пока его не заняли студенты, пришедшие на следующую лекцию, и начинаем длинную неловкую прогулку по коридору и вверх по лестнице.

— Итак, — говорю я, пытаюсь говорить о чем угодно, кроме того, о чем действительно хочу поговорить. — Какие у вас планы после окончания колледжа?

Она смеется, пискляво, как какая-то диснеевская принцесса.

— У меня нет никаких планов, кроме как продолжать делать то, что делаю.

— И что это?

— Играть, — гордо говорит она. — Вчера у меня даже был прослушивание в новом сезоне «Острых козырьков». Смотрите это шоу?

— Да, — медленно говорю я, — значит, вы не собираетесь использовать свое образование, да?

— Пфф, — говорит она, махнув рукой. — Я учусь лишь для того, чтобы отец с мачехой заткнулись.

Ну, не удивительно, что на прошлой неделе она даже не появлялась на уроках. Ей просто нужно сдать экзамен, и она выпустится. Тем не менее, степень магистра — довольно серьезное обязательство для того, кому нет до этого дела. Может именно об этом она и хочет поговорить.

Наконец мы доходим до моего кабинета, и я бы солгал, если б сказал, что все то время, пока мы шли, не высматривал Наташу. Ее по-прежнему нигде не видно. Я надеюсь, что она не прогуливает лишь чтобы избежать меня, но, учитывая все дерьмо, которое произошло между нами в конце, не могу сказать, что был бы удивлен.

Я кладу портфель на стол и сажусь в кресло, сразу же занимаясь содержимым, так что мне есть что делать.

— Итак, что у вас на уме, Мелисса?

— Много чего, — говорит она, прислоняясь к столу ровно настолько, чтобы я мог видеть верх ее кофточки. Я сразу же отворачиваю глаза, чувствуя себя немного неудобно. — Но, главным образом, Наташа.

Вскидываю голову.

— Как она?

Она ухмыляется мне.

— Разве вам не хочется узнать?

Я хмурюсь, не желая играть с ней в игры. Молчу, а потом говорю:

— Я не видел ее довольно долго, и, боюсь, когда мы в последний раз разговаривали, все закончилось не очень хорошо.

— Ну да, ваши жена и ребенок умерли, — прямо говорит она.

Словно удар, ледяное холодное изображение Хэймиша у пруда, проносится у меня в голове.

Она продолжает, не обращая внимания

— Я уверена, такое заставит человека сказать много того, что он не имеет в виду. Но вот что я вам скажу. Просто хочу, чтобы вы знали, нет смысла идти за ней, нет смысла разговаривать с ней. Вы в ее прошлом, и вам нужно остаться там. Честно говоря, она попросила меня сказать вам, держаться подальше и навсегда оставить ее в покое.

Ее слова оставляют порезы у меня на сердце.

— Я не... Я не связывался с ней, — говорю я ей, голос грубый.

— Но вы хотите, я знаю. И просто говорю, забудьте. Она не хочет иметь с вами ничего общего. Вы должны быть с кем-то, у кого нет целой кучи багажа. — Она закусывает губу и внимательно смотрит на меня. — Вы знаете, что она делала во Франции? У нее был нервный срыв. Видели бы вы ее после... ну, вы понимаете. Она не могла есть, спать, даже не могла говорить. Она месяц была чертовой немой. Она бросила учебу, бросила свою жизнь. В конце концов, отец привез ее во Францию, где позаботился о ней.

Желудок сжимается, и я сопротивляюсь желанию согнуться пополам.

Моя Наташа.

Довела себя до такого.

И все из-за меня.

Мелисса продолжает смотреть на меня, изучая мое лицо. Я стараюсь сохранять как можно более бесстрастное выражение, но знаю, она видит боль. И ей это нравится.

Она проводит пальцем по краю стола.

— Знаете, Наташа всегда была немного незрелой. Это часть ее шарма. Не совсем тот тип, с которым бы связался профессора, да?

Я медленно выдыхаю и твёрдо смотрю на неё.

— Это все, что вы хотели обсудить?

— Да, — говорит она, выпрямляясь и посылая мне улыбку. В конце концов, она может просто играть, она достаточно коварна для этого.

— Увидимся в понедельник.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она выходит из комнаты и выглядит ужасно гордой, посылая мне странную улыбку через плечо. Я, наверное, должен войти в роль преподавателя и напомнить ей о домашней работе или о том, что будет на следующей неделе, или спросить, когда она планирует выступить с лекцией, но у меня нет сил.

Все они ушли на то, чтобы пытаться переварить то, что она сказала, то, что случилось с моей бедной Наташей.

Я думал, что узнал печаль в глазах Наташи, изменение, происходящее тогда, когда ты теряешь себя, разбиваясь на осколки. Не думаю, что возможно когда-нибудь собрать все эти частички вместе. Ей все ещё чего-то не достаёт.

Как и мне.

Чувства примирения с утратой.

И мира в душе.

Не уверен, что у меня может быть одно без другого. Но знаю, существует лишь один способ обрести покой. Я должен сделать это с помощью Наташи. Не важно, что сказала Мелисса, не важно, имеют ее слова смысл или нет, я не могу держаться от неё подальше. Не могу игнорировать. Она призрак, скитающийся по коридору. Призрак, скитающийся в моем сердце.

Но так не должно продолжаться.

Я никогда не верил, что все в мире неслучайно, что это стало еще более очевидным в тот вечер, когда я потерял Миранду и Хэймиша. Но это, ее присутствие здесь и сейчас, когда мы оба вылезли из ямы и балансируем на краю, это не может быть просто так.

Мы здесь оба, чтобы спасти друг друга.

И один из нас должен сделать первый шаг.

С этой мыслью я открываю ноутбук и вхожу в университетскую систему. Ищу Наташу через базу данных учеников, ее номер телефона и адрес электронной почты.

Я открываю свою учетную запись электронной почты, рассеянно отмечая, что мой кузен Кейр ответил на письмо, а затем начинаю писать Наташе.

Я останавливаюсь, пальцы на клавиатуре, но слова отказываются появляться.

Что мне сказать? В последний раз она убежала от меня. На этот раз она может увидеть мое имя и откажется даже открывать письмо.

Поэтому ты должен написать правду, — говорю я себе. Чтобы она не смогла не заметить его.

Ненавижу когда я прав.

В теме письма я просто пишу «Пожалуйста».

Затем печатаю:

Наташа,

Я не могу объяснить, что почувствовал, увидев тебя снова. Я могу лишь сказать, что ты дала мне надежду, ту, которую я не чувствовал уже довольно давно. Мне нужно многое сказать тебе, миллион раз извиниться, и я могу лишь надеяться, что ты выслушаешь меня. Я лишь хочу, чтоб ты дала мне возможность сказать все лично, как ты и заслуживаешь, и тогда я оставлю тебя в покое.

Ты знаешь, это идет вразрез с тем, во что я верил, но время может изменить человека, и я верю, что ты снова появилась в моей жизни совсем не случайно, а по какой-то причине.

Я не хочу разочаровывать судьбу.

Бригс.

Однажды Наташа пришла в восторг, обнаружив мою довольно поэтичную сторону, скрытую под всеми учёными разговорами о фильмах. Я могу только надеяться, что она все еще чувствует то же самое.

Делаю глубокий вдох и нажимаю «отправить».

А затем становлюсь одержимым. Стараюсь работать, но невозможно делать ничего, кроме как снова и снова проверять электронную почту. Проходит час. Она не отвечает, и я схожу с ума.

Я решаю посмотреть письмо от Кейра и вижу, что он вчера приехал в Лондон, и хочет встретиться. Сразу же ввожу его номер в свой телефон и отправляю ему сообщение, чтобы узнать, не хочет ли он сегодня выпить. Мне нужно что-то, чтобы выбраться из этого штопора, что угодно, чтобы отвлечься.

Я не слишком близок с Кейром, как и с его братом Малом и сестрой Мэйси, так же как и с другими моими кузенами Брэмом и Линденом. Я виню в этом расстояние. Брэм и Линден уже давно живут в США, а Кейт служит в Афганистане. Полагаю, его военная служба закончена и он, по каким-то причинам, на пару дней приехал в Лондон. Мал путешествует по всему миру, работая фотографом, а Мэйси живет где-то в Африке и занимается благотворительностью.

В отличие от Наташи, у Кейра ответ не занимает много времени. Я соглашаюсь встретиться с ним в пабе Cask & Glass около казарм Букингемского дворца, чтобы быстро выпить, а возможно и как следует покутить.

К тому времени, как я добираюсь до паба, Кейр уже там.

Он сидит один за высоким столиком у окна, попивая пинту пива и пристально всматриваясь в людей, проходящих мимо. С его мускулистым телосложением, седеющими волосами и стальным взглядом он похож на стопроцентного солдата, хотя его борода делает его кем-то другим, как и униформа из джинсов, зеленой футболки и куртки карго.

— Привет, Кейр, — говорю я, когда подхожу ближе.

Кейр ухмыляется мне и поднимается со своего места, крепко обнимая меня.

— Рад тебя видеть, Бригс, — говорит он чётким, тихим голосом. Он производит такое же удивительное впечатление, как и Дарт Вейдер. — Спасибо, что пришёл.

— Рад, что ты в городе, — говорю я, похлопывая по столу. — Хочешь ещё кружечку?

Он кивает, и я быстро иду к бару, чтобы взять нам по одной. Сажусь за стол и поднимаю бокал.

— Выпьем.

Я практически выпиваю пиво до дна.

Кейр поднимает бровь.

— Тебе это было необходимо, да?

— Ты не поверишь насколько.

— Ну, у меня было довольно дерьмовое время, если это заставит тебя чувствовать себя лучше, — говорит он, пробегаясь рукой по губам и челюсти.

— Не получится, — отвечаю ему. Не хочу вмешиваться в его дела, поэтому больше ничего не добавляю. До того, как пойти в армию, Кейр был довольно разговорчивым и общительным, хотя это было давно. Я не жду, что сейчас он что-то расскажет.

Он допивает то, что осталось от первого пива и только я хочу спросить его как там, в армии, как он говорит:

— Я ушёл из армии.

Я хмурюсь, делая глоток.

— Хочешь сказать, у тебя увольнительная?

Он качает головой.

— Нет. Я ушел. Никто не знает, — его глаза порхают к моим, и теперь я вижу,

насколько они уставшие. Утомленные и раздражаемые войной, они, очевидно, многое повидали. — Ты первый, кому я сказал. Мне... Мне просто нужно было обратиться оттуда, понимаешь? Кому сказать. Совсем не просто жить во лжи.

Мне ли, черт возьми, не знать.

— А твои родители? — спрашиваю я. — Мэйси и Мал тоже ничего не знают?

Он кисло улыбается.

— Если честно, я даже не знаю, где сейчас Мэйси. А Мал время от времени, кажется, исчезает с лица земли. Каждый раз, стоит ему встретить новую женщину в новой стране. И это не то, что ты напишешь в письме. — Он выдает мне полную сожаления улыбку. — Прости, что обременяю этим тебя, Бригс. Знаю, мы потеряли связь.

— Все нормально. Со мной твой секрет с безопасности, — делаю паузу. — Что случилось? Почему ты ушёл?

— Из-за того, что случилось с моим лучшим другом, — осторожно говорит он. Сглатывает. — Помнишь стрельбу в прошлом месяце?

Я медленно киваю, опасаясь, к чему это может привести. В прошлом месяце у нас был теракт в центре Лондона, прямо в центре Оксфорд секус. Два человека погибли, а еще несколько получили тяжелые ранения. История в течение нескольких дней была на первых полосах газет, а затем все исчезло, вероятно потому, что террорист не был частью организации. Это был Льюис Смит, белый и член британской армии. Недавно его с позором уволили, и, сойдя с ума, он обстрелял людей на улице. Полиция застрелила его, когда он отказался сдаться.

— Так вот, — говорит он, внезапно выглядя намного старше, чем мужчина за тридцать. Его лицо, кажется, бледнеет прямо на глазах. — Это был мой лучший друг. Льюис Смит.

Боже правый.

Он громко выдыхает.

— Хуже всего то, что я знал, насколько плохо он себя чувствует. Видел, как он рассыпался. Некоторые вещи, которые мы видели там, в деревнях... даже не знаю, как сам-то справлялся с этим, а Льюис сделал это с трудом. Но ты не можешь говорить об этом. Мы научены держать все это внутри. Я должен был сказать что-то. Должен был поговорить. Я пытался, знаешь, пытался, но... я мог бы сделать больше.

Да уж, моя неделя, по сравнению с его, ерунда.

— Не знаю, что сказать, лишь только, что ты не можешь винить себя, — мягко говорю ему.

Он поднимает брови, морщина лоб.

— Да ладно? И как часто ты следуешь своим собственным советам?

Я искоса смотрю на него.

— Никогда.

— Слушай, я знаю, что не видел тебя с похорон, — говорит он. — Слышал от мамы, что ты преподаешь в Королевском колледже. И просто хотел сказать, что рад, что ты справляешься. Не знаю, как тебе удастся двигаться вперед. Я бы на твоём месте так не смог. Я едва справляюсь со всем этим. И все думаю, эта вина, этот груз, они когда-нибудь уйдут или нет?

Я начинаю понимать, почему Кейр связался со мной и доверился мне. Наверное, я единственный человек, который знает, что это значит, быть обременённым всеми теми вещами, которые следовало сделать. Но он не знает всей правды. И даже при том, что он

открылся мне, я не могу обсуждать Наташу. Не с ним, и не с Лакланом или с моими родителями. В тот момент, когда я расскажу им, в ту же секунду я навсегда стану позором их жизни. Наверное, как бы глупо это ни звучало, у меня все еще есть гордость.

— Думаю, мы можем справиться с чувством вины, даже если не сможем преодолеть эту потерю, — говорю я, мои глаза порхают к окну, рассеянно следя за потоком людей, бизнесменами в костюмах, подходящих к пабу за пинтой после работы, туристами, идущими к дворцу. — К сожалению, думаю, это заканчивается и начинается с нами.

Он вздыхает.

— Возможно, ты прав. Даже так... причина, по которой я здесь, в том, что я собираюсь пойти в больницу. Одна из жертв, раненная Льюисом, находилась в реанимации. Не знаю, она все еще там или нет, но... мне нужно знать, что с ней все в порядке. Я даже не знаю ее, но... Мне нужно это сделать. Я чувствую, что что-то должен ей, просто не знаю, что.

— Ты же знаешь, это не твоя вина. Ты не знал, что Льюис сделает что-то подобное, — говорю я ему, но глаза Кейра, кажется, темнеют, отправляясь в плохое, плохое место.

Он какое-то время молчит, затем идет взять нам ещё по пиву.

— Итак, а что тяготит тебя? — спрашивает он, когда возвращается, очевидно желая сменить тему.

Я благодарю его за пиво и пытаюсь понять, как много могу рассказать ему.

— Я, хм, в прошлом сделал несколько ошибок, — осторожно говорю я. — Не смог преодолеть некоторые вещи. Я причинил боль тому, кто был когда-то мне очень дорог, и теперь, хочу я этого или нет, этот человек вернулся в мою жизнь. Карма пришла, чтобы укусить меня за задницу.

— Ты дал мне совет, так что и я собираюсь дать тебе один, — говорит Кейр после глотка пива. Вытирает губы тыльной стороной ладони. — Ты готов? — Я киваю. — Кармы не существует. Она есть только в идеальном мире, и мы оба знаем, что наш мир совсем не такой.

— На самом деле это не совет, Кейр.

Он пожимает плечами.

— Это лишь значит, что тебя не наказывают. Постарайся сделать все правильно, и, если не сможешь, это не твоя вина. Прощение нельзя добиться настойчивостью или силой. Оно должно быть дано свободно.

Мгновение я раздумываю над этими словами. Если Наташа не ответит на моё письмо, если она не захочет иметь со мной ничего общего, мне придётся отпустить ее.

Снова.

Без разговоров и извинений.

Я прочищаю горло.

— Что мы с тобой за пара грустных лузеров, — говорит Кейр с осуждающей насмешкой. — Вечер пятницы, а мы рыдаем над выпивкой. Я собираюсь взять шоты, прежде чем мы превратимся в дамочек.

— Всего один раунд, — говорю я, поднимая палец, предупреждая. — Я должен вернуться к своей собаке. Он, наверное, разорвал все в клочья и навалил кучу на мои ботинки.

Кейр выдаёт свою фирменную ухмылку. Становясь больше похожим на двоюродного брата, которого я помню.

— Он нагадил на твои туфли, да?

— Больше одного раза, — вздыхая, говорю я. — И нассал на подушку.

Это был отвратительный сюрприз.

— Кажется, сказывается влияние Лаклана, — говорит Кейр, возвращаясь с рюмками Джеймсона. — Не знал, что у тебя есть собака.

— Завёл только в прошлом году.

Я объясняю ему, как у меня появился Винтер, затем наш разговор переходит к Лаклану и Кайле, моим родителям, мы говорим о Манипени, моем старинном «Астон Мартине». Я больше не могу ездить на машине, так как метро намного удобней. Так хорошо просто выпивать и трепаться, отбросив все проблемы.

Звучит печально, когда такое говорит взрослый мужчина, но я действительно должен завести друзей в этом городе.

К сожалению, Кейр говорит, что когда закончит дела здесь и выяснит, что дальше делать в жизни, вернется в Эдинбург. Уволившись из армии и закончив службу, он начинает все с начала.

Хотел бы я сказать ему, что это будет легко.

Но я никогда не мог лгать об этом.

Глава 8

НАТАША

Эдинбург

Четыре года назад

Август в Эдинбурге безупречен.

Солнце тёплое, порой даже жаркое, иногда по вечерам висит высоко в небе.

Люди улыбаются, толпами гоня на велосипедах по городу. Уличные музыканты, одетые в килты, играют на углах улиц. Часто там же стоят фокусники и мимы, просто так, ради удовольствия. Проходящий фестиваль искусств Фриндж³ кажется, выпустил на свободу непредсказуемых, свободных людей и безумцев.

У меня такое чувство, что я одна из них.

Потому что я тоже превращаюсь в безумную.

Делая то, что никогда не думала, буду делать.

Я влюбилась.

И я влюбилась в того, кого не могу получить.

Это одновременно и самое волнующее и самое разрушительное чувство, когда-либо обладавшее моим телом.

И я имею в виду — это одержимость.

Бригс — это все, о чем я могу думать, все, что вижу. Каждая его часть, от морщинок в уголках глаз, когда он улыбается, костюмов, которые носит, то, как он заставляет меня смеяться, заставляют каждую клеточку моего тела тянуться к нему. Когда он смотрит на меня или разговаривает, в этот момент он заставляет меня чувствовать себя самой важной в мире женщиной.

Да, да. Он заставляет меня ощущать себя женщиной. Не девушкой, не студенткой. Как

будто я что-то большее, чем думала. Словно я свет, который всю жизнь ждал, чтобы его включили, и теперь я ослепляю его и все вокруг.

Включая мои моральные принципы.

И мои правила.

Что ж, нет, я не должна так говорить.

Я могу быть влюблена в профессора Голубые глазки, но не собираюсь ничего с этим делать. Мы уже несколько месяцев работаем вместе и, хотя я знаю, он ужасно несчастлив с Мирандой, не в моем стиле вмешиваться в брак и вообще в любые отношения. Я ни в коем случае не хочу быть другой женщиной. В то время как я ощущаю вину за свои чувства, я не буду нарушать свои же моральные принципы, тем самым потворствуя им.

Любовь не выбирает. Я не могу контролировать то, что чувствую к нему так же, как не могу контролировать солнце в небе. Но что я могу, так это контролировать то, что делаю с этими чувствами.

Рядом с Бригсом я держу все это в себе.

Это не так уж и сложно.

Ладно, это ложь.

Это ужасно тяжело.

Но он не из тех, кто как-то поощряет подобное.

Боже, помоги мне, если он когда-нибудь так сделает.

И мне повезло, что я не знаю никого в Эдинбурге. Есть моя соседка, вьетнамка Хан, с которой я сняла квартиру на короткий срок, и хотя мы приветливы друг с другом, мы не совсем друзья.

Мне некому раскрыть свои секреты. Я не рассказала правду даже своей подруге Мелиссе из Лондона: я влюблена не только в профессора, который платит мне за то, что я помогаю ему, но и что он женат.

В какие-то дни, когда я просыпаюсь, и в сердце появляется такое трепещущее чувство, я говорю сама с собой. Убеждаю себя, что это просто невинное увлечение, а не любовь, и что, когда все закончится, я вернусь в Лондон, вернусь в колледж, встречу хорошего славного парня и продолжу свою веселую жизнь.

В другие дни я погружаюсь в это чувство. Тону в нем. Потому что любовь невозможно игнорировать. Или избегать. Или похоронить. Если вам посчастливилось почувствовать подобное, вам нужно не отказывать себе в удовольствии. Дать крылья этому чувству. Позволить ему пройти через ваше сердце и душу, нефильТРованным.

И я, черт возьми, чувствую это.

Сейчас пятница день и последний раз я общалась с Бригсом через письмо, которое отправила утром. Я спрашивала, нужно ли мне сегодня приходить в офис на работу.

Он ответил — нет, и сделал так впервые. И никакого объяснения, почему.

Мне ненавистно признавать, но ответ ужалил меня и заставил задуматься. Слишком сильно, как обычно. Я начала излишне анализировать каждое последнее взаимодействие. Интересно, настолько ли мои чувства к нему очевидны, что я начинаю отпугивать его? Последнее, чего я хочу, разрушить то, что у нас есть сейчас, эти легкие, веселые, беззаботные рабочие отношения.

Ну, полагаю, они не всегда беззаботные. Иногда я замечаю, как он смотрит на меня. Не всегда, но довольно часто.

Дело в том, что Бригс смотрит взглядом, который просто кричит о сексе, хотя думаю, он

об этом даже не подозревает.

Взглядом, который нельзя не заметить, и который я ощущаю каждой клеточкой своего тела.

Вот он говорит о положительных чертах игры Ким Новак в «Головокружении», а затем смотрит на меня своими голубыми глазами, взглядом, который можно описать лишь как чувственный.

И каждый раз, когда я ловлю подобный его взгляд, я чувствую, как каждая косточка в моем теле загорается. Я даже не представляю, каким взглядом смотрю на него в ответ, потому что я обнажаюсь в его взгляде, и не остаётся никаких запретов.

Так что да, вполне возможно, он начинает понимать, что у меня к нему есть какие-то безумные чувства. И я слишком боюсь спросить себя, что же делать дальше. Продолжать тосковать, и мое сердце сокрушится в результате нашей разлуки?

Или?

Нет никакого или.

Не важно, что произойдёт, хорошо это не закончится.

Я вздыхаю и утыкаюсь взглядом в потолок своей крошечной комнаты. Окно открыто, вечерами я пытаюсь заставить свежий воздух попасть в комнату, а на улице люди смеются и болтают, ходя туда-сюда под окнами здания. Меня раздражает, что я внутри, варюсь в своих собственных чувствах, пока остальная часть города веселится.

Но я никогда не сию дома из-за парня.

Я надеваю джинсы и белую футболку со слоганом «А вот и нет», хватаю сумочку, солнечные очки и выхожу на улицу

Я снимаю квартиру в Ньюингтоне, это около двадцати минут пешком от города, но я могу использовать это время для упражнений. Не то, чтобы в данный момент я нуждалась в этом — в первый раз в жизни у меня пропал аппетит, и моя попа, наконец-то, уменьшилась. Как и грудь, да. Это так несправедливо. Когда девушка теряет в весе, ее грудь всегда уходит первой. Но когда парень теряет в весе, его член остается того же размера. Пропорционально, он даже кажется больше.

Я всегда хотела устроить пикник в парке на Принсес стрит, и даже если здесь редко кто-то бывает в одиночестве, я не позволю этому остановить меня. К черту счастливые парочки и семьи. Почему пикники должны обязательно устраивать только они?

Я останавливаюсь у магазина, купить немного сыра, крекеров и две банки сидра и иду к траве, пытаюсь найти идеальное место, чтобы устроить свой одинокий маленький пикничок. В воздухе пахнет свежестью, несмотря на то, что сейчас конец лета в городе, и солнце прекрасно ощущается на моей спине.

Я чувствую себя чертовски живой.

Но черт, здесь так много людей. Полагаю, парк привлекает людей после работы, в конце концов, сегодня чудесная пятница. Трудно найти правильное место, не оказавшись слишком близко к какой-то парочке или малышу, решившему побродить по вашему несуществующему одеялу.

Кажется, я вижу хорошее место, немного слишком близко к тропинке, но выбирать не приходится.

И тут мое сердце замирает.

Я вижу его.

Бригса.

С ребёнком на плечах.

Гуляющего с потрясающей блондинкой, похожей на Дженьюари Джонс. Или Грейс Келли. Кого-то с лебединой шеей и грацией принцессы.

Я не знаю, что делать. Я чувствую себя так, словно я в Парке Юрского периода, и если не буду двигаться, он меня не увидит. Не могу придумать другого варианта, кроме как отвернуться, пряча от него лицо, и пойти в другую сторону.

Но я не могу двигаться. Не могу перестать смотреть. Словно это ужасная автомобильная авария.

Он и его прелестный сын и его великолепная, идеальная жена.

Как он может быть не счастлив с ней? Даже просто идя через парк в белом сарафане и убранными во французский узел волосами, она заставляет людей оборачиваться. Черт, ей даже удается заставить прическу 80-х выглядеть хорошо.

И Бригс смеется, держась за ноги сына и смотря на него с обожанием в глазах. По тому, как он рассказывал о Хэймише, я знала, что, он отец, который сделает все что угодно для своего сына, и теперь у меня есть тому доказательство.

Ясное доказательство того, почему он и я никогда не станем ничем большим, даже если бы он чувствовал то же, что и я. И вероятность того, что это произойдет, сейчас составляет, вероятно, миллион к одному.

К счастью Бригс не видит меня. Он проходит мимо, радостно беседуя с Хэймишем, пока Миранда идет рядом. Должна сказать, они двое похожи на друзей. Нет общих улыбок между мужем и женой, нет взглядов страсти или любви. Оба они полностью сосредоточены на своем сыне.

Но это ничего не меняет, кроме того, что я был дурочкой. И хотя я говорила себе, что это нормально — влюбиться в Бригса, упиваться этой любовью, если я не говорю ему, пока ничего не предпринимаю по этому поводу, я знаю, что это неправильно.

Я только что сказала себе, что это хорошо не закончится.

Теперь я, черт возьми, знаю это наверняка.

Я наблюдаю, как они идут, гуляя под солнцем, и у меня, словно вырастают шипы в груди, мое сердце истекает кровью.

Глупая, глупая девчонка.

Я опускаюсь на траву и открываю банку сидра. Быстро пью его, пытаюсь потушить огонь. Я смущена и немного ненавижу себя. Вернее, сильно ненавижу.

Ты идиотка, — говорю себе. — Влюбленный щенок, нуждающийся в пинке.

Я допиваю вторую банку, пока мозг не начинает блуждать, а затем направляюсь обратно в квартиру.

И тут мои ноги приводят меня в паб.

Сажусь за стойку, и симпатичный бармен посылает мне широкую, приветственную улыбку.

— Что будешь? — спрашивает он, наклоняясь вперед.

— Что-нибудь, что заставит меня забыть мужчину, — говорю ему.

Он поднимает бровь, кольцо в брови поблескивает от света.

— Думаю, это называется скотч. Или виски, потому что ты американка. Со льдом или чистый?

— Чистый, — отвечаю я.

— Приятно слышать, — говорит он, подмигивая, и поворачивается, чтобы схватить

бутылку.

Внезапно кто-то садится на стул рядом со мной.

Я поворачиваю голову и вижу огромного бородатого зверя в серой футболке. Его руки покрыты тату, одна есть даже на ключице.

— Оу, Ренни, не доставляй посетителям неприятности и не приставай к ним.

Он пьян, но странно безобиден. Имею в виду, он огромен и когда поворачивает лицо ко мне, на нем нет улыбки. Он просто наблюдает за мной серо-зелёными глазами цвета океана под пирсом. Я не вижу в них никакой злобы или хищного очарования. Просто он здесь, как и я.

— Он не доставляет мне неприятности, — говорю я ему, вступаясь за Ренни, который наливает мне самый большой шот в мире. — Мир доставляет мне неприятности.

Ренни оборачивается, посылая татуированному зверю кривую улыбку, и передаёт мне напиток.

— За счет заведения, — говорит он. — Раз уж мир не очень мил.

— Со мной мир тоже не очень добр, — говорит парень рядом со мной.

Ренни закатывает глаза.

— И мы это отлично знаем. Это и есть твоё оправдание за все, — но Ренни все же оборачивается и тоже наливает ему шот. И затем, к моему удивлению, наливает один и себе. Поднимает его в воздухе.

— За мир, — говорит Ренни.

Я и татуированный парень поднимаем наши рюмки. Он проглатывает свой напиток словно воду, хотя даже с моей душевной болью и необходимостью похоронить эту боль, я пью спокойно и делаю лишь глоток.

— Никогда раньше не видел тебя здесь, — говорит Ренни, вытирая стойку тряпкой, бицепсы перекачиваются под рубашкой.

— Я живу в Лондоне, — говорю ему.

Татуированный парень издаёт саркастичный смешок. Я оборонительно смотрю на него. Ему удаётся послать мне глупую пьяную улыбку. Если бы парень не был пьян, он был бы великолепен, это правда. Полные губы, задумчивый взгляд, сложен так, словно участвует в боях без правил, когда не швыряет брёвна на Играх горцев. Тот тип парня, который в обычных обстоятельствах мне бы понравился, если бы только мой разум не был настолько поглощён другим.

— Но ты американка, — говорит пьяный парень, его акцент становится все неразборчивей.

— Да, — отвечаю ему. — Но я учусь в Лондоне, в киношколе. Я здесь лишь на лето, работаю на фестивале короткометражного кино.

— Мой брат — учитель, — говорит парень.

— Оу, правда? — спрашиваю, теперь смотря на него внимательней. Он не выглядит знакомым. Я припоминаю, что знаю о брате Бригса. Но кроме того факта, что он игрок в регби, я не знаю ничего. Хотя его руки выглядят так, словно определённо могут выиграть игру.

Он кивает и облизывает губы, глядя вниз на свой пустой бокал. Ничего не говорит.

— Так что тебя беспокоит, мисс Америка? — говорит Ренни, заставляя меня снова обратить на него внимание.

Я на мгновение прикусываю губу, задаваясь вопросом, должна ли я говорить правду или

нет. Но эти парни — просто незнакомцы в баре. Через несколько недель я уеду из Эдинбурга. Может быть, даже раньше, если Бригс больше не будет нуждаться во мне. Его книга продвигается с черепашьей скоростью. Раньше, когда я была рядом, он писал быстро, но теперь, кажется, все замедлилось,

— Я влюблена в того, кто не может принадлежать мне, — говорю им.

Ренни свистит, в то время как пьяный парень кривит губы, посылая мне «это отстой» взгляд.

— Я не уверен, что хуже, — говорит Ренни. — Любить того, кого не можешь иметь или иметь кого-то и потерять их.

— А бывает и то и другое, — говорит другой парень. — И это ещё хуже.

— Я не знаю, — говорю я, внезапно философствуя. — Думаю, я предпочла хотя бы на секунду знать, что чувства взаимны.

— Ты бы предпочла иметь это и затем лишиться? — недоверчиво говорит он. — Ты глупая пташка, вот ты кто.

— Эй, полегче, — говорит Ренни. Сочувственно смотрит на меня. — Знаешь, я недавно работаю здесь барменом, но уже даю ценные советы. Думаю, в твоём случае, тебе стоит все рассказать этому мужчине. Я с трудом верю, что любой, кто узнает, что ты влюблена в него, уже не чувствует к тебе то же самое.

Обычно я бы глупо покраснела, услышав такое. Горячий бармен с темными колючими волосами, говорит мне такой комплимент. Но я чувствую сомнение.

— Не, этот парень, — отвечаю ему. — Он... женат.

Ренни поднимает брови.

— Ага. Теперь понимаю, — говорит он, голос становится серьезнее.

— И я вроде как работаю на него, — продолжаю я. — Он платит мне за работу ассистента над его книгой.

— Мой брат пишет книгу, — говорит парень, его глаза сужаются, морское зеленое стекло, когда он смотрит на меня.

Я сплываю и толкаю бокал от себя, надеясь, что Ренни поймет намек и наполнит ее. Он так и делает.

— Как зовут твоего брата? — осторожно спрашиваю пьяного парня, замечая татуировку льва на предплечье.

— А как зовут тебя? — отвечает он.

— Иветт, — говорю ему, не делая паузу.

— Тогда моего брата зовут Джордж, — непринужденно говорит он.

— Выпей, красавица, — говорит Ренни, наполняя бокал и подавая мне. — Продолжишь говорить, я продолжу наливать.

— Ты ведь знаешь, что я бедная студентка, да? — спрашиваю его.

— Ага. И я знаю, что тебе вероятно надо немного развлечься, — говорит он. — Это за мой счет. А когда решишь, что пора ехать домой, позволишь мне вызвать тебе такси.

Я киваю, когда пара прекрасных девушек подходит к концу бара, пытаюсь привлечь его внимание. Он уходит, чтобы пойти обслужить их, пока я потягиваю виски. Даже напиток напоминает мне о Бригсе, о той ночи, когда мы выпивали в его кабинете и разделили сигару.

— У него есть девушка, просто чтоб ты знала, — говорит пьяный парень, толкая меня и кивая на Ренни.

Я смотрю на него.

— Мне это не интересно, — говорю ему.

— Все еще сохнешь по женатому парню, — замечает он.

Я кусаю губы и верчу бокал в руках, наблюдая за вращением золотой жидкости.

— Как бы все это не было неправильно, я не уверена, что это чувство скоро исчезнет. —

Я смотрю на него. — У тебя есть кто-то в твоей жизни? Ты когда-нибудь был влюблен?

Он улыбается, и его лицо становится моложе, как у мальчишки, хотя на лице написано смущение.

— Нет, и нет. Но это нормально. Я смирился с этим, — он поднимает свой напиток и делает еще один глоток. — Хочешь совет?

Я поднимаю голову и улыбаюсь.

— На самом деле, нет.

Он усмехается.

— Справедливо. Но я все равно дам его тебе. Ты можешь отнестись к нему скептически, потому что он идет от того, кто не знает ситуации, — он наклоняется ближе, и я встречаюсь с ним глазами. — Расскажи ему, что ты чувствуешь.

— Я не могу так поступить, — шепчу я. — Он счастлив.

Ты лжешь, — говорю себе, — Почему ты лжешь?

— Если он счастлив, тогда это не имеет никакого значения... так ведь?

Ненавижу надежду, которую этот человек помещает мне в грудь.

— И что, если это не важно? Что если он... что, если это все изменит? Не только мою жизнь, но и его и его жены... я не могу быть катализатором.

— Лучше быть катализатором, чем мучиться из-за лжи.

Его слова, словно снежинки, опускаются посреди бара. Мягкие, но кусачие.

Я просто не знаю, что чувствую.

Но у меня есть еще несколько стопок, и верный своему слову Ренни вызывает для меня такси. Я не знаю, что еще я говорю пьяному парню, но когда ухожу, чувствую себя смелой и абсолютно пьяной.

Я добираюсь до квартиры, моя соседка уже спит и храпит в своей комнате. Я плюхаюсь на кровать и пялюсь в потолок с этим пьяным беспорядком, желая одновременно не ложиться спать и пить дальше, и все же лечь спать.

В конце концов, моя нервозность побеждает.

В самом ужасном смысле.

Я открываю приложение для почты на телефоне и пишу письмо Бригсу.

Каждая клеточка в моем теле кричит, чтобы я остановилась, но все, что я чувствую, это эгоистичная нужда быть услышанной и услышанной сейчас. Она не может ждать. Сейчас или никогда.

Дорогой профессор Голубые глазки,

Ты веришь в судьбу? Конечно, нет. Ты часто говоришь, что думаешь, Вселенная сделана из случайных событий, которые не имеют никакого смысла, что мы являемся предвестниками нашей собственной судьбы и рока.

Я обычно соглашаюсь с тобой, хотя сегодня я уже не так уверена в этом.

Сегодня произошло нечто очень понятное для меня, о чем ты, вероятно, даже не подозреваешь.

Сегодня я шла по парку, желая устроить пикник в саду на Принсес стрит, и увидела

тебя.

Ты был с Мирандой и Хэймишем.

Черт возьми, если вы не были самой красивой семьёй в мире.

Теперь я понимаю, почему ты отменил сегодняшнюю работу.

Хотя чего я не понимаю, так это почему ты не отменил все предыдущие дни.

Почему ты продолжал проводить время со мной, целые дни, день за днем, месяцы, когда у тебя дома есть что-то такое изящное, хорошее и красивое?

Миранда — это все, чем я не являюсь.

И я понимаю это.

Но я не понимаю, почему ты вообще тратишь все своё время на меня.

Я, наверное, самый худший ассистент в мире.

Мы много смеёмся, когда работаем.

Ты все ещё самый медленный писатель в мире.

И все же я каждый день я там.

Пока однажды меня там не будет.

Таша.

P.S. Я пьяна.

P.P.S. Я пишу это, потому что я катализатор перемен.

P.P.P.S. Не думаю, что мне следует и дальше работать на тебя.

Вероятно, это не самое лаконичное электронное письмо, которое я когда-либо писала, но полагаю, я буду беспокоиться об этом позже, когда отправлю его.

Упс.

Я его уже отправила.

Смотрю на значок «отправлено» и мой телефон умирает.

Пожимаю плечами. Ну и ладно.

Я ложусь на кровать и пытаюсь заставить себя думать о том, о чем стоит подумать. Думаю о квартире в Лондоне, которую сдала в субаренду на лето. Думаю об учебе, о том, как буду каждый день вставать без тепла в сердце, пузырьков в животе и бабочек, и как чертовски скучно это будет. Я думаю о боли, которую почувствую, когда не буду видеть лицо Бригса каждый день, о потере его в моей жизни. О горечи, которая последует за этим. Горечь всегда следует за сладостью, особенно когда дело касается любви. Особенно когда речь идет о запретной любви.

Я не знаю, как долго сижу в темноте, но, в конце концов, встаю, пошатываясь, и ковыляю на кухню, чтобы совершить налёт на холодильник ради наполовину полной бутылки вина, которая, знаю, стоит там.

Я только заканчиваю наливать себе стаканчик дубового шардоне, когда раздаётся стук в мою дверь. Он слабый, словно человек боится причинить беспокойство, но он заставляет волосы на затылке встать дыбом.

Смотрю на часы на микроволновке. Сейчас лишь пятнадцать минут двенадцатого, не так уж и поздно, но всё-таки. У моей соседки никогда не бывает гостей так поздно, и у меня никогда не было здесь никого, кроме Бригса, который пару раз заносил книги, или однажды, забирал меня, когда мы пошли в театр, чтобы посмотреть постановку за городом.

Очевидно, эта мысль дает мне толчок надежды, когда я быстро подкрадываюсь к двери, заглядывая в глазок, прежде чем человек может постучать снова.

Это Бригс. Искажённый через глазок, но все же это он.

Вот черт.

Я делаю глубокий вдох и снимаю цепочку, медленно открывая дверь.

— Привет, — тихо говорю я, рассматривая его. Он стоит в той же одежде, в которой я видела его раньше, рубашка оливкового цвета и тёмные джинсы.

Думаю, в глубине души я надеялась, что он появится. Разве не поэтому я написала письмо? Жест отчаяния? Последняя попытка?

Он выглядит огорчённым, брови нахмурены.

— Могу я войти? — спрашивает он грубовато и низко. — Извини, что так поздно. Я пытался дозвониться до тебя, но попал сразу же на голосовую почту.

— Ты же знаешь, я никогда не проверяю голосовую почту, — говорю ему, шире открывая дверь.

Теперь он кажется нереальным, прислоняясь к дверному косяку.

— Знаю, — говорит он. — Но я никогда до этого не получал от тебя пьяных писем.

Он входит, и я знаю, что должна отшутиться.

— Ну, считай, что ты избранный, — говорю я, осторожно закрывая дверь. — Пьяные письма — фишка Наташи Трюдо.

Но когда он стоит в узком проходе и поворачивается ко мне лицом, наши тела слишком близко в темноте, он не улыбается. Вместо этого он смотрит на меня так, словно изучает карту сокровищ, которую, как он знает, позже потеряет, запоминая каждую деталь.

— Я хочу поговорить об этом, — говорит он, и его голос все еще находится на границе между тихим и решительным.

— О письме? — спрашиваю я, хотя сейчас бесполезно притворяться.

Все внутри меня танцует, ждёт и мечтает.

Он кивает и осторожно оглядывается.

— Твоя соседка спит? — мягко спрашивает он.

Я киваю.

— Да, и она в прямом смысле слова может спать как убитая, — я почти перехожу на тему о нашем соседе, играющем техно, и о том, как она говорит, что никогда даже не слышала, чтобы его музыка играла, но не делаю этого, потому что взгляд в глазах Бригса настолько захватывает меня, что мысли вылетают из головы.

И я полагаю из-за этого, мы никуда не двигаемся. Мы продолжаем стоять в затемненном фойе, расставив ноги, просто глядя друг на друга.

Несколько мгновений мы не разговариваем. Очень длинных мгновений.

Я пытаюсь стоять на месте и не качаться, пытаюсь казаться трезвой насколько возможно, размышляя о том, все ли в порядке с моим дыханием, есть ли у меня тушь в уголках глаз. Думаю о всяких мелочах, которые не имеют ничего общего с главными вещами.

Тем временем Бригс все ещё изучает меня. Не могу сказать, разочарован он мной или нет.

— Итак, говори, — говорю ему, но вместо того, чтобы звучать спокойно и жестко, как я думала, будет, слова выходят кроткими и спокойными. Потому что я боюсь, так чертовски боюсь, услышать, что он собирается сказать.

Оставь меня в покое.

Или.

Я люблю тебя.

Первое опустошит меня. Второе делает счастливой.

Но, в конце концов, оба меня погубят.

— Ты имела это в виду? — мягко спрашивает он, глаза ищут мои. Его впалые щеки особенно остры в тени.

— Какую часть? — спрашиваю я. Затем говорю: — Всё

— Все, — повторяет он. — Я о том, что ты не хочешь больше работать на меня.

Я смотрю в сторону, фокусируясь на его чёрных с серым кроссовках.

— Я... — начинаю я, но понятия не имею, как закончить предложение.

— Что ты катализатор для изменений.

Теперь все кажется таким глупым. Но я все равно поднимаю подбородок и смотрю на него, мгновенно поглощенная его присутствием, глубиной его глаз.

— Я хочу им быть.

— Как так? — и он делает шаг ко мне.

Я делаю резкий вдох, пытаюсь успокоиться. За моей спиной лишь дверь.

— Ты видела меня сегодня, — продолжает он. — Почему не поздоровалась?

Я облизываю губы, в горле пересохло, шардоне было ошибкой.

— Подумала, так будет неправильно.

Он нахмуривается сильнее, наклоняясь ближе.

— Почему?

— Потому, — говорю ему. — Это ощущалось неправильным.

Он выглядит так, словно хочет сказать что-то ещё, но сжимает губы. Наклоняет голову, пристальной разглядывая меня.

— Почему? — наконец говорит снова.

— Потому что, — медленно говорю я, встречаясь с ним глазами. — Иногда я чувствую, что я для тебя больше, чем ассистент. Потому что знаю, для меня ты больше, чем человек, выписывающий чек.

Его лоб хмурится, когда он выпускает неровный вздох. Его глаза — смесь страха и удивления, которую я хотела бы закупорить в бутылку, потому что она оставляет на мне отметину. На которую я буду оглядываться потом.

Он протягивает руку и хватается кончики моих пальцев.

Мое дыхание учащается, сердце скачет галопом.

— Таша, — говорит он, и я наслаждаюсь тем, как он произносит мое имя. Он сжимает мои пальцы. — Ты права. Ты для меня больше, чем ассистент. Нет смысла притворяться.

Я не хочу быть жалкой, не хочу быть слабой.

Но все же шепчу:

— Насколько больше?

Хотела бы я, чтоб мой голос не дрожал.

Он печально смотрит на меня и качает головой.

— Ужасно больше.

Затем резко вздрагивает и отворачивается, отпуская мою руку. Он прислоняется к двери, руки разведены в стороны, пока пытается дышать.

Я не хочу навязываться.

Нет, все же хочу.

— Основной мыслью моего письма было, — словно объясняю я, — что...

И замолкаю, потому что это проблематично, когда я пьяна.

Поэтому вместо того, чтобы закончить предложение, я протягиваю руку и кладу ее ему на спину.

Чувствую его жар под рубашкой, и его мышцы сжимаются под моим прикосновением.

Я ненадолго представляю себе, как прикасаюсь к его коже под рубашкой, как бы это ощущалось, пробежаться по ней руками, может и ногтями.

— Ты сказала, что не понимаешь, почему я провожу все своё время с тобой, — говорит он, и я чувствую эти слова на своей ладони. — Почему вместо этого я не со своей женой.

— Это не совсем то, что я сказала, — говорю ему, пытаюсь выкрутиться.

— Нет, но это то, что я услышал, — говорит он и неожиданно оборачивается.

У меня нет времени отступить.

Или может, я выбираю остаться здесь, на своём месте.

Быть лишь в паре дюймов от него.

Я чувствую его запах, розмарин и мыло, вижу, как его пульс дико колотится в горле.

Не думаю, что когда-то хотела чего-то так сильно.

— И? — спрашиваю я.

— Скажи мне, кто я для тебя, — шепчет он, наклоняясь ближе.

Я втягиваю воздух. Боясь, что, если выдохну, то выпущу все свои секреты.

Теперь он близко, и воздух между нами резкий и острый. Может быть, мне даже не нужно говорить ни слова. Он может просто собрать все по крупицам, как археолог может определить год спустя миллиарды лет лишь из останков окаменелости.

— Скажи мне, — повторяет он, и я слышу крайнюю необходимость в его голосе. Я смею снова встретиться с ним глазами, его беспокойные, как айсберг, тающий быстрыми темпами.

Была, не была.

Я быстро наклоняюсь.

И целую его.

В губы. Прямой выстрел, вызывающий мурашки на моих руках, мои губы мягкие и влажные и податливые напротив его губ.

Мягкий стон, вылетающий из его рта, почти сокрушает меня, проникая глубоко-глубоко в самые темные уголки моего существа. Он разжигает меня, как топливо разжигает огонь. Опасно. Очень, очень опасно.

И тогда его рот открывается, язык мягко прижимается к кончику моего языка, и все, чего хочет мое тело — отбросить всю сдержанность.

Боже мой. Этот поцелуй.

Это пожар.

Он мог бы так легко поглотить нас.

Пока ничего бы не осталось.

Мы, черт возьми, сожжем этот мир дотла.

И нет лучшего пути, чем быть в огне с ним.

— Подожди. Я не могу, — бормочет он, отрывая рот, тяжело дыша. Его глаза покрыты мукой. — Ты не знаешь, что делаешь.

— А ты знаешь? — спрашиваю я, мои губы горят.

Скрип.

Дверь в коридор открывается, и мы оба разбиваемся, нет, рассыпаемся, как песок, и моя соседка тащится по коридору и в ванную, даже не глядя на нас.

Теперь мы остаемся с тяжелым одеялом сожаления, когда смотрим друг на друга, наши груди поднимаются, сердца барабоят, полностью осознавая, насколько это неправильно, осознавая, что это никогда не должно повториться снова.

Я хочу, чтобы это произошло снова.

Немедленно.

И, тем не менее, потому, как Бригс смотрит на меня, я понимаю, что он прежде всего расстроен, мощная смесь разочарования и печали.

— Я должен идти, — говорит он, бросая взгляд на ванную.

Я знаю, что хочу сказать и знаю, что не должна этого делать.

Но все же делаю.

— Ты уверен? — шепчу я. — Ты можешь остаться.

Бригс смотрит прямо на меня — в меня — и в его глазах я вижу мучительную битву.

— Я должен идти, — снова говорит он, на этот раз громче, словно пытается убедить кого-то ещё.

И что теперь?

— Ладно, — говорю я ему. — Ты ведь знаешь, что я пьяна, верно? То, что я послала тебе... просто спиши это на пьяную Ташу, и у нас все будет хорошо. — Внезапно какая-то трезвая часть меня просыпается, постукивая по плечу, крича мне на ухо. Я не могу игнорировать это. — У меня все еще есть работа, верно? Я хочу сказать, я все еще хочу работать на тебя, и обещаю, что больше не буду тебя целовать.

Бригс посылает мне полуулыбку, которая кажется болезненной.

— У тебя есть работа так долго, как ты сама этого хочешь, — доброжелательно говорит он.

— А часть с поцелуями?

Он быстро кивает, отворачиваясь.

— Я спишу это на твое состояние и мы сделаем вид, что этого никогда не было.

И даже если мне больно это слышать, стирать этот прекрасный момент, я чувствую облегчение. Улыбаюсь ему и неловко протягиваю руку.

— Окей, тогда все отлично, — говорю ему. — Спасибо, что зашёл.

Он медленно приподнимает бровь, но кладет руку на мою и сжимает ее. Отпускает и поворачивается, чтобы открыть дверь. Затем останавливается и оглядывается через плечо.

— Знаешь, — говорит он. — Пьяна ты или нет, я могу читать тебя как книгу, а я могу сказать такое лишь о немногих людях. Не потому, что ты умеешь скрывать свои чувства, потому что ты, моя дорогая, этого не умеешь. Я могу сказать это лишь потому, что я знаю многое о тебе, и мне повезло быть одним из тех, с кем ты разделяешь свое истинное «я». — Он делает паузу. — Надеюсь, что после сегодняшнего вечера ты не перестанешь так поступать.

Я сглатываю.

— Даже если мое истинное «я» может некстати поцеловать тебя?

— Даже тогда, — кивая, говорит он. Открывает дверь и оглядывается. — Увидимся в понедельник.

Дверь закрывается со щелчком, который звучит слишком зловеще в такой крошечной квартире. Я громко выдыхаю и прислоняюсь к двери, как раз когда дверь ванной

открывается. Моя соседка шлепает в свою комнату, даже не взглянув на меня.

Словно меня здесь нет.

Словно этого никогда и не случилось.

Но я знаю, что оно было.

Я все ещё ощущаю его губы на моих.

Глава 9

НАТАША

Лондон

Наши дни

«Я не хочу разочаровывать судьбу».

Я снова и снова продолжаю читать строчку за строчкой, отказываясь позволять им проникать в мое сознание, отказываясь позволять добраться до меня.

С кем-то другим, любимым поклонником, я бы списала эти слова на избыток воображения или излишнюю любовь к лорду Байрону. Но из уст — или с клавиатуры — Бригса МакГрегора, я знаю, как много значат эти слова.

Бригс никогда не верил в судьбу или рок или нечто неподвластное нам самим. Даже когда наша короткая связь открылась, он думал, у него был контроль над ситуацией.

И я позволяю ему так думать.

Я позволяю ему, потому что он был тем, кто потерял больше. У него была жена, которую он знал, он должен был оставить. Сын, которого он продолжал ставить превыше своих интересов, даже когда это ранило их обоих.

Судьба никогда не была выбором.

Но если он пишет, что думает, нас столкнула судьба, это говорит о многом.

И если честно, я ищу любую причину, чтобы не оставаться в стороне.

Я ложусь спать и вижу его лицо, каким оно было четыре года назад, его глаза, разрушенные этим странным замыслом, этой истиной, в которую он верил — когда есть любовь, она всегда проста, чиста и неиспорченна.

А затем я вижу, как оно превращается в лицо, которое я знаю сейчас, наполненное виной, печалью и ненавистью.

Я причина обоих этих лиц. Как странно быть тем, кто разрушает человека двумя разными способами, так бесповоротно и окончательно.

Как ужасно и жестоко.

Так что мне требуется несколько дней, чтобы смириться с этим, и, когда я, наконец, принимаю тот факт, что хочу увидеть его, я чувствую, как тьма соскальзывает с моих плеч

Все это ощущается больше правильным, чем нет.

— Готова идти? — спрашивает меня Мелисса, заставляя подпрыгнуть.

Я сижу на кровати и до того, как она заходит, быстро закрываю приложение на телефоне. В последнее время она была ужасно любопытна, спрашивая меня, видела ли я Бригса или слышала ли что-нибудь от него. До недавнего времени я не лгала, когда говорила «нет».

Честно говоря, мне хочется, чтоб она не волновалась об этом так сильно — это моя жизнь, и я могу позаботиться о себе, независимо от того, какие у меня были проблемы. Я знаю, она просто обеспокоена тем, что я собираюсь взяться за старое, но, в то же время, я не могу скрываться от него.

И не буду.

— Иду, — говорю ей, не горя желанием сегодня идти в паб, но она настаивает, ведь сегодня пятница. Она говорит, что мне нужно переспать с кем-нибудь.

Ну, эта часть — правда. Помимо пьяной неосмотрительной ночи во Франции, когда я пыталась избавиться от мыслей о Бригсе, я ни с кем не спала. Еще до того, как я познакомилась с Бригсом, прошло несколько месяцев с тех пор, как я последний раз была с парнем — какой-то придурок из моего класса. Я даже не хочу считать, как долго я блюду целибат, все слишком плачевно.

Я встаю и быстро смотрю на себя в зеркало, и мои мысли порхают к Бригсу. Интересно, был ли он с кем-то с момента аварии? Полагаю, он легко мог найти кого-нибудь. Он даже может быть с кем-то прямо сейчас. В его письме ничего не говорилось о том, что он хочет от меня чего-то особенного, просто он должен все исправить. И я принимаю это. Хоть это и пугает меня, думаю, что прощание с прошлым — это то, что нужно нам обоим. Похоронить прошлое, двигаться дальше каждый своей жизнью и никогда не оглядываться назад.

Однако я не говорю об этом Мелиссе. Вместо этого я иду с ней в паб, наполненный пьяными мальчишками, угрюмыми мужчинами и большим количеством пролитого пива. Музыка плохая, и даже несмотря на то, что я выпиваю, я больше всего на свете хочу в одиночестве вернуться в свою комнату и посмотреть фильм с Кэри Грантом. Я не могу связываться ни с кем здесь, физически или эмоционально. Не то, чтобы меня это удивляет. Я всегда была такой.

Наверное, поэтому моя связь с Бригсом значила так много. Подобное было редкостью. То чувство было тем, чего я никогда раньше не испытывала. Я всегда жила, не вступая ни с кем в значимую связь, а затем пришел он, первый человек, который покорила меня, заставил меня захотеть остаться покорённой так долго, пока он был рядом.

В конечном итоге, каким-то образом я переживаю выходные, вечером в субботу идя в еще один бар с Мелиссой, а воскресенье оставляю для себя, проводя день в Национальной галерее, пытаюсь отвлечься с помощью искусства и красоты. Затем ночью я принимаюсь за книги, пытаюсь дочитать ту, которую написал профессор Ирвинг, потому что знаю, на следующем уроке он собирается расспросить меня о ней.

Проснувшись в понедельник утром, я чувствую себя немного бодрее. Я встаю до будильника и не спеша собираюсь — не из-за того, что сказал мне профессор Ирвинг на прошлой неделе, а потому... что ж, честно? Я хочу произвести впечатление на Бригса. Я знаю, мне должно было быть все равно, но я солгала бы, если бы сказал, что это так. Даже если речь идет о нас, говорящих несколько слов и неловко прощающихся — и это именно то, к чему я готовлюсь — я хочу сделать это, выглядя как новая женщина, а не как призрак, который он оставил.

Нервничая, я выхожу из квартиры и иду к метро. Чем ближе я подхожу к своей остановке, тем беспокойней чувствую себя, мои ногти искусаны, пока я уничтожаю лак.

И тут на станции Бейкер-стрит я вижу, как Бригс садится в поезд.

Боже мой. Ну почему мир заставляет меня видеть его повсюду?

Я стою там, вцепившись в поручень, но когда он заходит в поезд, любезно улыбаясь

людям, то протискивается мимо и исчезает в толпе.

Я не собираюсь подходить к нему сейчас. Такова жизнь, она просто насмехается над нами.

Я остаюсь стоять там, где стою, зажата между парнем, который все продолжает шмыгать носом и мужчиной, который держит руку близко ко мне и «случайно» трогает меня, даже когда мы добираемся до станции Чаринг-Кросс, моей остановки. Я знаю, здесь он выходит, поэтому я жду до тех пор, пока двери не закрываются, и я не уезжаю. Мне понадобится больше времени, чтобы дойти до колледжа от следующей остановки, но, по крайней мере, я не столкнусь с Бригсом, пока сама не буду к этому готова.

Кажется, время еле тянется. На занятии профессора Ирвинга я смотрю на часы. После этого соглашаюсь пообедать с другими ассистентами, Табитой и Девонем, пока жду окончания занятия Бригса, где присутствует Мелисса. Я должна все тщательно спланировать или есть шанс, что я либо пропущу Бригса, либо столкнусь с Мелиссой, и последнее, чего я хочу — это лекция от нее. Или хуже.

Я решаю вести себя осторожно и пройтись по некоторым из своих уроков, пока не пройдет час с окончания его занятия.

Ну, вот и все, — говорю я себе, когда иду по коридору в его кабинет. — *Все скоро закончится.*

От этой мысли мои пальцы сразу же становятся липкими, и я вытираю их об джинсы, стоя у его двери. Она закрыта, а это значит, что его может и не быть. От этого я испытываю облегчение, возможно я смогу перенести все на другой день.

С этой мыслью я поднимаю кулак и, затаив дыхание, мягко стучу в дверь.

— Войдите, — говорит с другой стороны, гладкий шотландский акцент слышен через дверь. Лишь от звука его голоса волоски на моих руках встают дыбом. Слава богу, мои соски ведут себя лучше.

Моя рука нерешительно тянется к дверной ручке, словно если я прикоснусь к ней, я могу превратиться в камень, и, наконец, я хватаю ее и поворачиваю, толкая дверь.

Бригс сидит за своим столом и что-то печатает на ноутбуке. Он ошеломленно смотрит на меня поверх очков для чтения.

— Я не вовремя? — мягко спрашиваю я, рука все ещё на дверной ручке.

Он качает головой.

— Нет, — отвечает он. Прочищает горло и встаёт, снимая очки. — Пожалуйста, пожалуйста, входи.

Я закрываю дверь и прислоняюсь к ней, ноги отказываются двигаться дальше.

Он стоит около стола, пальцы на поверхности, и смотрит на меня.

— Я удивлен, что ты пришла.

Я прикусываю губу, оглядываясь по сторонам, пытаюсь посмотреть куда угодно, только не на него. Здесь не так, как в его старом кабинете. В другом кабинете пахло старыми книгами и кофе, у него были полки из тика с рваными книжными обложками и затхлыми твердыми обложками. Даже его стол был большим и старым, сделанный из дуба, его было невозможно передвинуть. Этот кабинет белый и чистый, с металлическими полками и картотекой. Стерильный. Бездушный.

— На самом деле, я ещё не обустроился здесь, — говорит он, замечая мой блуждающий взгляд. — Думаю, мне понадобится время, чтобы этот кабинет стал действительно похож на мой.

Я киваю.

— Как дела с обучением студентов? — спрашиваю я, все ещё избегая его взгляда.

— Я не настолько подготовлен, как думал, буду, — говорит он. — Или может быть, я слишком сильно готовился.

— Может быть, — говорю я. Смотрю вниз на свои ноги, и он делает несколько шагов ко мне, останавливаясь на расстоянии фута. Он в черных туфлях оксфордах, брюках и серой рубашке.

Бригс ничего не говорит, но я чувствую его, чувствую все, что не сказано вслух. Пространство между нами плотное от времени, тоски и сожаления, как и всегда. Поразительно, какво это, снова стоять так близко к нему и отступить во времени на четыре года. Я думала, что меня выбросили в длинную темную дыру, и все навсегда изменилось, но в его присутствии, кажется, будто и не прошло так много времени.

Это может быть очень, очень опасно.

А когда было по-другому?

— Рад, что ты здесь, — говорит он. Голос низкий, почти грубый. От чего тепло проходит по моему телу. — Не думал, что услышу тебя снова, не говоря уже о том, чтобы увидеть.

Мои губы дёргаются от улыбки.

— Я видела тебя. Просто ты меня не замечал.

Наконец я осмеливаюсь встретиться с ним глазами и сразу же жалею об этом.

Взгляд этих глаз обжигает, властный, чувственный. Взгляд, который и тогда снова и снова сражал меня. И как прежде, я загнипнотизирована, и мир вокруг меня исчезает, пока не остаётся лишь он.

— Наташа, — нежно говорит он, вглядываясь в мое лицо. — Я... — прерывается и, закрывая глаза, делает глубокий вдох. Теперь он избегает моего взгляда, смотря в пол. — Я столько всего хочу сказать тебе. О столько поговорить. И в то же время, это больно. Все это. А я уже столько настрадался. Как и ты, да?

Я тяжело сглатываю и едва шепчу:

— Да.

Он поднимает глаза, смотрит на меня, лоб нахмурен.

— Мне просто надо, что ты знала, когда мы разговаривали в последний раз...

— Бригс, — быстро говорю ему. — Ты не должен объяснять.

— Должен, — говорит он. — Я должен. Потому что это был не я.

— Я знаю, — боже, мне больно от того, что он думает, я не понимаю.

— Нет, не знаешь, — говорит он, глядя на меня. Черт. В его глазах тревога, они полны теней и темноты. — Я сказал тебе абсолютную ложь потому что это был единственный способ убрать тебя из своей жизни. В то время всё, о чем я мог думать, это что именно я вызвал всё это.

— И я помогла, — добавляю я.

— Я влюбился в тебя, — резко говорит он, боль написана на его лице.

Мое сердце падает, словно лифт в свободном падении.

Я очень, очень давно не слышала эти слова.

— Я влюбился в тебя, и это было на мне. Это был мой выбор. Я выбрал тебя, Наташа. Ты бы не смогла сделать ничего, чтобы остановить меня, — он делает паузу, пробегая рукой по челюсти. Быстро качает головой. — Все, что я сказал по телефону, было ложью. Не могу

поверить, что был так чертовски напуган, что позволил тебе так долго верить в эту ложь.

Мне тоже жаль, — думаю я. Потому что я погубила его. Он может говорить, что вся ответственность на нем, но для танго нужны двое. Возможно, мы не спали вместе и не были настолько близки, но когда я сказала ему, что люблю его, я охотно бросилась в омут с головой. Я не была наивной. Я знала, что делаю, знала обо всех рисках, и я все равно сделала это, весь мир был проклят, потому что я любила его.

Все из-за любви.

Но я не хочу обсуждать это с Бригсом. Я пришла сюда не для того, чтобы узнать, кто чувствует себя более виноватым. Я пришла сюда, потому что хотела закрыть эту тему.

Так что я делаю глубокий вдох и говорю:

— Я принимаю твои извинения.

Звучит глупо, но, надеюсь, он понимает, что я имею в виду.

Он смотрит на меня.

— Ты уверена?

Я киваю.

— Да, уверена. Бригс... я все еще пытаюсь выяснить, что делать с тобой.

Он поднимает бровь.

— Что делать со мной?

— Прошлое уничтожит меня, если я буду слишком много думать о нем. Я слишком усердно работала, чтобы снова встать на ноги. Я даже не представляю, как ты это сделал. Я хочу держать все это позади себя и пытаться двигаться дальше, но подобное кажется невозможным, когда мое прошлое стоит передо мной.

Лишь в шаге от меня. Так близко, что я могу вдохнуть его запах.

— Я вижу, — мягко говорит он. — И понимаю. Это все, что я хотел сказать, правда. Что мне жаль. И не думаю, что когда-то перестану сожалеть.

— Как и я, — вздыхаю и прижимаю кулак ко лбу. — Но опять же... все не может быть вот так.

В его глазах мелькает проблеск надежды, и он выжидающе смотрит на меня.

Я посылаю ему бледную улыбку.

— Ты сказал это в своем письме. О разочаровании судьбы. Я тоже не хочу этого делать. Не думаю, что смогу просто жить, когда ты присутствуешь в моей жизни в качестве незнакомца. Это кажется неправильным.

Он делает маленький шагок ко мне, его глаза очень тщательно изучают мое лицо, блуждая ото лба до носа к губам.

— А что кажется правильным? — его голос низкий.

Я облизываю губы, и его глаза задерживаются на них.

— Не знаю.

Он продолжает изучать меня, а я продолжаю задерживать дыхание.

— Приходи сегодня вечером выпить со мной, — говорит он, спустя несколько долгих напряженных минут.

Я настороженно смотрю на него.

— Ты уверен, что это хорошая идея?

— Почему нет?

— Ты преподаватель. Я студентка.

— Во-первых, я не твой учитель. А во-вторых... — он злобно улыбается. — Мне все

равно.

— Я не знаю, — это чертовски соблазнительно. У меня и так слабеют ноги из-за этой улыбки. Но, несмотря на то, что я сказала, что не хочу, чтоб он стал чужим, не уверена, что сразу отправиться в паб — правильное решение.

Ой, да кого я обманываю? Именно этого я и хотела. Я лишь пять минут рядом с ним, и, хотя знаю, что прошлое нас не отпустит, я не ощущала себя такой живой уже в течение многих лет. Словно я щелкаю выключатель солнечной системы, и мое тело клетка за клеткой заряжается.

— Где? — наконец спрашиваю я, сдаваясь.

И снова это улыбка. Боже правый.

— Рядом с тобой есть какие-нибудь хорошие места?

Я качаю головой.

— Я живу в Уэмбли, и там все паршиво.

— Тогда давай рядом со мной, — говорит он. — Я живу в Мэрилебон. Там есть паб, который тебе понравится, называется «Доброволец». Скажем, в восемь?

— Ладно, — тихо говорю я, шокированная тем, куда завела эта встреча. — Ты уверен, что у тебя не будет проблем?

— Мы друзья, Наташа, — говорит Бригс. — И мы были друзьями до того, как я начал здесь работать. Это не проблема. И никогда не будет проблемой. Друзья постоянно выпивают вместе.

Друзья.

Не уверена, что это слово характеризует нас, но хорошо. Это лучше, чем незнакомцы.

— Тогда увидимся в восемь, — говорю ему, поворачиваюсь и иду к двери, чтобы паниковать уже в одиночестве.

Бригс прощается, и я ухожу.

***

— А теперь куда ты собираешься вся такая расфуфыренная? — спрашивает Мелисса, когда я стою перед зеркалом в ванной, аккуратно нанося красную помаду, которую, как я знаю, за считанные минуты размажу по всему лицу и одежде. Я не привыкла краситься ей, и у меня плохая привычка везде оставлять следы.

Надо было мне закрыть дверь в ванную. Я избегаю ее взгляда и концентрируюсь на себе. С тенями для век и бронзатором вряд ли бы вы назвали меня расфуфыренной, хоть мне и удалось заставить волосы лежать в стиле Бриджит Бордо. Хм, может быть, мне нужно больше туши, чтобы дополнить образ.

— Просто пробую новый макияж, — говорю ей. Затем быстро вру, чтобы она отстала от меня. — Я встречаюсь с одним из ассистентов, чтобы выпить.

Она нахмуривается.

— С которым?

Вот черт. Надеюсь, она не последует за мной для проверки. Она вполне способна, ведь она такая любопытная.

— Ой, он не на нашем факультете, — быстро говорю я. — Ты его не знаешь. Его зовут Брэдли.

— Когда ты встретила этого Брэдли?

— В библиотеке. Он на факультете истории искусств. Мы поговорили, и он пригласил меня сходить куда-нибудь. Я не хотела соглашаться, но потом вспомнила, что ты будешь гордиться мной, если я пойду. Если мне повезет, у меня сегодня будет секс.

Вау, а я действительно хорошая актриса.

— Я горжусь тобой, — говорит она. — Просто хотелось бы узнать об этом пораньше. Тогда бы я подобрала тебе наряд получше.

Я смотрю на свои черные сапоги, джинсы и черную рубашку с длинными рукавами. Кажется, я выгляжу неплохо. Добавим бонус — вся моя одежда чиста.

— Что не так с моим нарядом?

Она вздыхает.

— Ничего, если ты идешь на занятие или за продуктами. А ты собираешься на свидание. Покажи немного кожи. Мини юбка сработает.

— Не с такими бедрами, — замечаю я, нанося еще слой туши.

— Лифчик пуш-ап.

— Никакой ложной рекламы, — говорю ей. — Кроме того, он может получить очень хорошее представление о моем теле, просто глядя на меня в этом.

Поджав губы, она смотрит на меня. Затем говорит:

— Как насчет твоего лифчика и трусиков, они подходят друг другу?

— Да, — говорю ей, хотя это большая ложь. Я воспользовалась способом Бриджет Джонс гарантирующим, что сегодня ничего не случится. На мне нет панталонов или утягивающего белья, но на моих трусиках изображен Губка Боб. Это страховка для моего благополучия, не то чтобы я думала, что что-то подобное случится между Бригсом и мной, не сейчас, не после стольких лет.

Хотя опять же, если он меня напоит, ничего не могу обещать. Надеюсь, Спанч Боб придет на помощь.

Но Мелиссе нужно думать, что я уйду, чтобы с кем-то переспать, и я позволяю ей так думать. Кроме того, все это притворство на самом деле хорошо для меня. Оно отвлекает меня от того, что происходит на самом деле, и я боюсь, что, если буду слишком много думать о сегодняшнем вечере, то могу струсить и вообще никуда не пойти.

Но я не могу навсегда спрятаться в своей квартире. Когда приходит время уходить, я прощаюсь с Мелиссой, обещая написать ей подробности, а потом направляюсь к метро. Я нервничаю так же сильно, как и утром, но по-другому, и единственный луч надежды, что в конце этого путешествия меня ждет выпивка, чтобы успокоить мои нервы.

Я иду по Бейкер-стрит, примерно в квартале от паба, когда действительно начинаю психовать. Даже лучик надежды не может спасти меня. Я даже не знаю, почему я так нервничаю. Не из-за того, что совсем не знаю Бригса, и не из-за того, что мы вместе лишь как друзья. Но мое сердце хочет взлететь, а конечности словно желе, и мир принимает это туманное свечение, как будто я теряю кислород.

Я вынуждена задержаться на минутку возле музея Шерлока Холмса, закрытого на весь день, и посмотреть в зеркало на свое туманное отражение, пытаюсь контролировать дыхание. Я продолжаю говорить себе, что нет причин так чувствовать себя, но моему телу до этого нет дела.

В конце концов, мне приходится оторваться от стены здания и направиться в паб рядом, иначе он начнет думать, что я оставила его. Я уже убежала от него однажды, я не могу позволить ему думать, что снова делаю то же самое.

В баре не очень много народу, и я замечаю его, сидящего у бара, смеющегося вместе с барменом. Его улыбка, как всегда, лихая и настоящая, наполняет меня теплыми воспоминаниями. Он одет в темные джинсы, футболку и кожаную мото-куртку, которую всегда носил. Я останавливаюсь и в течение нескольких секунд смотрю на него, незамеченная, в некотором роде желая понаблюдать за ним издали. Я просто хочу вобрать каждую деталь и удержать их в голове, исследовать их, как драгоценные камни и посмотреть, как они заставят меня почувствовать себя.

Но Бригс, словно притянутый воображаемой струной, поворачивает голову, замечает меня и смотрит с удивлением. Его губы изгибаются в легкой улыбке, и он поворачивается лицом ко мне.

Я заставляю ноги двигаться, и иду к нему, внезапно чувствуя стеснение.

Останавливаюсь рядом с ним и кладу руку на пустой стул.

— Это место свободно? — спрашиваю я.

В уголках его глаз появляются морщинки.

— Оно твое.

Я пытаюсь сесть на стул так грациозно, как только могу.

— Что ты будешь? — спрашивает он, его тело все еще повернуто лицом ко мне, одна нога опирается на перекладину у основания моего табурета.

— «Укус змеи», — отвечаю ему.

— Все еще любишь этот напиток, — комментирует он, разглядывая меня. — Ты можешь изменить волосы, но не вкусы.

Я изучаю его, задаваясь вопросом, инсинуация ли это. Он так приподнял подбородок, словно изо всех сил пытается контролировать всевозможные порывы.

Прочищаю горло.

— Тебе нравятся мои волосы?

Он протягивает руку и осторожно тянет за прядь, теребя ее пальцами. Я замираю, затаив дыхание, не готовая к тому, насколько интимно это ощущается.

— Тебе идет, — говорит он спустя мгновение. — Новый цвет делает тебя ярче. Не то, чтобы тебе это когда-либо было нужно.

Затем, так же внезапно, как и прикоснулся к моим волосам, он убирает руку и подает сигнал бармену.

— Макс, «Укус змеи» для дамы. Я возьму еще пинту.

Макс кивает мне и приступает к работе.

— Полагаю, ты частенько бываешь здесь? — спрашиваю его, потому что он, кажется, чувствует себя здесь как дома.

Он кивает.

— Я живу через улицу.

— Правда? И музей Шерлока Холмса рядом. Помню, ты был его фанатом.

Он посылает мне быструю улыбку.

— И что еще ты помнишь?

Я осторожно смотрю на него, не уверенная в его игре, и есть ли она здесь.

— Я помню все.

— Надеюсь, все хорошее, — говорит он, когда Макс подает нам напитки.

Я выдыхаю. Медленно. И лишь тут замечаю его левую руку, отсутствие обручального кольца, которое всегда было там.

Бог мой. Я не могу это сделать.

— Наташа, — говорит Бригс, наклоняясь ко мне. — Все хорошо.

Я смотрю на него дикими глазами.

— Что хорошо?

— Это, — мягко говорит он.

Как? *В каком смысле?*

Он кивает на коктейль, смесь пива, крепкого сидра и бальзама из черной смородины. От него быстро пьянеешь, вот почему я обычно пью лишь один, и многие пабы не подают его.

— Ты лишь выпиваешь со мной, — объясняет он. — Это все.

Ты пытался оставить жену ради меня, — думаю я. — *Как что-то из этого может быть простым?*

Я делаю большой глоток и начинаю кашлять, как дилетантка.

Бригс кладет руку мне на спину, словно собирается похлопать, но не делает это. Он просто прижимает ладонь между моими лопатками. Она теплая, даже через рубашку. Я ненадолго закрываю глаза, потому что, боже, даже этот простой контакт ощущается так чертовски хорошо.

— Ну, — медленно говорит он. — Видела в последнее время какие-нибудь хорошие фильмы?

Я почти смеюсь над тем, как вежливо он произносит эти слова. Смотрю на него, и его рука исчезает, оставляя мою спину холодной и голой. Он улыбается в ожидании ответа, его нога все еще опирается на ступеньку моего стула, словно он хоть каким-то образом должен быть соединен со мной.

— В последнее время, нет, — говорю я, делая ещё один глоток и на этот раз расслабляясь. — Но за последние четыре года, да.

— Все ещё фанатеешь от Кристофера Нолана?

— Да, — решительно говорю я. — Ты видел «Темного рыцаря» и «Интерстеллар»? Он становится все лучше и лучше.

Бригс качает головой.

— Он достиг своего пика с «Началом». Или даже до него.

Я закатываю глаза.

— Ты все ещё не понял этот фильм.

— Может, потому что я не смотрел его миллион раз, как ты, — говорит он. — Глазее на Лео и его лицо. Тебе не надо смотреть фильм миллион раз, чтобы понять суть. Все и так понятно.

— Это говорит о том, что ты не одержим ничем, — говорю я ему. — Помнишь, когда я сказала тебе, что смотрела «Люди Икс» восемь раз, когда фильм вышел?

— Да. Я сказал, что ты сумасшедшая, — говорит он с небольшой гордостью. Затем тихо добавляет: — И я знаю, каково это быть одержимым чем-то.

Его глаза становятся грустными, и я отворачиваюсь.

— В любом случае, — говорю я, не обращая на это внимания, — ты смотрел «Головокружение» больше раз, чем можешь сосчитать, и ты говоришь, это потому, что каждый раз открываешь что-то новое о фильме.

— Возможно, я отлично понимаю образ Джеймса Стюарта.

Того, кто преследовал призрак женщины, которую он любил.

— Может быть, — я не знаю, что еще сказать. Мне столько всего хочется обсудить, но я не уверена, что ни один из нас не запаникует. Скользкую тему нельзя игнорировать и она будет следовать за нами повсюду.

Спустя несколько мгновений он делает длинный глоток пива и изучает меня, его глаза скользят по каждому дюйму моего тела. Он делает это так смело и открыто, или просто не осознаёт, насколько блаженно нервирует такой его взгляд.

— На самом деле рад видеть тебя, Наташа, — говорит он. — Просто вот так.

Как было раньше. Моя память возвращается назад к тем нескольким вечерам, когда мы вместе ходили в паб после долгого дня исследований для его книги. Кажется, те дни были так давно, и все же они сияют в моем сознании, как вчера. Я заказала бы свой «Укус змеи», или, может быть, если бы чувствовала себя модной, бокал вина, он бы взял свое пиво. И мы сели бы за столик или нашли бы кабинку и просто разговаривали часами. Как легко и отратно это было, просто находиться в его присутствии.

И всякий раз, когда он не смотрел на меня, я впитывала его как губку. Все черты его лица, линии в уголках глаз, слегка приплюснутый кончик носа, резко очерченная челюсть, изгиб улыбки, который заставит вас подумать, что он планирует всевозможные дьявольские вещи — я бы приняла их все с чувством безудержного восхищения.

Даже сейчас я чувствую, что почва уходит у меня из под ног, потому что мои глаза продолжают тянуться к тому же самому лицу, и моя увлеченность перерастает в нечто вроде голода. Все время пока мы сидим здесь, в пабе, так же, как в старые времена, воздух между нами танцует с электричеством намного ярче, чем раньше. Он *жужжит*. Препятствия все еще существуют — на этот раз это наш общий стыд, разрушительное горе, а не то, что правильно и неправильно — но осмелюсь сказать, что они почти закрыты чем-то гораздо более мощным.

Возрождением к жизни.

Вождением.

Нуждой.

Более мощный коктейль, чем тот, что у меня в руках.

Тем не менее, я допиваю остальную часть своего коктейля, голова плывет. Знаю, я ничего не сказала ему в ответ, но это не выглядит неловко. Может быть, это говорит выпивка.

— Хочешь еще? — спрашивает он, пока Макс околачивается рядом и ждет. Я замечаю, что пиво Бригса тоже закончилось.

— На этот раз я буду сидр, — говорю ему. — «Магнерс», пожалуйста.

Макс кивает, кажется, с облегчением. Уверена, если б я заказала ещё один «Укус змеи», он бы отмахнулся от меня.

— Как твоя книга? — в конце концов, спрашиваю я Бригса. Это кажется безопасной темой.

Его брови приподнимаются, и он криво усмехается мне.

— О, я все ещё пишу ее.

Мне хочется прокомментировать, насколько он медленный, пошутить, но, уверена, в последние годы он писал не слишком много.

И я права. Он говорит:

— Если честно, я перестал писать, как только ты ушла. Даже не заглядывал туда. — Наклоняет голову ко мне. — Хочешь снова быть моим ассистентом?

Я поднимаю брови.

— Я?

— Да, ты, — говорит он. — Ты была практически музой.

Я морщусь, извиняясь.

— Не могу. Мне столько всего нужно сделать. Наверстать упущенное. Ты же знаешь, я не могу провалить этот год. Это мой второй шанс.

Он кивает.

— Не надо объяснять. Я все понимаю.

И все же идея каждый день видеть его притягивает меня, словно это моя зависимость.

— Но, может быть, ты мог бы обсуждать со мной идеи, — медленно говорю я. — Это может помочь. Я чувствую, что знаю почти столько же о предмете, как и ты.

— Вероятно, так и есть, — говорит он мне. — Расскажи, что ты помнишь.

— Я помню ночи, подобные этой. Длинные дни в твоём кабинете, тебя, сидящего за своим компьютером, яростно печатающего. Меня, читающую очень скучный текст, описывающий забавные темы.

Я помню ночь, когда поцеловала тебя.

Помню ночь, когда ты поцеловал меня.

Нежность появляется в его голубых глазах.

— Что ты помнишь о самом исследовании?

Он проверяет меня и мои знания, как профессор.

И я решаю впечатлить его. Я помню все.

Самоуверенно начинаю с главного. Китон, Чаплин, Ллойд. Описываю их биографии, ранние работы, критику. Взлёт и падение. Неизбежные трагедии, напоминающие вам о том, что ни одна жизнь не защищена от боли, даже жизни комиков.

Все это время его восхищённые глаза прикованы ко мне, гордость в них становится чем-то другим, чем-то более темным. Глубоким. Он наклоняется ближе, и мои глаза долго смотрят на его губы. Мой разум ненадолго замедляется, размышляя о том, каково это будет, поцеловать его снова. Как замечательно будет почувствовать это снова? Как сильно это разрушит меня?

— Вот так, — говорю я, заканчивая, мое дыхание прерывистое от того, что я сказала так много. Я делаю несколько больших глотков сидра, пока он смотрит на меня, восхищённый. И кошусь на него.

— Что? Не говори мне, что я в чём-то не права. Я знаю, что нет.

Он облизывает губы, затем сглатывает. Я смотрю, как двигается его адамово яблоко.

— Нет, — говорит он, быстро качая головой. Его глаза загораются. — Это было потрясающе.

Я ухмыляюсь, наслаждаясь выражением на его лице.

— А то. Кажется, ты забыл, с кем имеешь дело.

— Нет, нет. Я не забыл.

После этого наша беседа превращается в лёгкую болтовню. Мы заказываем больше напитков, разговариваем и смеемся. Я дразню его, люблю это делать, и он отвечает тем же. Мир вокруг нас, кажется, исчезает, шум в пабе уменьшается, пока его голос, этот гладкий шотландский акцент — это все, что я слышу, отражаясь в ушах, груди и костях. Нас окружают наши маленькие коконы, и невозможно сосчитать минуты или часы.

В конце концов, Макс стучит по стойке.

— Мы закрываемся, приятель, — говорит он.

Я поворачиваю голову и медленно моргаю. Свет очень яркий. Мой мозг затуманен, лицо покраснело, пока я смотрю на остальную часть паба. Никого не осталось. Здесь лишь мы.

Я посылаю Бригсу застенчивую улыбку.

— Кажется, здесь уже закрыто.

Бригс выглядит таким же удивлённым. Он достаёт кошелек и кладёт несколько банкнот на стол.

— Кажется так.

— Позволь заплатить половину за себя, — говорю я и тянусь к сумочке на спинке стула.

— Дорогая, я бы на твоём месте и не мечтал об этом, — пренебрежительно говорит он. Затем отдаёт деньги Максусу и смотрит на часы над кассой. — Полдвенадцатого. Ты должен был давно выгнать нас, Макс.

— Неа, — говорит Макс, беря деньги. — На вас двоих было очень интересно смотреть.

Взгляд Бригса скользит ко мне, в его глазах жар от действия алкоголя. Я чувствую внезапное желание продолжить вечер, чтобы увидеть, куда он может привести. Я нетрезвая и довольная, и я не готова прощаться со всем этим. Именно такая комбинация заставляет вас пить после того, как вы должны были остановиться, независимо от того, правильно или неправильно, хорошо или плохо, раннее это утро или нет. В данный момент, последствия не имеют значения. Они неопределенные, и беспокоиться о них придется позже.

Я встаю с табурета, пытаюсь сохранить равновесие, но рука Бригса оказывается рядом и крепко держит меня, поддерживая.

— Спасибо, — говорю ему, неуклюже хватая свою сумочку.

Он отпускает меня, но делает шаг вперед, пока я не чувствую тепло его тела. Он изучает мой рот, а затем наклоняется вперед, осторожно проводя большим пальцем по моим губам.

Мое сердце практически останавливается, и я не могу дышать.

— Твоя помада стерлась, — хрипло говорит он.

И совсем не по той причине, которой надо бы, — не могу не подумать я.

Ох, это очень опасно.

Он опускает руку.

— Буду я хорошим хозяином или плохим, если приглашу тебя к себе? — спрашивает он.

О Господи.

Мои щеки горят. Я должна вести себя разумно, но чем дольше он стоит там, глядя на меня, тем глупее я становлюсь.

— Не уверена, что я в том состоянии, когда нужно принимать такое решение, — шепчу я.

Он мягко улыбается.

— Позволь мне проводить тебя до метро.

Я с облегчением выдыхаю, даже если мое тело требует передумать.

Мы выходим в ночь, воздух прохладный и свежий, возможно сигнализирует о ранней осени, но внутри я горю. Станция находится прямо через дорогу, и пока мы идем, Бригс указывает на свое здание, величественное сооружение, из кирпича и с белой отделкой.

— Я живу вон там, — говорит он, указывая на третий этаж. — Если мне становится скучно, я просто выглядываю из окна и задаюсь вопросом, а что же делает мистер Холмс.

Я вижу тень на ближайшей стене.

— Вот там? Там кто-то есть?

Он смеётся.

— Это всего лишь Винтер. Моя собака.

Я недоверчиво улыбаюсь ему.

— У тебя есть собака?

— Я же говорил тебе, что мой брат спасает собак, верно? Ну, я вроде как заразился от него.

И вот теперь мне действительно хочется подняться в его квартиру. И у меня даже есть отличное оправдание, чтобы погладить собаку и, ммм, может быть, что-то другое.

Но я все же как-то удерживаю свою силу воли под контролем.

Мне удаётся произнести:

— Может, я поздороваюсь с ним в следующий раз.

Это было смело. Предположить, что следующий раз вообще будет.

— Было бы мило.

Мы останавливаемся у входа на станцию. Он тяжело вздыхает, выгибая брови, и прячет прядь волос мне за ухо, позволяя пальцам задержаться слишком долго.

— Я все еще должен привыкнуть к светлому цвету. Я все еще должен привыкнуть ко всему этому.

Не уверена, дышу я или нет. Я так сосредоточена на нем, его пальцах в моих волосах, на том, как его беспокойный взгляд задерживается на моих губах.

Поцелуй меня, — думаю я. — *Давай посмотрим, к чему ещё мы можем привыкнуть.*

— Спокойной ночи, Наташа, — говорит он, и в голосе мелькает нерешительность, словно он вот-вот был готов наклониться и опустить свои губы на мои. Я остро осознаю, как сильно хочу его, как сильно жажду.

Затем он поворачивается и уходит домой.

Я наблюдаю за его высоким, поджарым телом, любясь его задницей под мотоциклетной курткой, прежде чем направиться в подземку.

Когда я, наконец, добираюсь до квартиры, то совершенно измучена и все еще немного пьяна. Я открываю дверь, и Мелисса в халате сразу же начинает закидывать меня вопросами.

— Как свидание?

— Отлично, — лучше, чем отлично. Оно было... наполнено светом.

— Ну, ты переспала с ним?

— Нет, — и тут вмешалась моя совесть.

— Ну, он хоть поцеловал тебя?

— Нет, — но я хотела бы.

— Ты собираешься еще встретиться с ним?

— Мне не следует, — именно это я и имею в виду.

На мгновение она выглядит совершенно подавленной, затем, пожимая плечами, смотрит на меня.

— Может, если бы ты надела мини-юбку, как я тебе говорила, все бы получилось.

— Может быть, — признаю я, хотя знаю, что могу одеть хоть картофельный мешок, это не имеет значения. Его душа говорит со мной, независимо от того, что на мне.

Я иду в ванную и смываю макияж перед зеркалом, прежде чем раздеться и бросить взгляд на трусики.

— Ну, Губка Боб, — говорю я. — Ты хорошо справился.

И все же, когда я заползаю в кровать и ставлю будильник на утро, моя грудь словно

изрезана. Пустая. Я знала, что увидеть Бригса сегодня будет непросто. Я просто не ожидала, насколько это будет сложно, и не так, как я думала. Я ожидала, что находясь в непосредственной близости от него, подальше от любопытных глаз и суматохи колледжа, почувствую подавляющее чувство скорби и боли, напоминание об ущербе, который мы нанесли вместе. Думала, что, будто снова услышу и почувствую его последние слова ко мне, чтобы я не забыла то эпическое падение в темноту, где я не могла спасти даже себя.

И хотя оно было там, мощное подводное течение между нами, оно уступало второму чувству, тому, что действительно ошеломило меня: желание. Подавляющая потребность в том, чтобы он овладел мной, потребность в том, чтобы владеть его сердцем, телом, всем. Словно мы продолжаем с того места, где остановились, не с того телефонного звонка, а со дня в моей старой лондонской квартире, с надеждой и обещаниями, и воспоминания о его щетине, царапающей мою кожу, когда он целовал мои губы и шею. Боже, даже мой сосок был у него во рту.

До того как я осознаю, что делаю, я прикасаюсь к себе, скользя пальцем по клитору, желая, чтобы это был он, нуждаясь в сжигании энергии, томящейся внутри.

С мыслями о нем, я кончаю, пытаюсь не кричать его имя вслух, но кричу его про себя.

И вот я достаточно удовлетворена, чтобы заснуть, и надеюсь, завтра эта потребность уйдет.

Глава 10

БРИГС

Эдинбург

Четыре года назад

— Миранда, — нежно говорю я, стоя в дверях нашей кухни.

Она сидит за столиком для завтрака, перед ней чашка чая, пар поднимается в лучах утреннего света, проникающего через окно.

Сидит спиной ко мне. И молчит.

— Миранда, — говорю я громче и медленно подхожу ближе, чтобы посмотреть на неё.

Я, наконец, оказываюсь перед ней, и лишь тогда она поднимает глаза.

— Бригс, — говорит она мне. — Что? Что-то не так?

Я качаю головой и вытаскиваю стул, звук скрежета о пол громкий и раздражающий.

— Нет. Ничего. Почему ты спрашиваешь?

Она пожимает плечами и делает глоток чая, глядя в окно.

Здесь тихо. Я слышу тиканье часов деда и звуки Хэймиша, играющего со своими игрушечными машинками в другой комнате.

Это было бы идеальное утро для любой семьи.

Но мое сердце холодное. Комната холодная. Все в этом доме покрыто льдом.

Она делает еще один глоток чая и смотрит на меня в ожидании. Вчера она была на маникюре, ее ногти отполированы до блеска.

— В чем дело? — повторяет она, раздражение скользит в голосе.

Полагаю, это свидетельствует о том, как часто на самом деле мы общаемся друг с

другом. Не могу припомнить, когда последний раз у нас был разговор, не касающийся Хэймиша. И это плохо. Вот почему мое сердце разрывается в разных направлениях. Вот почему я чувствую все то, что не должен чувствовать женатый мужчина.

Но это надо остановить. Я должен попытаться.

— Я думал, — медленно говорю я, глядя в окно. — Сегодня прекрасный день. Почему бы нам не забросить Хэймиша к твоим или моим родителям, и нам вдвоем покататься? Где захочешь. Мы много лет не катались на Манипенни.

— Ох, Бригс, — говорит она, вздыхая, избегая моего взгляда.

— Что?

— У меня на это нет времени, — просто говорит она. — У меня ланч с Кэрол.

— Мы ведь недолго. Можем поехать после.

Она качает головой, издавая неприятные короткие звуки, которые обычно издает, когда ей надоедают медленные официанты в ресторане или когда домработница не протирает пыль на фарфоровых фигурках в гостиной.

— Что мы будем делать? Куда поедем?

— Куда угодно, — умоляюще говорю ей, наклоняясь и кладя ладонь на стол. — И можем делать что угодно. Лишь скажи.

— Мне не хочется

Я глубоко вдыхаю через мой нос и молчу, надеясь, что она увидит необходимость в моих глазах.

Но она не видит. Она быстро смотрит мне в глаза, затем снова вниз на свой чай.

— Я сказала — мне не хочется, — повторяет она.

— Тогда завтра, — говорю ей. — Мы поедем завтра.

Она вздыхает, торопливо убирая волосы за ухо.

— У меня планы. Ты же знаешь, я занята по выходным.

— Ты каждый день занята.

— Ну, как и ты, — огрызается она. — И я ведь ни черта не говорю тебе об этом, разве нет?

Может быть, все было бы лучше, если бы ты говорила, — думаю я. Если бы тебе действительно было до этого дело.

— Иисусе, Миранда, — говорю ей. — Когда это стало нормой?

Она поднимает брови.

— Я даже не знаю, что ты имеешь в виду.

Я кладу руки на ее.

— Это. Этот брак. Эта дистанция. Что случилось с нами?

Последний раз мы выходили куда-то вместе неделю назад и лишь, чтобы отвезти Хэймиша в парк. Не думаю, что мы сказали друг другу больше пары слов.

Тот вечер, когда я ездил к Наташе.

Та ночь, когда я увидел правду.

Миранда смотрит на меня с любопытством, а затем медленно убирает руку и прячет ее под стол, где я не смогу дотронуться до неё.

— Ты безумен, Бригс. Абсолютно безумен. Ничего с нами не случилось. Это всего лишь мы. Это просто наша жизнь. Так было всегда. Ничего не изменилось.

Но я изменился.

Я изменился.

И я больше этого не вынесу.

— Пожалуйста, — говорю ей. — Пойдём со мной. Забудь хоть раз о своих планах и друзьях. Забудь о том, что надо заботиться о Хэймише. Забудь обо всем, кроме своего мужа. Хотя бы на этот раз. Для меня. Сегодня. Пожалуйста.

Я умоляю. Знаю, она видит это в моих глазах, слышит по тому, как надламывается мой голос. Это должно случиться. Я не собираюсь оставаться на тонущем корабле, не предприняв попытку добраться до берега.

Она кисло улыбается и качает головой.

— Я же сказала тебе, — говорит она, голос монотонный. Финал. — Я занята.

Между нами лишь стол, но он словно в миллион километров длиной.

Я смотрю на неё, надеюсь, что она, по крайней мере, увидит, что я пытался.

Но она снова смотрит в окно, потягивая чай из чашки в наманикюренных руках, ее ум занят уже более важными вещами.

— Хорошо, — обреченно говорю я. Поднимаюсь со стула. — Я все равно поеду кататься.

— Вернись до половины первого, — говорит она мне. — Я не собираюсь обременять Кэрл Хэймишем и брать его с нами на ланч.

— Точно, — говорю я.

Я выхожу из комнаты, прощаюсь с Хэймишем, целую его в лоб, хватаю ключи и ухожу.

Забираюсь в Манипенни, старый «Астон Мартин», и надеюсь, она легко заведётся. Мне необходимо убраться отсюда и как можно скорее.

Она чихает и тарахтит.

Я ударяю кулаком по рулю.

— Бл*дь!

Я кричу и кричу, лицо красное, слюна вылетает изо рта. Я газую, словно это может завести ее, все поворачивая и поворачивая ключ, пока она, наконец, не сдаётся.

Мое сердце бешено колотится. Пот капает со лба. Я выезжаю с подъездной дорожки и попадаю на дорогу, почти теряя контроль над резким поворотом на Браберн-Понд. Я еду и еду, срезая углы, подрезая машины, мысли все кружатся и кружатся. Мысли просто врезаются друг в друга, идя в никуда, вокруг и вокруг.

Даже не задумываясь, я оказываюсь по соседству с Наташей, на ее улице. Я паркую машину и смотрю на ее здание. Я могу уехать. Могу пойти выпустить пар с Лакланом. Я могу поехать кататься, кричать и молить бога, чтобы все было по-другому.

Но я не хочу делать это в одиночку.

Выбираюсь из машины и иду в ее квартиру.

Я стучу в ее дверь, гадая, может, она еще спит. Сейчас раннее утро субботы, И мы не видим друг друга по выходным дням, если это не связано с работой, например, просмотр классического фильма в кинотеатре. Я не планировал разговаривать с ней до понедельника, следующая неделя — последней неделей ее работы в качестве моего ассистента, прежде чем вернуться в Лондон.

От этой мысли мое сердце сжимается.

Она оставляет меня.

Какого черта я творю?

Но потом дверь медленно открывается, и она смотрит на меня широко раскрытыми глазами, волосы на макушке завязаны в небрежный пучок, на ней пушистый халат.

— Извини, — быстро говорю я, сразу же чувствуя себя плохо. — Я тебя разбудил?

Она зевает.

— Отчасти, но я все равно должна вставать. Что, эмм, случилось?

Я сжимаю губы.

— Я... хотел узнать, может, ты хочешь прокатиться?

— Куда?

Пожимаю плечами.

— Я не знаю. Подальше. Но не слишком далеко. Мне надо вернуться к Хэймишу к половине первого.

— А который час?

— Восемь тридцать.

Она закатывает глаза.

— И ты спрашиваешь, разбудил ли меня. Да я ещё, по меньшей мере, два часа должна была спать.

Я киваю, смущенный собственным энтузиазмом. Я веду себя неуместно.

— Я, пожалуй, пойду.

Я поворачиваюсь, но она тянется и хватает меня за руку, удерживая.

— Нет, стой, — быстро произносит она. — Я хочу пойти с тобой. Только дай мне пять минут, ладно?

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на нее, и она одаряет меня убедительной улыбкой.

— Я буду в машине, — говорю ей.

Ей каким-то образом удаётся сдержать слово. Через пять минут она бежит по ступенькам своего здания, одетая в джинсы и майку, демонстрирующую тёмную от загара кожу. Она не трогала волосы, они все ещё убраны наверх в простой пучок, и на ней нет макияжа. Он ей не нужен. Она выглядит довольной. И абсолютно прекрасной.

— А ты быстрая, — говорю ей, когда она проскальзывает на пассажирское сиденье,

Она легкомысленно барабанит пальцами по приборной доске и лучезарно улыбается мне.

— Я быстрая, когда захочу. Мне нравится эта машина. Так куда мы едем? О, точно, куда-то далеко. Мы можем сначала взять кофе? Я умираю.

Я не могу сдержать улыбку, когда поворачиваю ключ. Машина заводится с первого раза. Она мой счастливый талисман.

— По тебе и не скажешь, что тебе нужен кофе.

— Мне всегда нужен кофе, — решительно говорит она. — Ты же знаешь. Так куда?

— Честно не знаю. Выбери ты.

— У тебя есть карта?

— Шотландии?

— Ага.

Я киваю на бардачок.

— Там.

Она тянется к нему, нажимает на кнопку и он с грохотом открывается. Она вынимает старую выцветшую дорожную карту и начинает исследовать ее.

— Нашла что-нибудь?

— Я ищу Лох-Нéсс.

— Слишком далеко.

— Ладно, есть ещё какое-то озеро с болотным монстром?

— Почти все озёра расположены в горах.

— Р-р-расположены в горах, — игриво говорит она, имитируя мой акцент.

— Хорошо, возможно тебе и не надо никакого кофе.

— Не будьте жестоким, профессор Голубые Глазки, — она возвращается к изучению карты, но упоминание моего прозвища разжигает небольшой огонь внутри меня. И не от гнева.

Она указывает на карту.

— Сюда. Балмóрал.

— Там живет королева.

— Знаю. Я хочу поздороваться.

— Туда ехать два часа, — замечаю я.

— Ну, тогда нам лучше поторапливаться, — говорит она. — Королева ждёт нас.

Сегодня она определённо полна жизни. Кажется, это состояние передаётся и мне, и я глотаю его как тоник. Она стирает все унижения и боль сегодняшнего утра.

Мы выезжаем за город, мчась по А-90 к М-90, и двигаемся на север. После того, как мы взяли ей немного кофе, разделили пару сосисок в тесте на завтрак, я предупреждаю ее, что мы буквально увидим поместье и вернемся назад. Но она не возражает.

Честно говоря, я тоже. Я включаю старое радио в машине, чтобы поймать станцию со старыми песнями, играющую специальную передачу с Отисом Реддингом. День теплый и великолепный, и даже несмотря на то, что мы едем быстро, наши окна опущены, наслаждаясь ветром и солнцем на нашей коже.

Примерно через полчаса, проведённого в пути, Наташа поворачивается ко мне и говорит:

— Скажи мне правду. Почему ты приехал ко мне сегодня утром?

— Это было так необычно? — спрашиваю я не глядя на неё.

— Да, — говорит она. — Последний раз ты пришёл ко мне без предупреждения...

— Тогда я пришёл из-за письма. Я хотел узнать, все ли с тобой в порядке, — говорю я до того, как она сможет сказать что-то ещё.

— А теперь я хочу узнать, все ли в порядке с тобой, — нежно говорит она.

Я смотрю на нее. В ее глазах есть мягкость, которая выбивает меня из колеи. Я крепко сжимаю руль, осознавая каждое движение и то, как она может воспринять их. Хороший мужчина, после той ночи, когда она поцеловала меня, в тот вечер, когда я поцеловал ее в ответ, никогда бы снова не остался с ней наедине.

Но я не хороший мужчина.

Я мужчина, который медленно, но верно движется в неправильном направлении.

— Я в порядке, — но это звучит дико и отчаянно.

— Что случилось? — спрашивает она. — Это твоя жена, да?

Мне не следует ей ничего рассказывать. Я должен позволить личным вещам оставаться личными. И все же, это Наташа. Я ничего не могу скрыть от нее. Мало того, что она знает меня так, как я не могу даже понять, я хочу быть честным с ней. Я хочу сказать ей, поговорить с ней, довериться ей.

Я хочу ее во стольких многих, слишком многих, смыслах.

Делаю глубокий вдох.

— Просто я начинаю понимать, что мы с Мирандой совершенно разные люди. И были

такими уже давно.

Тишина. Я смотрю на нее и вижу, как она смотрит на свои руки, ее округлое лицо милое и грустное.

— Ой. Ну, брак — тяжелая работа, я думаю. Должно быть, это нормально.

— Люди хотят, чтоб ты верила в это, — говорю ей. — Но, не уверен, что я согласен на такое. Не тогда, когда знаю, как хорошо все может быть.

Я позволяю словам повиснуть в воздухе. Не уверен, что Наташа отреагирует на них.

Она смотрит в окно.

— Всегда можно пойти к семейному консультанту.

— Она не пойдёт на это.

— Ты этого не знаешь, — нерешительно говорит она.

— Я знаю, — говорю ей.

Я не упоминаю тот факт, что я предлагал это в прошлом году, когда впервые столкнулся с проблемами в спальне с Мирандой. Откровенно говоря, я не мог возбудиться. Она не обижалась так сильно, как я думал, будет, но даже тогда я задавался вопросом, есть ли какая-то скрытая проблема.

Проблема все еще присутствует, хотя я и не пытался заниматься с ней любовью уже в течение нескольких месяцев. Так просто... проще.

— Она просто счастлива когда все так, как есть, — говорю ей.

— А ты нет.

Я разминаю руки на руле и вижу себя в зеркале заднего вида, насколько усталым я выгляжу.

— Я совсем не счастлив.

Играет Отис Реддинг, и мы замолкаем. Деревья, поля и маленькие города, нежащиеся под солнечными лучами, пролетают мимо.

— А сейчас ты счастлив? — наконец спрашивает Наташа. — Прямо здесь, со мной.

Я сжимаю зубы. Насколько же прямолинейна эта очаровательная девушка. Ни границ. Ни страха.

Я смотрю на неё.

Она смотрит на меня.

— Да, — отвечаю я. Я не могу лгать. — Я всегда счастлив с тобой.

И все же правду очень трудно переварить.

Ее глаза сияют, улыбка нежная.

— Я счастлива с тобой.

Дыхание покидает меня. Не могу объяснить, что заставляют меня почувствовать ее простые слова. Это ощущение похоже на то, как если бы мою душу мягко заставили бы проснуться от долгого сна, и она первое, что я увидел.

Мне нечего сказать в ответ. Есть лишь понимание того, как каждый из нас чувствует себя. Мы делаем друг друга счастливыми.

Я практически протягиваю руку, чтобы дотронуться до неё, просто почувствовать ее плоть, ее тепло, но затем раздаются предупреждающие звоночки, звенящие в ушах.

— Ты уезжаешь, — внезапно говорю я. — Следующая неделя — последняя.

— Знаю, — шепчет она. — Я пытаюсь не думать об этом.

— Я ещё и близко не подошёл к финалу книги.

— Ты найдёшь кого-то другого, кто поможет тебе с исследованием.

— Но кто-то другой — это не ты.

— Полагаю, я незаменима, — говорит она бойко, хотя, когда я смотрю на нее, пока она смотрит в окно с выражением огорчения на лице.

В конце концов, мы добираемся до Балморала и видим, что ворота закрыты.

— Может быть, королева сегодня не в настроении для посетителей, — говорю ей, заезжая парк.

Я ожидаю, что она будет разочарована, но Наташа просто пожимает плечами. Она делает глоток кофе, теперь уже холодного, и вздрагивает от вкуса.

— Может, мы можем найти другой замок по соседству, — предлагаю я.

— Все прекрасно, правда. Замок никогда не это был целью, Бригс. Мне просто нравится проводить время с тобой.

Она медленно уничтожает меня, шаг за шагом. Я смотрю на нее с благоговейным трепетом, на это чудесное создание, которое хочет провести время со мной. Эта редкая и прекрасная девушка, которая говорит, что я делаю ее счастливой, может быть, такой же счастливой, как и она меня.

— Что ты видишь во мне? — тихо спрашиваю я. Не могу не спросить.

Она наклоняет голову, нахмуриваясь.

— Я вижу тебя. А что видишь ты?

Я втягиваю воздух сквозь зубы, удерживая слова. А затем позволяю им выйти.

— Все, — говорю я с чистой болью в груди. — Я вижу Наташу. Я вижу все, чего мне хотеть не следует. Все, что я хочу. Все, что заставляет мир вращаться вокруг своей оси. Ты понятия не имеешь, что ты делаешь со мной. Понятия не имеешь.

Она наклоняется, глаза умоляют.

— Тогда покажи мне, что я делаю с тобой.

— Ты уезжаешь, — шепчу я.

— Покажи, — настойчивей говорит она. — Покажи мне.

Я готов услужить ей.

Я хватаю ее лицо руками, пальцы впиваются в ее мягкие щеки, и целую ее. Не нежно. Жёстко и лихорадочно и мокро, мои губы врезаются в ее, наши языки скользят друг по другу, не стесняясь. Огонь внутри распространяется повсюду, заполняя каждую пустую часть меня. Я издаю стон ей в рот, когда она с отчаянием возвращает поцелуй, ее руки крепко держаться за мои бицепсы, ногти впиваются в рубашку. Мой член дергается в штанах, почти неожиданно, и я внезапно осознаю, насколько остра моя страсть к ней.

Я зарываюсь пальцами ей в волосы, и она нежно стонет, нить продолжает оплетать мое сердце.

Моя жажда растет, невероятная, и я очень близок к тому, чтобы потерять контроль над своим телом, своим духом и просто вручить все это ей.

Но я женат, и она покидает меня.

И чего бы я ни хотел от неё, все не может продолжаться вот так.

Я открываюсь от неё, губы ноют от разлуки с ней, и, тяжело дыша, мы смотрим друг на друга.

— Прости, — говорю я, пытаюсь выровнять дыхание и прийти в себя. — Мне жаль. Это было неправильно.

— Было ли? — тихо спрашивает она. А затем словно понимает, что именно сказала. Качает головой и откидывается назад. — Да, конечно, это было неправильно.

— Ты уезжаешь, — говорю я ей.

— И у тебя есть жена.

— Но я не хочу, чтобы она и дальше была моей женой, — говорю я, потрясенный своим признанием. Я громко выдыхаю и опускаю голову на руль. — Я никогда не хотел, чтоб все повернулось вот так. Гребаный беспорядок. Я бы продолжал жить в браке еще много лет, не зная, что что-то упускаю.

— В конечном итоге ты бы все равно проснулся, — говорит Наташа. — Человеческое сердце не должно находиться в клетке у того, кто не лелеет его.

Я поворачиваю голову, все еще лежащую на руле, и умудряюсь слабо улыбаться ей.

— Очень поэтично.

— Это правда. Ты должен сделать это ради себя, чтобы сделать себя счастливым, особенно когда ты с кем-то, кто тоже недоволен.

— О чем ты говоришь?

Она поднимает брови.

— Ну, я о том... что ты собираешься делать, когда я уйду?

Я качаю головой, рассеянно глядя в окно на деревья, примыкающие к резиденции

— Я не знаю.

— Вернёшься к той жизни с ней, которой живёшь сейчас? Ты сам сказал, что это не правильно.

— Да, не правильно... но... я бы сделал это ради Хэймиша.

— Это неправильный ответ.

— Что ж, это единственный ответ, который у меня сейчас есть, — грубо говорю я. — Ты должна понять. Твой отец оставил вас с матерью.

— Мне было десять, — парирует она, — и мне пришлось мириться с детством, полным сражений и плача, и оскорблений, и родителей, которые не разговаривали друг с другом, только лишь кричали. Я просто хотела, чтобы мои родители были счастливы, чтобы и я могла быть счастливой. Им следовало расстаться раньше. Мне просто не повезло, что меня не увезли во Францию.

Я снова сажусь и провожу рукой по лицу, пытаюсь разобраться во всем. Я все ещё ощущаю вкус ее губ, пальцы помнят ее волосы. Мои первые и последние вспышки нашего желания,

Она вытаскивает телефон из кармана и смотрит на него.

— Становится поздно. Вероятно, нам пора возвращаться.

— Да, — вздохнув, говорю я, поворачивая ключ. Как и прежде, машина заводится с первого раза.

Мы оба молчим во время поездки назад, напряжение между нами ослабевает и снова нарастает, словно мы продолжаем скитаться мыслями между чем-то чудесным и ужасным. Поцелуй был обеими из этих вещей.

Когда мы попадаем в город, у меня не так много времени, чтобы попрощаться с ней. Прежде чем я уйду, мне хотелось бы провести время в ее квартире, поговорить о том, что случилось. Я слишком боюсь оставлять невысказанные слова до понедельника. Время наедине, когда мы задумаемся о том, что произошло, может нанести ущерб любому из нас.

Я паркую машину на улице и поворачиваюсь, чтобы посмотреть на неё. Мне хочется сказать ей, чтоб написала мне позже письмо, или даже смс. Просто дала знать, что она в порядке, что я не такой ужасный, каким себя считаю.

Я открываю рот, но она смотрит на меня в упор и говорит:

— Бригс, я влюблена в тебя.

Моя душа разрывается на части.

— Что? — шепчу я, едва веря своим ушам. Сердце бьется чертовски быстро.

Она кусает губы и кивает.

— Прости. Это правда. И я не собиралась вообще говорить тебе, но мне нечего терять, кроме недели работы, — она улыбается, как бы для себя. — Я люблю тебя.

Затем она выбирается из машины, хлопает дверью и бежит через улицу.

— Подожди! — зову я, но она не останавливается. И что тут скажешь?

Моя драгоценная правда о том, что я тоже люблю ее, принесет больше вреда, чем пользы.

Глава 11

БРИГС

Лондон

Наши дни

— Профессор МакГрегор? — приглушённый голос следует за стуком в дверь,

Я отрываюсь от работы раздражённый тем, что меня прервали. Впервые за многие годы я читаю свою рукопись, пытаюсь вернуться к тому настрою, который позволит мне закончить книгу. Встреча с Наташей два дня назад подпитала мое творческое начало, как энергетическая батарейка, которую, наконец, зарядили, и я не хочу терять импульс, пока он у меня вообще есть.

Может быть, если я промолчу и не издам ни звука, они уйдут.

Кроме того, у меня такое чувство, что я знаю кто это.

— Есть кто? — голос звучит снова, и тот, кто за дверью пытается повернуть ручку.

Дверь поддается.

Черт.

Знал же, что следовало запереть дверь.

Мелисса просовывает голову.

— Я не вовремя?

Я строго смотрю на неё поверх очков для чтения.

— Вроде как, да.

Она улыбается, извиняясь.

— Мне жаль.

И все же заходит в комнату, подходя к моему столу, в руке стопка бумаг.

— У меня лишь парочка вопросов о проверке работ.

Я вздыхаю и быстро сжимаю переносицу. На самом деле, я не могу отказать ей, ведь она мой ассистент.

— Ладно, что за вопросы?

— Вы в порядке? — спрашивает она, наклоня голову.

— Я в норме, — говорю ей. — Просто болит голова.

Просто хочу, чтоб ты ушла. Есть в Мелиссе что-то отталкивающее. Я просто не могу понять что именно. Возможно это из-за того, что она сказала мне держаться подальше от Наташи, а я не послушал. И, если мне повезёт снова увидеть Наташу, я собираюсь спросить ее, правда ли, что она попросила об этом Мелиссу. Что-то говорит мне, что нет, она этого не делала, не по тому, как она смотрела на меня в понедельник вечером.

Не поцеловать ее, было, безусловно, правильно.

И все же я ещё сожалею об этом.

— Что ж, — говорит она, присаживаясь на край моего стола, короткая юбка приподнимается, демонстрируя ноги. — Честно не знаю, что делать. Я никогда никому не ставила оценки. Не уверена, что такое хорошее эссе, а что такое плохое.

Я поднимаю бровь.

— Конечно же, вы знаете, что такое плохое эссе.

Она пожимает плечами.

Я объясняю:

— Смотрите, просто подумайте о своих эссе и оценках, которые вы за них получали. Выберите свою высшую оценку и работайте в обратном направлении. Если эти эссе не дотягивают, ставьте оценку ниже. Или, если вы заметили худшее эссе в куче, оцените его соответственно другим.

— Просто здесь так много власти, — она кладёт руку себе на грудь. — Если бы я захотела, то могла бы погубить жизни этих студентов. Полностью разрушить их.

Я хмуро смотрю на нее.

— Вы могли бы, но вы не будете. Они старшекурсники. Просто дети. К концу семестра вы получите лучшее представление о том, кто делает добро и кто в нем терпит неудачу, но сейчас вы должны указать им направление и дать надежду. Будьте как можно более конструктивной.

— Не думаете, я могла бы лучше оценить их работы, если бы лучше понимала, как мыслит ваш мозг?

Я саркастично улыбаюсь и стучу по голове.

— Поверьте мне, вы не захотите копаться в этом мозге.

— Вы будете удивлены, профессор Голубые глазки.

Все во мне замирает.

— Как вы меня назвали? — удастся спросить мне, мой голос твердый.

— Вы же помните прозвище, которое вам дала Наташа, разве нет? — спрашивает она, звуча так невинно.

Я пытаюсь что-то сказать, и чем дольше молчу, тем более самодовольной она выглядит.

— Это довольно неуместно, — говорю ей. — Пожалуйста, не называйте меня так.

— Приносит плохие воспоминания, да?

Вспышка гнева загорается в груди.

— Вы сами сказали забыть ее. А это вряд ли поможет.

Она проводит пальцем по моему столу.

— О, не думаю, что вы когда-нибудь забудете ее, профессор МакГрегор. Я знаю, как выглядит влюбленный человек.

— Мелисса, — резко говорю я, — если это все, что вы хотели обсудить со мной, боюсь, я вынужден попросить вас уйти.

— Так попросите меня уйти.

Я киваю на дверь.

— Вон чертова дверь. Используйте ее. И в следующий раз, когда вам понадобится настоящая помощь с чем-то, не забудьте придерживаться темы вопроса. Вы можете помочь мне в моем классе, но это все, что вы делаете — помогаете. Я здесь — учитель, и я отвечаю за ваши оценки и ваше будущее. Не забывайте об этом.

Она поднимает брови.

— Вы мне угрожаете?

Я качаю головой, челюсть сжата.

— Пожалуйста, если это все, просто уйдите. У меня много работы.

Она прищуривается, глядя на меня, и спрыгивает со стола.

— Отлично. Я последний раз прошу своего учителя о помощи.

Она собирает свои бумаги и, хлопнув дверью, выходит из кабинета.

Я с облегчением вздыхаю.

Чертов гребаный ад. Какого хрена сейчас было?

Когда она пришла в первый раз, я списал это на сверхзаботу о подруге. Теперь не знаю, что и думать. Она или ненавидит меня или хочет забраться мне под кожу... или совсем противоположное. И она хочет забраться мне под кожу, определенно.

Хотел бы я поговорить с Наташей об этом. Я не разговаривал с ней с момента нашего свидания, или встречи, черт знает, что это было. Я много раз пытался написать ей письмо, но все продолжал стирать гребаный текст. Я не знаю, что сказать, не знаю, как выразить то, что именно хочу от нее. Я и сам не до конца понимаю.

Но я знаю, что мне необходимо снова увидеть ее.

И скоро.

Я принимаю решение и просто начинаю писать.

Наташа,

Я тут подумал, когда ты хочешь прийти и посмотреть мою собаку?

В последнее время он ведет себя хорошо, и я хотел бы воспользоваться этим.

Мне подходит любой вечер на этой неделе.

Он бы предпочел увидеть тебя сегодня вечером, и меня сегодня тоже устраивает.

Бригс.

Я точно знаю, что наличие собаки помогает любому мужчине в делах с женщинами. Имею в виду, просто взгляните на Лаклана. Хорошо, это плохой пример, ублюдок мог заполучить любую женщину и без помощи собак, но все же. Возможно, я спасал Винтера совсем не с этой целью, но это не помешает мне использовать его таким образом.

Я жду ответа, раздумывая, на занятия ли она. Подумываю о том, чтобы поискать ее в системе и посмотреть ее расписание, но тут компьютер издает сигнал, когда приходит ответ.

Обеспокоенный ее быстрым ответом, я готовлюсь к тому, что меня ждет, пока кликаю на письмо. Внутри вполне может быть гигантское «отвали», кто знает.

Бригс,

Скажи своей собаке, что сегодняшний вечер звучит хорошо. Я с удовольствием заскочу

и поздороваюсь.

Может быть, после мы смогли бы посмотреть кино. У меня мозги кипят от всех этих учебных заданий и в кинотеатрах показывают новый фильм Тарантино, который, думаю, ты возненавидишь.

Наташа.

PS. Твоей собаке лучше бы оказаться такой же замечательной, как ты о нем рассказываешь.

У меня на лице самая большая гребаная улыбка. Я быстро ищу кинотеатры рядом с квартирой и говорю ей приехать между семью тридцатью и восемью. У меня будет достаточно времени, чтобы показать ей все, прежде чем мы отправимся смотреть кино.

И я понимаю, почему она предложила выйти куда-то. Ее приход в мою квартиру словно просит о неприятностях. Может этот тот тип неприятностей, которые я ищу, но все же в итоге это неприятности.

У меня голова идёт кругом, когда я еду домой, словно чертов влюблённый школьник. Мне приходится напомнить себе, что я не могу увлечься, не могу считать что-то само собой разумеющимся. Полагаю, я просто счастлив вернуть Наташу в свою жизнь, шанс услышать ее смех, почувствовать каждую частичку света, которую она излучает.

Выражение ее лица в понедельник вечером было не таким, как когда я впервые столкнулся с ней в коридорах. Страх и боль исчезли, и в ее глазах было тепло и определенная легкость, особенно ближе к ночи. Конечно, мы оба были наполовину пьяны, но даже в этом случае это означало только настоящую Наташу.

Последнее чего я хочу, это двигаться слишком быстро, напугать ее, или себя. Правда в том, что я на самом деле не знаю, что все это такое, кроме того факта, что у меня есть эта ненасытная потребность снова увидеть ее, быть с ней. Я уже так давно был не в состоянии смеяться, чувствовать радость, жить без чувства скорби. Такой образ жизни затягивает.

Я помню об этом, пока быстро прибираюсь в квартире, прежде чем взять Винтера на прогулку вокруг университета Риджентс. Когда я возвращаюсь, мое возбужденное состояние не исчезло. Винтер, похоже, улавливает мое настроение, бегая по гостиной, а я быстро залезаю в душ.

Закончив мыться, я ненадолго прерываюсь, смотря в зеркало на своё тело. Я могу быть старше, чем четыре года назад, но, по крайней мере, я не выгляжу так. На самом деле, я выгляжу лучше, чем прежде, спортзал окупается, на моем теле отчётливо видны мышцы. Кажется абсолютно безумным думать, что со всеми чувствами, что я испытываю к Наташе, всему, что мы пережили, она до сих пор не видела меня голым. Она вообще едва дотронулась до меня.

Конечно же, это было к лучшему, и я должен напоминать себе не заикливаться ни на этом, ни на том, что будущее полно возможностей. Насколько я знаю, быть настоящими платоническими друзьями может быть самым простым и самым умным делом.

Когда время приближается к семи тридцати, я, выпив уже около двух кружек чая, сижу на диване, пытаюсь работать над своей книгой на ноутбуке. Я безумно нервничаю, нога подёргивается, глаза постоянно бегают к двери и обратно.

В конечном счёте, я выглядываю из окна на улицу внизу. Винтер рядом делает то же самое. Мои глаза устремлены влево, туда, где она должна выйти со станции Бейкер-стрит.

Затем она появляется, в джинсах и куртке, и мне хочется, чтоб у меня был бинокль, чтобы я мог по-настоящему пошпионить за ней, и увидеть, что написано на ее лице, нервничает ли она или она счастлива. Это сделало бы меня чертовым профессором извращенцем, но я совершенно уверен, я не стал бы первым.

Звучит домофон, и я без единого слова впускаю ее. Жду, пока она постучит в дверь, и когда она это делает, я практически подпрыгиваю. Выжидаю пару мгновений, сжимая и разжимая кулаки, пытаюсь успокоиться, прежде чем открою ее.

— Привет, — бодро говорит она, глядя на меня.

Я ничего не могу с собой поделатать и минуту просто наслаждаюсь тем, что вижу ее. Ее вид творит со мной что-то неземное, создавая невесомость в груди.

— Привет, — говорю я, быстро сглатывая. Открываю дверь шире. — Добро пожаловать в мою скромную обитель.

Она ступает одной ногой, и тут Винтер несётся на неё словно пушистый белый паровоз.

— Винтер, сидеть! — указываю на него, чтобы приземлил свою задницу на пол.

Но Винтера это не волнует. Он бежит прямо к Наташе и начинает подпрыгивать рядом с ней.

— Винтер! — кричу я, хватая его за ошейник, но Наташа хихикает и приседает вниз, чтобы погладить его.

— Мне жаль, он это нечто, — пытаюсь объяснить я, закрывая за ней дверь.

— Он очарователен, — говорит она, пока он облизывает ее лицо.

Чертов счастливчик.

Я снова хватаю его за ошейник и оттаскиваю в сторону.

— Он у меня уже почти год и все ещё ведёт себя как щенок. Уверен, он вырастет, но не уверен, он перестанет вести себя, как болван.

Она улыбается, поднимаясь на ноги и вытирая лицо рукавом.

— Он красивый. Расскажи ещё раз, откуда он у тебя?

— Нашел его в канун Рождества. Кто-то оставил бедного маленького щенка в сарае, не знаю, кто. Был снегопад, и я отвел его в дом своего дедушки. Долго он там не протянул. И с тех пор он со мной.

Я отпускаю Винтера, и он тут же утыкается носом ей в промежность.

Я ухмыляюсь.

— Что ж, по крайней мере он знает, куда идти.

— Эй, — говори она, открывая рот, и шлепая меня по руке. — Оу, что с твоим бицепсом?

— Ничего, говорю ей, автоматически напрягая мышцы. — Давай проведу для тебя экскурсию?

Моя квартира очень милая. Не такая большая, как квартира брата в Эдинбурге — вот что ты получаешь от умелых инвестиций и денег от игры в регби, но для этой части Лондона она все же достаточно большая. Мне действительно повезло, учитывая, что я снимаю ее. И хотя сумма немного больше, чем я привык тратить, место начинает ощущаться как дом, и это говорит о многом. Последние пару лет я просто плыл по течению.

Я веду ее, указывая на паркет из клена и белые стены и карнизы, понимая, что, за исключением нескольких случайных женщин, которых я приводил сюда в пьяные ночи, я никому не показывал свою квартиру. Ни Лаклану, не родителям. Не то, чтобы они не намекали, что хотели бы зайти, просто я никогда не предлагал. Словно я боюсь позволить

им увидеть эту новую жизнь и полное отсутствие уверенности в ней.

Но теперь, когда Наташа медленно идет впереди меня, ее сапоги стучат по деревянному полу, я понимаю, что не боюсь. Я хочу поделиться этим с ней, жажду ее мнения, и нуждаюсь в том, чтобы она, тем или иным образом, была частью всего этого.

— Красиво, — говорит она с трепетом, когда мы возвращаемся в гостиную.

К сожалению, я недолго улыбаюсь ей, потому что Винтер выходит из моей спальни с одним моим ботинком в зубах.

— Оу, черт, черт побери, — ругаюсь я, тянусь к нему, но он отходит в сторону, машет хвостом и прыгает на диван. Когда я снова тянусь к нему, он, по крайней мере, бросает туфлю и снова отправляется в спальню. — Клянусь, иногда мне кажется, что причина, по которой его оставили, была в том, что некий цыган наложил на него какое-то проклятие пожирателя ботинок.

— Звучит словно в каком-то авторском кино.

— Это похоже на то, что снял бы Шайа Лабаф. — Я смотрю на часы, желая, чтобы у нас было больше времени. Честно говоря, я хочу провести вечер, разговаривая с ней, глядя на нее, а не сидеть в тишине в кино, особенно когда приходится терпеть это Тарантино в течение трех часов. — Полагаю, нам пора идти.

Она озорно ухмыляется, что только укрепляет тот факт, что мне жаль, что мы не можем просто остаться здесь. Искра в ее глазах заставляет мою кровь бежать быстрее.

— Мне нравится этот взгляд на твоём лице прямо сейчас, — говорит она.

— Какой взгляд?

Она подходит ближе и стучит пальцем мне по подбородку.

— Вот этот. Тот, который говорит, что ты готов к пыткам, которые ждут тебя сегодня вечером.

Фильм не будет единственной пыткой для меня, — думаю я. Меня так и тянет взять ее палец в рот и игриво прикусить. Даже лёгкое прикосновения кончика ее пальца к моей коже кажется горячим и убийственным.

Я хватаю кожаную куртку и предупреждающе смотрю на Винтера, прежде чем выпустить его из спальни и закрыть дверь. Затем мы с Наташей выходим из квартиры.

Мы идем бок о бок по Бейкер-стрит несколько кварталов до кинотеатра Everyman, и чтобы убить немного времени, заказываем напитки в баре, ожидая начала фильма.

— Чему ты улыбаешься? — спрашивает она, глядя на меня поверх своего напитка.

— Я улыбаюсь? — спрашиваю я, и я удивлён, понимая, что так и есть. Мы как раз говорили о том, насколько ужасна британская «Нетфликс». Довольно смешно, что что-то настолько безобидное могло настолько увлечь меня, что заставило внимать каждому ее слову, и, видимо, улыбаться, как идиот.

Я выпрямляюсь, напоминая себе, что стоит перестать вести себя как придурок. Как там Мелисса назвала меня? Влюблённый? Я не совсем согласен с этим, и воспоминание о сегодняшнем дне приносят горький привкус.

— Прости, — говорит Наташа, кладя руку поверх моей. — Я не хотела указывать тебе. Пожалуйста, продолжай улыбаться. Это делает меня счастливой.

Упоминание о ее счастье снимает напряжение.

Я отодвигаю Мелиссу на задний план.

Мы допиваем напитки и направляемся к барной стойке, вставая в очередь.

— Ты хочешь что и обычно? — спрашиваю ее.

Она улыбается.

— Конечно же.

Я беру для нас большое ведро попкорна и коробку шоколадных шариков Мальтесерс, и передаю все Наташе, которая торжественно открывает конфеты и бросает их в попкорн.

Качаю головой, издавая небольшой смешок. Выглядит не очень аппетитно, но по опыту я знаю, что раз попробовав, оторваться трудно.

— Тебе же нравится, — дразнит она меня.

— Да, — замечаю я, — хотя это совсем не помогает достигнутому в зале прогрессу.

— Оу? И с каких это пор ты стал профессором Тщеславие?

— С тех как обнаружил, как шикарно я выгляжу.

Она закатывает глаза, но втягивает губу между зубами, что заставляет меня думать, что она хотела бы увидеть доказательства собственными глазами.

На этой оптимистичной ноте мы отправляемся в переполненный зал. Нам удастся найти места рядом с проходом, и через несколько минут начинаются рекламные ролики и трейлеры. В кино есть нечто успокаивающее; Это место, где я действительно могу расслабиться и отдохнуть. Может быть, это темнота или запах попкорна, пролитая сода или ощущение толпы вокруг, но пока я могу отключить излишне аналитическую часть мозга, меня уносит на два часа, и я полностью не узнаваем.

Но сегодня, когда я рядом с ней, я не могу расслабиться. Не могу отключить свой мозг. Я даже не знаю, что происходит в фильме. Актеры на экране шевелят губами, выдавая какие-то мастерски составленные диалоги, но я их не слышу.

Мое внимание полностью, единолично приковано к ней. К Наташе. Сидящей рядом со мной в темноте, наши плечи соприкасаются, свет от проектора отражается сребристыми лучам на ее прекрасном лице. Это похоже на самое завораживающее световое шоу, меняющееся с кадрами в фильме. Я не могу отвести взгляд, и не хочу.

Она так же очарована этим фильмом, как я ей, смеясь над диалогами, съёживаясь от страха перед насилием, и я чувствую, как мое сердце раздувается внутри меня, словно красный воздушный шар, прижимаясь к грудной клетке. Судьба поставила ее на мой путь, шанс получить что-то правильное, что изначально было неправильно.

Но почему у меня такое зловещее ощущение обреченности, жужжащее в затылке?

Потому что ты этого не заслуживаешь, — говорю я себе. — *Не после всего того, что сделал.*

Я проглатываю стыд, отказываясь чувствовать его. Лишь раз, единственный раз, я хочу быть свободным от своих ошибок.

Я хочу быть свободным.

Мне необходимо быть храбрым.

Наташа поворачивает голову, чтобы взглянуть на меня, половина лица подсвечена экраном.

— Ты не смотришь фильм, — шепчет она.

Я наклоняюсь к ее шее, губы чуть ниже ее уха.

— Я лучше буду смотреть на тебя.

Я отстраняюсь не сразу, удерживая губу на месте близко к ее коже, вдыхая ее сладкий запах. Мысли проносятся у меня в голове, тяжёлые и непристойные, мысли, которые я не осмеливаюсь раскрывать.

Я хочу поцеловать тебя.

Облизать тебя.

Попробовать тебя на вкус.

Трахнуть.

Эта часть меня грязная и скрытная, но вполне реальная.

Словно услышав мои мысли, она застывает.

Я откидываюсь назад, чтобы посмотреть на неё, чувствуя, как мои брови сходятся вместе.

— Это было неуместно?

Она кивает глядя на экран.

— Да.

Несколько мгновений я смотрю на неё. Она не шутит. Она именно это и имеет в виду.

Воздушный шар в моей груди медленно сдувается. Самое смешное, что я не думал об этом, что только подтверждает то, насколько естественно я чувствую себя рядом с ней. Но она явно не ощущает то же самое.

Я сижу рядом с ней ещё минуту, неловкий и сконфуженный в темноте, смущение ползёт по мне, пока внезапно не поднимаюсь со своего места и не иду через проход в холл. Здесь тихо, оба экрана заняты, и я направляюсь в уборную, чтобы успокоиться.

Я плескаю немного холодной воды себе на лицо, а потом стираю ее, глядя на себя в зеркало. Мы оба изменились, и, несмотря на то, что есть ощущение, будто мы вернулись назад во времени, к тем же людям, которыми были, мы оба прошли через столько всего, что это просто невозможно.

Мы не можем вернуться к тому, что было.

Но мы можем идти вперёд.

Успокоившись, я иду в холл.

Наташа стоит там, крепко вцепившись в попкорн и вглядываясь в меня с таким беспокойством, что это чертовски очаровательно.

— Прости, — шепчет она.

— И ты меня, — говорю ей, подходя к ней так близко, что она вынуждена сделать шаг назад. — Прости за недопустимое поведение и за это тоже прости.

Я быстро наклоняюсь и целую ее. Ее мягкий крик удивления заглушается моими губами, прижатыми к ее губам в течение долгой, горячей минуты. Затем мой рот открывается, и язык скользит по ее.

Ведро попкорна падает рядом.

Мои легкие наполнены какой-то безрассудной, стремительной страстью.

Теперь я хватаю ее, рука опускается на ее затылок, на спину, притягивая ее ко мне, желая забраться глубже, поскольку языки пламени лижут мою кожу и мое желание становится более болезненным, чем когда-либо.

Не важно, что я в холле кинотеатра, на глазах у людей.

Мы могли быть хоть на Марсе, мне все равно, она все, что мне нужно, чтобы дышать.

Она тоже это чувствует. Я знаю это потому, как ее голова двигается с голодом, из-за крошечных, запыхавшихся звуков, которые она произносит, того, как ее тело ощущается рядом, дикое и напряженное и готовое взорваться.

Со вздохом она внезапно отстраняется, яркая, шипучая цепь между нами рвётся, оставляя меня пустым и ошеломленным.

— Я не могу это сделать, — мягко вскрикивает она. На лице отчётливо написана

паника.

Она пытается отстраниться, но я хватаю ее за руки, удерживая на месте.

— Не можешь сделать что? — требую я.

— Это! — голос срывается, глаза наполняются слезами и болью. — Целовать тебя, быть с тобой. Все это.

В груди все холодеет.

— Почему нет? — удаётся выдавать мне, хотя я знаю, что она ответит. Я точно знаю «почему нет?». Потому что это исходит из тех же тёмных мест, где чувство вины жужжит, словно рой пчёл.

— Потому что мы бесчестим мертвых! — всхлипывает она. — Разве ты этого не чувствуешь?

Я резко отпускаю ее и втягиваю воздух.

Она тяжело дышит и смотрит на меня так, словно знает, что сделала что-то неправильное.

Я едва могу говорить.

— Они были моей семьей, Наташа. Не думай, что я не думаю о них каждый день, что я не буду думать о них всю оставшуюся жизнь

— Прости меня, — шепчет она, качая головой, слеза падает на пол. Я едва осознаю, что другой зал пустеет, люди выходят из дверей. — Бригс, мне очень жаль. Я просто смотрю на тебя и...

— Ты думаешь, что я — ошибка, — резко говорю я.

— А ты нет? — она беспокойно озирается вокруг и закрывает глаза. — Я просто не знаю, что делать.

В горле нарастает раздражение. Я хочу быть терпеливым, хочу быть понимающим. Но если у нее больше проблем с нами, чем у меня, не уверен, что могу изменить ее мнение. Я даже не уверен, правильно ли это для меня, чувствовать себя так.

Но я ведь именно так себя и чувствую.

Она наклоняется, чтобы поднять рассыпанное ведро попкорна, но я дотягиваюсь до него первым, и подхожу к мусорке, выбрасывая его. Теперь в холле много народу, и люди идут между нами. Шанс на серьезный разговор потерян.

Но мы не можем оставить все вот так.

Я возвращаюсь к ней.

— Давай выбираться отсюда. Пойдём куда-нибудь и поговорим.

— Здесь не о чем разговаривать, — говорит она, практически умоляя. — Спасибо за кино, Бригс.

Она поворачивается и уходит. Я секунду стою там, ошарашенный, что она фактически собирается оставить все как есть. Затем бегу за ней, пробираясь сквозь толпу, пока не оказываюсь рядом с ней, на Бейкер-стрит.

— Что случилось? Что изменилось? — шиплю я ей на ухо, когда спешу рядом с ней. — В понедельник ты отлично себя чувствовала, нам обоим было хорошо, я чувствовал себя счастливее, чем когда-либо за последние годы!

Ее брови поднимаются.

— Что случилось?! Ты взял и *поцеловал* меня!

— И в чем разница?

Она останавливается и отходит, чтобы не мешать пешеходам. Моргает глядя на меня.

— Разница есть. Быть друзьями достаточно сложно, но нечто большее...

Я делаю шаг вперед, теперь нависая над ней.

— Ты когда-то любила меня. И я любил тебя.

— И посмотри, что сделала эта любовь! Она разрушила обе наши жизни!

Пульс стучит в горле, но я не могу отвернуться от нее. Часть меня хочет согласиться, соглашается, и все же это еще не вся история. Это жестоко, но все не так просто.

— Наташа, — тихо говорю я, и мои глаза блуждают по ее лицу, ища что-то, за что можно было бы зацепиться. Щёки покраснели, губа зажата между зубами. — Я не уверен, когда перестану чувствовать себя виноватым. Не уверен, когда ты перестанешь чувствовать себя виноватой. Но тот факт, что мы оба вышли из темной дыры, чтобы появиться здесь, — я развожу руками, — где мы сейчас, говорит, что мы способны отпустить. Способны двигаться дальше.

— И как мы можем двинуться дальше, если мы вернулись к тому, с чего начали?

— Потому что это не возвращение к началу, — говорю ей, нежно касаясь пальцами её подбородка. — Это не движение назад. Это движение вперед. Мы начинаем с начала. Теперь. С нуля.

Она закрывает глаза, делает глубокий вдох. Затем качает головой.

— Тебе легко говорить, Бригс, — грустно говорит она, отходя от меня, — когда я чувствую к тебе все то, что чувствовала раньше.

Господи, мое чертово сердце.

Она уходит.

— Пожалуйста, не уходи от меня, — кричу ей вслед, какой-то прохожий поворачивает голову, слушая, как боль разбивает мой голос.

Но она не поворачивает голову. Она не слушает. И на этот раз я знаю, снова бежать за ней будет бесполезно.

Может быть, все это вообще было бесполезно.

Я вздыхаю, проводя рукой по волосам. Затем поворачиваюсь и возвращаюсь в кинотеатр, чтобы досмотреть остальную часть фильма

Она была права о фильме.

Я ненавижу его.

Глава 12

Бригс

Эдинбург

Четыре года назад

Я схожу с ума. Просто слетаю с катушек.

Вот что любовь делает с вами. Ваше сердце становится настолько чертовски нуждающимся, что оно выкачивает энергию отовсюду, включая ваши собственные клетки мозга. Пульс бьется в мыслях о ней, вены горят от нужды и желания. Все в вас становится настолько сосредоточенным на одном человеке, что вы не находите себе места.

И вам наплевать. Потому что, как бы это ни было безумно, любовь — это тот момент,

когда вы действительно ощущаете, что значит быть живым. И ради этого вы смиритесь с чем угодно.

Я должен смириться с пустотой в груди, словно заполненной шершнями. Я чувствую себя совершенно опустошённым, потому что Наташа вернулась в Лондон, уже как две недели. Ощущаю себя полностью разрушенным, потому что я все еще женат, все еще потерянный в том, что, черт возьми, я должен делать то, что на самом деле правильно.

После того, как Наташа сказала мне в машине, что любит меня, оставляя меня с весом этого признания, я пытался решить, что же ей ответить. Я написал ей в ту ночь, спрашивая, все ли с ней в порядке, и она сказала, что все нормально. Вот и все.

Затем в понедельник она, как обычно, пришла в мой кабинет. Я пытался заговорить об этом, но она лишь подняла руку и сказала, что это не имеет значения.

Я хотел рассказать ей, что чувствую, что тоже люблю ее, что месяцами борюсь с этими чувствами. Хотел рассказать ей все.

Но я не могу. Не знаю, почему я так держусь за свою правду. Может быть, я защищаю себя, защищаю Хэймиша. Может, я не защищаю никого, и я просто трус. Последнее, определённо, правда. Столкнувшись со всем этим, я просто захотел убежать и спрятаться.

Хотел бы я не делать этого. Жаль, что я не мог повести себя как мужчина и сказать ей правду. И поскольку я этого не сделал, на прошлой неделе мы работали напряженно. Радость, веселье и смех исчезли. Наташа полностью окунулась в работу, сказав, что ей нужно сделать для меня столько, сколько она может, но могу сказать, что она просто искала отвлечение. Она открылась мне, и я не смог сделать то же самое.

Трус.

И в последний день, когда мы были вместе, в последний раз, когда я видел ее, она наклонилась вперед, нежно поцеловала меня в щеку и прошептала:

— Я все еще имею это в виду.

И я ничего не сказал.

Гребаный трус.

И вот я здесь, в своём кабинете в начале нового семестра, задаюсь вопросом, как она, пытаюсь одновременно составить план своего курса.

Сейчас пять часов. Я должен уже ехать домой, но я все больше и больше времени провожу в кабинете, как и раньше, только теперь я один. Единственная причина, по которой я возвращаюсь раньше, чтобы увидеть Хэймиша, но даже тогда я замечаю, что Миранда еще больше ревнует к тому, сколько времени я провожу с ним, что крайне нелепо.

Я не могу не вспоминать то, что Наташа сказала о своих родителях и о том, как ее детство было испорчено их борьбой. Я не хочу, чтобы Хэймиш рос с родителями, относящимися к нему, как к собственности, и даже не разговаривающими друг с другом. На прошлой неделе Миранда сказала, что хочет свою собственную спальню, и что он будет думать, когда вырастет? Мы не разговариваем, мы только воюем, и теперь мы спим в разных комнатах? Он поймет, что его семья непоправимо сломана изнутри.

Я громко выдыхаю и встаю, вытягивая руки над головой. Мой телефон издаёт сигнал.

Я беру его со стола и смотрю на него.

Это Наташа.

Я почти ничего не слышал от неё, лишь одно случайное письмо.

Тебе когда-нибудь было одиноко? говорится в сообщении.

Мое сердце замирает, пока я пишу ответ, **Всегда. Тебе сейчас одиноко?**

Да, я скучаю по тебе. Ты нужен мне.

Я тоже скучаю по тебе.

Я нужна тебе?

Да. Я смотрю не телефон, желая сказать больше. Но не делаю этого.

Ты когда-нибудь любил меня?

Черт. Черт, черт, черт. Я смотрю в потолок, ища ответы, но там лишь штукатурка.

Я не могу делать это по телефону, пишу ей:

Жду. Ответа нет.

Падаю на стул и смотрю на телефон.

Пожалуйста, ответь, пожалуйста, напиши мне.

Но она молчит.

В конце концов, я звоню ей. Звонок идёт напрямиком на голосовую почту, которую она никогда не проверяет.

Я снова пишу: **Где ты живёшь? Я приеду.**

В ответ она пишет свой лондонский адрес.

Я не соображаю. Совершенно неадекватен. Но ничто не останавливает меня, когда я смотрю расписание полетов в Лондон. Я нахожу дерьмовый рейс Ryanair за тридцать фунтов, который доставит меня в город не позднее девяти вечера. У меня не будет возможности вернуться до утра, но я все же успею на занятия во второй половине дня. Это просто означает, что я переночую в Лондоне.

Ты бронируешь отель, — говорю я себе.

Затем пишу Миранде, сообщая, что вернусь поздно ночью, зная, что она все равно ложится рано.

Она никогда не отвечает.

Я хватаю вещи и ухожу.

Это безумие, и я думаю об этом, даже когда самолет приземляется в аэропорту Станстед. Но, если я не разберусь сейчас со всем этим, с ней, это будет преследовать меня. Если я не решу все сейчас, я никогда не справлюсь с этим. Мне нужно понять и увидеть, что возможно. Мне нужно посмотреть вниз на эту дорогу, посмотреть, где она заканчивается, и принять решение.

Если бы только все было так легко.

Таксист высаживает меня перед скромным кирпичным зданием в Вулидже, над китайским магазином на вынос и маникюрным салоном. Я жму на ее звонок, ожидая, когда группа нетрезвых подростков пройдет мимо.

Она отвечает, голос дрожит.

— Бригс? — затем впускает меня.

Я врываюсь через дверь и поднимаюсь по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Весь полет сюда я старался быть спокойным и сдержанным, но как только услышал ее голос через домофон, каждая часть меня загорелась. Теперь я не могу добраться до нее достаточно быстро.

Стоит мне добрался до ее двери, как она распаивается, и Наташа стоит там, одетая в простое черное платье. Я никогда раньше не видел ее ноги, только в джинсах, и я смотрю на них, длинные, невероятно соблазнительные, прежде чем перевожу взгляд на ее лицо.

Лицо, от вида которого моя кожа воспламеняется.

Ее губы, полные и чувственные, заставляют мое сердце барабанить в груди.

И эти ее глаза, так сильно желающие меня, жаждущие дать мне так много, что я врываюсь в дверь и хватаю ее. Мой рот дикий на ее, непримиримый и жаждущий.

Пока я сжимаю ее лицо, она хватает меня за плечи и закрывает дверь. Мой язык танцует с ее, она прижимается ко мне. Я чувствую твердую эрекцию между нами, и мои руки скользят по шелку ее спины к попе, я хватаю ее и сжимаю, с каждой минутой чувствуя себя более диким.

Спотыкаясь, мы идем по незнакомому коридору, пока я не прислоняю ее спиной к стене. Мои губы опускаются на ее шею, облизывая, дегустируя. Ее вкус на моем языке лучше, чем я когда-либо представлял, и почти невозможно не проглотить ее целиком, пока она такая сладкая.

— Таша, — стону я ей в шею, рука скользит по груди, когда я прижимаюсь к ней, припечатывая ее к стене. — Я никогда не хотел тебя так сильно.

Я никогда *никого* не хотел так сильно.

Она испускает дрожащий вздох, хватая меня за шею, извиваясь от моих прикосновений. Я стягиваю вниз верх ее платья, беру сосок в рот и с силой всасываю.

— Черт, — хнычет она, дёргая меня за волосы. — Пожалуйста, не останавливайся. Пожалуйста, ещё.

Но ее настойчивые слова заставляют меня понять, что я должен остановиться. Сейчас или никогда.

Я не знаю, как, но мне удастся отойти. Я удивлен, что у меня есть хоть какая-то сила воли, потому что весь разум испарился. Вся кровь пульсирует в члене, и я возбужден от желания наконец получить ее, здесь и сейчас, любыми возможными способами.

Однако то, что осталось от моей морали, пробивается сквозь силу этой нужды.

— Наташа, — говорю я, мой хриплый голос. Я продолжаю прижиматься к ней, откидывая волосы с лица, пристально глядя на нее. Ее рот, припухший и влажный, глаза застеклены похотью, когда она смотрит на меня. — Я люблю тебя.

Она словно тает у меня на глазах.

— Ты любишь меня? — спрашивает она с нежностью в глазах. — Правда?

Я киваю и прижимаюсь лбом к ее, закрывая глаза пока дышу.

— Да. Уже некоторое время. Даже до того, как ты призналась мне.

— Тогда почему ты не говорил мне? — шепчет она.

— Потому что я трус. И я в тупике. Я не знаю, как поступить правильно.

— Любовь это правильно, разве нет?

Я вздыхаю и отстраняюсь, удерживая ее лицо в руках.

— Я не был уверен. Но думаю, теперь знаю. Я собираюсь попросить Миранду о разводе. Ее глаза расширяются.

— Правда?

Я тяжело сглатываю.

— Да. Думаю, это ранит ее. По крайней мере, ее гордость. Но я должен рассказать ей правду.

— Не говори ей обо мне, — говорит она с паникой в глазах.

— План не в этом, — говорю ей. — Правда в том, что я больше не люблю ее. Не уверен, что вообще любил когда-то. Я что угодно сделаю для Хэймиша, но быть с ней — это не ответ.

Она несколько минут изучает меня, разглядывает каждый дюйм моего лица, а затем

улыбается.

— Ты любишь меня, — тихо говорит она, возможно, в конце концов, веря в это.

— Я люблю тебя, — шепчу я, проводя пальцем по ее красивым губам. — Ты что-то сделала со мной, разбудила сердце в моей душе. Ты, моя девочка, полностью очаровала меня и я бессилён перед тобой. Ты с самого начала заморозила меня.

— Поцелуй меня ещё раз, — говорит она.

Я мягко прижимаюсь губами к ее губам и отстраняюсь. Делаю глубокий вдох.

— Пока я не скажу Миранде, я не могу...

— Я знаю, — кончики ее пальцев скользят по моей скуле. — Я могу подождать. Я сделаю все для тебя. Ты же знаешь, да?

Я криво улыбаюсь ей.

— О, действительно, — говорю я, касаясь кончика ее носа. — Не могла бы ты подсказать, где я мне сегодня спать? Мне нужно рано вставать, чтобы успеть на утренний рейс.

— Спи здесь, — говорит она. Я поднимаю бровь, и она продолжает. — На диване. У меня нет соседки. Никто не будет докучать тебе.

— А что если я хочу, чтоб ты докучала мне?

— Это легко устроить, — говорит она, пробегаясь пальцами по моему лицу. — Ты же знаешь, какой я бываю надоедливой.

— Едва ли, — говорю ей.

Но еще рано. Честно говоря, не думаю, что вообще смогу спать сегодня. Я парю в облаках. Я безумно люблю девушку передо мной, и уснуть, значит лишиться вида ее лица, ее слов, прикосновений.

Так что мы идем на крошечную кухню, чтобы приготовить чай, а затем садимся на диван. Мы не ложимся до трех утра, просто говорим обо всем на свете, моя рука вокруг неё, пока она расслабленно прижимается ко мне.

Быть с ней так же просто, как раньше, словно мы созданы друг для друга, но теперь мы на другом уровне. И так ощущается абсолютно правильно, настолько, что я даже не могу описать. Мы обсуждаем надежды, мечты, будущее, и хотя все ещё неопределённо, она здесь со мной, и я держу ее.

И теперь не отпущу.

Затем она неожиданно засыпает в моих руках. Я поднимаю ее и осторожно отношу в кровать. Несколько мгновений я наблюдаю за ней, в груди разливается тепло от этого вида, а затем направляюсь в гостиную, чтобы урвать несколько часов сна.

Будильник на моем телефоне звонит в семь, но Наташа все ещё спит, так что я быстро прыгаю в душ. Мой рейс в половину одиннадцатого и я сразу же из аэропорта отправлюсь в университет.

Я надеваю ту же одежду, что и вчера и начинаю думать о том, когда сказать Миранде. Мне понадобится несколько дней, чтобы набраться храбрости, но это необходимо сделать. Расплата будет страшной, но ради Наташи я с удовольствием пройду через этот огонь.

— Ты уходишь, — слышу я сонный голос Наташи, когда допиваю чашку растворимого кофе на кухне. Я поднимаю глаза, чтобы увидеть, как она прислонилась к дверной раме, одетая в большую футболку и ничего больше.

Я встаю, ставлю чашку в раковину и подхожу к ней, обнимая ее маленькую крошечную талию.

— У меня скоро рейс, — бормочу я, прежде чем деликатно целую в губы.

Она обнимает меня, крепко удерживая в объятиях.

— Что, если это все? — шепчет она мне в шею.

Я качаю головой, вдыхая ее аромат.

— Это не так. Это только начало. Нас. Нашей новой совместной жизни. Она не будет лёгкой, но мы будем вместе.

— Но столько всего может случиться...

Я отстраняюсь и отвожу волосы с ее лица.

— Таша. Пожалуйста, — целую ее в лоб, — мы будем вместе, обещаю.

Я иду к двери, рука на ручке.

— Я напишу тебе, когда приземлюсь, хорошо?

Она кивает, кусая губы.

— Все будет хорошо, — говорю ей.

Открываю дверь.

И там стоит девушка, готовая постучать.

Я шокировано отпрыгиваю назад.

— Мелисса, — тихо вскрикивает Наташа.

Девушка, темные волосы, широкий лоб и одетая в спортивную одежду, подняв брови, смотрит то на меня, то на неё.

— Извини... Наташа, думала, мы собираемся побегать утром

— Ой, точно, — говорит Наташа. — Я, э-э-э, я сейчас.

— Я как раз ухожу, — говорю я девушке, надеясь, что у Наташи не будет никаких неприятностей из-за этого. Мелисса смотрит на меня недоверчиво, хотя и с небольшим отвращением на лице.

Я прохожу мимо нее и вниз по лестнице как раз вовремя, чтобы услышать, как Мелисса возмущается:

— Кто это, черт возьми, был?

Мужчина, которого она любит, — думаю про себя. — И мужчина, который любит ее.

Я останавливаю такси и еду в аэропорт, обратно к жизни, которая вот-вот изменится навсегда.

Глава 13

Наташа

Лондон

Наши дни

Я никогда в своей жизни не ходила так быстро, и это нелегкий подвиг, когда зрение размыто от слез, а грудь горит от отчаянной потребности кричать. Но если я не буду идти на станцию Бейкер-стрит, так, словно от этого зависит моя жизнь, Бригс может догнать меня. И если Бригс снова догонит меня, я знаю, что буду бессильна в его объятиях.

Я уже сожалею об этом, сожалею обо всем. Слова, что я сказала... набросилась на него, словно лишь одна я несла бремя вины, словно я единственная, кто что-то потерял. Я

пыталась причинить ему боль, и даже не знаю зачем, когда он уже прошел через такое количество боли.

Когда он поцеловал меня, я ощутила себя так, словно вернулась назад в то время, когда любила его. От этого у меня перехватило дыхание. И я испытала чертов страх. Страх, что снова упаду. Страх, что через несколько секунд после сближения чудовищность нашего прошлого разлучит нас.

Предполагаю, именно это и произошло. Только я сделала это своими руками, а не его, и судьба была ни при чем. Я наконец-то контролирую ситуацию.

Хотела бы я, чтоб было по-другому. Я не всегда двигаюсь в правильном направлении.

Я сажусь в поезд и, когда двери закрываются, вздыхаю с облегчением, зная, что Бригс не вошел за мной. Здесь довольно пусто, и даже при том, что в голове бардак, и мое тело истощено, я не могу не смотреть на пару в нескольких сиденьях от меня напротив.

Девушка невысокого роста с голубыми волосами, стрижкой как у эльфа и кольцом в носу сидит у него на коленях. Он выглядит как типичный спортсмен, которого можно увидеть в Америке, загорелый с большими мускулами, падкий на рубашки-поло, только я готова поспорить, что он капитан команды по крикету или чему-то в этом роде.

Мои глаза обращены на них не только из-за того, насколько они разные, словно если бы они были снова в старшей школе, они определенно не встречались бы, но и из-за того, насколько непринужденно они общаются друг с другом. Они даже не разговаривают и не целуются. Они просто смотрят друг на друга, улыбаясь глазами, окутанные в собственный прекрасный мир.

Сердце болит так сильно, что практически горит.

Я хочу подобного.

Мне это необходимо.

И у меня могло бы быть такое.

Уже дважды.

Счастливая парочка выходит из поезда на моей остановке, поэтому я всю дорогу вынуждена смотреть на них с ревностью и восхищением. Мой разум продолжает возвращаться к взгляду на лице Бригса, когда я сказала ему, что мы бесчестим мертвых. Как будто я ударила его так сильно, как только могла.

И все же он все еще стоял там, желая, чтобы мы двинулись дальше, чтобы получили еще один шанс. После всего, что я сказала, и всего того, через что мы прошли, он хотел, чтобы мы начали все сначала.

Можем ли мы сделать это? Можем ли мы действительно оставить все позади и начать с нуля? Забыть старую любовь и построить новую?

Я хочу в это верить, правда, хочу.

Слишком многое поставлено на карту.

В конце концов, дело не только в вине за смерть Миранды и Хэймиша. Дело в том, что после этого я никогда не видела Бригса. Когда мое сердце разбилось, как стекло, пока я горела от стыда.

Он разбил меня на части.

И именно это легко может случиться снова. Нет никакой гарантии, что этого не произойдет. Бригс может так же легко запаниковать, как только что поступила я. И если все станет серьезно, что произойдет, когда мы встретим его семью? Если он познакомится с моей? Сможем ли мы когда-нибудь рассказать им, как мы впервые встретились?

Другая причина в том, что у нас нет иного выбора, кроме как стать чем-то серьезным. Возможно, мы начинаем с начала, но в тот момент, когда мы окажемся в кровати, мы станем всем. Я знаю его. Знаю себя. Никаких медленных детских шагов.

Просто не уверена, что готова ко *всему этому*.

И не уверена, что смогу жить ни с чем.

Я возвращаюсь в квартиру, и Мелисса, как обычно, ждет меня. Она словно перестала ходить на свидания или спать в тот момент, когда я начала ходить на эти встречи, и она теперь болтается дома, ожидая меня. Как моя мать. Конечно, она думает, что я выхожу с выдуманным «Брэдли» из программы по истории искусств и, прежде чем я ушла сегодня вечером, она возлагала на меня большие надежды.

Но когда она видит мое лицо, голодный до подробностей взгляд пропадает. Она подходит ко мне, воркуя:

— Что случилось?

Мне нужно придумать оправдание, но я чувствую, что больше у меня их не осталось.

— Он продинамил меня, — говорю я, заходя в свою спальню, прыгая на кровать и снимая сапоги.

— Что? — Воскликает она. — Почему ты сразу же не вернулась домой?

— Я действительно хотела посмотреть фильм, — говорю ей, чувствуя себя плохо из-за того, что лгу. — Я привыкла ходить туда одна.

— Может он пошёл не в тот кинотеатр. Или, — она щёлкает пальцами, — может это ты напутала.

Я качаю головой.

— Нет. Я позвонила ему, и он сказал, что забыл, что занят и перезвонит мне. На заднем плане было слышно, как хихикает девушка. Он так и не перезвонил, — я вдобавок пожимаю плечами, не делая из этого большое событие. — Все нормально. Зато я вышла из дома.

— Но ты выглядишь такой расстроенной, — говорит она. — Твоя тушь размазана. Я не видела тебя такой... ну с тех пор, как он, тот, которого нельзя называть...

Профессор Голубые Глазки.

Измученное лицо Бригса всплывает передо мной, и я быстро закрываю глаза, словно это поможет ему уйти. Он сияет в моем сознании сильнее, чем когда-либо.

— Я просто... — цепляюсь за правильные слова, слова, которые не являются ложью. — Обескуражена. И разочарована.

— Да, я понимаю, — медленно говорит она. — Должна сказать, Таша, приятно видеть, как ты страдаешь.

Я поднимаю брови.

— Ты серьезно?

Она ухмыляется в ответ.

— Я просто говорю, с тех пор, как ты вернулась в Лондон, последние несколько месяцев ты была чертовым роботом. Я понимаю, что ты пытаешься укрепить баррикады и двигаться дальше, но время от времени тебе нужно испытывать хоть какие-то эмоции, даже плохие. Они не делают тебя слабой.

Черт возьми, она на самом деле милая и, по-видимому, говорит искренне. Я тронута.

— В любом случае, — говорит она, — я оставляю тебя. Но если тебе когда-нибудь захочется поговорить, я здесь. Просто рада, что ты выходишь из дома и не позволяешь прошлому определять тебя. Ты лучше, чем это.

Но когда этой ночью я засыпаю, то знаю, что это ложь. Я точно могу быть лучше того человека, который сегодня вечером отправился в кино с Бригсом и напал на него в тот момент, когда он подошел слишком близко, тогда, когда я безумно испугалась.

Завтра мне необходимо найти способ исправить положение, даже если это причиняет мне боль.

***

На следующий день я набираюсь смелости пойти в кабинет Бригса. Я не получила письма от него о вчерашнем, и не хотела сама писать ему по электронной почте, потому что то, что я должна сказать, нельзя сделать таким способом. Слишком бездушно, слишком холодно, чтобы сказать, что я хочу его так же, как он хочет меня. Я хочу попробовать еще раз.

Но лишь потому, что я приняла решение, не значит, что я не безумно напугана. Как и на прошлой неделе, за неделю до этого, я практически заставляю себя пойти на его этаж и, когда снова обнаруживаю, что дверь в его кабинет закрыта, я знаю, что у меня есть последний шанс повернуться и сбежать, игнорируя все это к черту.

Но я знаю, что не могу больше дурачить себя. Я не могу больше игнорировать происходящее.

До того, как растеряю все смелость, я быстро стучу в дверь. Мой стук простой, не похож на тот глуповатый, который я привыкла использовать в старые времена.

Тем не менее, я не слышу ответа. Никакого движения.

Может, его там даже нет.

Стучу снова.

Тишина.

— Бригс? — я говорю достаточно громко, чтобы он услышал меня, зная, что, если он вообще не хочет меня видеть, я предлагаю ему легкий путь. Пришло время мне хоть как-то облегчить ему жизнь.

Но при звуке моего голоса я слышу, как кресло скользит назад. Шаги.

Дверь открывается, Бригс смотрит на меня по ту сторону двери.

— Привет, — говорю ему. — Я не вовремя?

Он качает головой, ничего не говорит и открывает дверь. Входя, я бросаю быстрый взгляд на его лицо. Выражение настороженное. Не виню его в этом.

Секунду он колеблется, рука на дверной ручке, думает, что я могла бы захотеть, чтобы он оставил ее открытой.

— Можешь закрыть ее, — говорю я.

Слегка пожав плечами, он закрывает дверь и медленно подходит к своему столу. Садится в кресло, руки собирают документы, словно он готов вернуться к работе.

— Ты надумала стать моим ассистентом? — сухо говорит он.

— Не совсем, — говорю ему, подходя к другой стороне стола. Делаю глубокий вдох. — Я пришла сюда, чтобы извиниться.

Он смотрит на меня.

— Кажется, в последнее время мы только этим занимаемся.

Я сглатываю, кивая.

— Да. Так и есть. И думаю, мы должны остановиться.

Он хмурится и откидывается в кресле, изучая меня, скрестив руки на талии.

— Хорошо, — говорит он. — Это все?

О, боже, пожалуйста, не будь таким.

Я протираю губы, чувствуя отчаяние.

— Нет, это еще не все, — говорю я ему, и мой голос кажется таким тихим и кротким. —

Я... — закрываю глаза. — Черт. Я не могу.

Внезапно слышу, как его кресло отъезжает, мои глаза распахиваются. Он передо мной, хватая мое предплечье, пальцы плавают кожу.

— Если ты еще раз скажешь, что *не можешь*, — предупреждает он меня низким, резким и полным ярости голосом. — Думаешь, ты имеешь право приходить сюда и дразнить меня, но...

Я отхожу от края стола, не разрывая зрительный контакт.

— Я не дразню тебя.

Наши лица всего в нескольких дюймах друг от друга. Я вдыхаю его аромат. Взгляд падает на его губы, напряженную челюсть. Напряжение между нами тяжелеет, а мой затылок становится влажным от пота.

— Поцелуй меня, — шепчу ему, мои губы еле двигаются, и слова звучат как последний вздох.

Напряжение натягивается, завязываясь в узлы. Или, может быть, это мой живот переворачивается, когда мои слова, кажется, повисают между нами, им некуда идти.

— Пожалуйста, — добавляю я. Смотрю на него сквозь ресницы и вижу, как теперь на его лице смесь страсти и неверия. Он думает, что я шучу. Не думаю, что когда-либо была более серьезна.

— Отлично, — говорю ему. *Я сделаю это.*

Я кладу руку ему на шею и притягиваю к себе. Целую нежно, неуверенно, опасаясь, что он может отступить, своего рода наказание для меня.

Но он издает слабый стон и придвигается ближе.

Его руки исчезают в моих волосах, удерживая голову на месте, а наши рты скользят друг к другу в мокром, горячем танце. Который что-то зажигает в моей груди, превращая угли в огонь, жажду в желание. Этот поцелуй доходит до кончиков моих пальцев и делает все, чтобы я не смогла чувствовать землю.

Но он прижимается ко мне еще сильнее, и я чувствую, как край стола врезается в попу, давление его твердой груди против моей, очертания его твердого члена впивающегося мне в бедра.

Это будет не просто поцелуй.

Может быть, никогда и не был.

Бригс отрывается, держа мое лицо в руках, тяжело дыша. Его глаза затуманены, горячие, чувственнее, как будто он уже трахает меня ими.

Нет, это не просто поцелуй.

— Ты уверена? — умудряется произнести он, голос покрыт той хрипlostью, которая заставляет волосы на моих руках встать, а местечко между ног наполниться теплом.

«Да» застрекает у меня в горле, и я могу лишь кивнуть.

Пожалуйста, прикоснись ко мне. Дотронься до меня везде.

Мое тело тянется к нему, желая большего.

Он дает мне полуулыбку, которая больше похожа на оскал.

— Ты даже не представляешь, как долго я этого ждал.

— О, думаю, представляю, — ухитряюсь произнести я, когда его губы скользят по моему подбородку, покусывая его, затем он опускается к шее, оставляя горячий след губ, языка и зубов.

Из моих легких вырывается вздох, когда мое тело начинает увеличивать адреналин, что сильно ударяет в меня, сердце стучит как барабан, пульс зашкаливает. Я крепче сжимаю его затылок, призывая сильнее прижаться ко мне, желая ощутить твердость, мужественность его тела.

Его рот возвращается к моему, губы мягкие и сильные, и я таю, растворяясь под его языком. Действия такие же откровенные, как и секс, и я чувствую себя открытой и обнаженной только от теплоты нашего поцелуя, вальяжного, проникновенного способа, которым он исследует мой рот. Он словно пожирает, завоевывает меня, и я рада покориться.

— Наташа, — говорит он, наши рты на мгновение разъединяются, мое имя тихо срывается с его губ. Теперь его руки, скользят по коже, опускаясь к моей рубашке. Они ощущаются крайне теплыми и властными, скользя по моей талии и животу, медленно пробираясь к груди.

Я помогаю ему, хватая подол рубашки и подтягивая ее вверх и над головой, пока он обеими руками крепко хватая меня за попу и поднимает на край стола.

Двигаясь как человек лишь с одним инстинктом — трахаться — он разводит мои ноги и прижимается бедрами между ними. Опускает голову к моей груди, целуя ее, пока быстро добираться до спины и ловко расстегивает лифчик, отбрасывая его на пол рядом с нами.

Мои соски напрягаются, умоляя, чтоб их потрогали. Он сжимает одну грудь, и прижимается к ней ртом, медленно водит языком по кругу, снова и снова, прежде чем жестко щелкнуть.

Я стону, голова откинута назад, пока его язык продолжает щелкать по соску, твердый и быстрый. Это приводит к тому, что каждый нерв завязывается в узел. Мне даже не нужно угадывать, мокрая ли я, я это знаю, и с каждой минутой я становлюсь все более возбужденной и отчаянной. Спина выгибается, и я подталкиваю грудь к нему, умоляя о большем.

У меня нет времени в моем туманном мозгу думать о том, что это Бригс.

Но это Бригс.

Это его зубы сейчас царапают мои соски, заставляя меня вскрикивать.

Его руки скользят вниз к моим джинсам и расстегивают их.

Это его член прижимается ко мне, натягивая ткань брюк.

Похоть ударяет меня словно пощёчина. Я не хочу ничего, кроме как кончить. Хочу, чтоб он заставил меня кончить, хочу снять его одежду, свою одежду, и чтоб он безрассудно трахнул меня на своём столе, пока я не закричу его имя.

Если он захочет отшлепать меня линейкой, я не стану жаловаться.

Боже мой, я так давно не занималась сексом.

— Ложись, — бормочет он, отталкивая бумаги, а потом кладёт руку мне на грудь и настаивает.

Я откидываюсь назад, жесткий край стола врезается в лопатки, а он стаскивает мои джинсы и трусики с бедер.

С облегчением я понимаю, что на этот раз я не надела Спанч Боба но, взглянув на Бригса, как он смотрит на меня, эротичный взгляд его глаз на мою киску, я не думаю, что он

даже заметил бы.

— Боже, ты прекрасна, — бормочет он, — лучше, чем я себе представлял. — Он скользит рукой между моих ног, обводя пальцами клитор, прежде чем медленно войти в меня одним пальцем. И наклоняется вперед, глядя на меня, пьяный от похоти. — И очень, очень влажная.

Его глаза лишают сил. Не думаю, чтобы когда-то раньше кто-то смотрел на меня вот так. Почти слишком интимно. Я закрываю глаза и стараюсь контролировать свое дыхание, когда он медленно толкает в меня другой палец. Я задыхаюсь, сжимаясь вокруг него, в то время как подушечкой большого пальца он потирает мой клитор.

Чертово блаженство.

— Ты собираешься раздеваться? — затаив дыхание, спрашиваю я, глядя на него вверх.

— Когда я засуну в тебя свой член и трахну на этом столе, да, — говорит он хриплым голосом. — А сейчас я хочу попробовать тебя.

Он толкает третий палец внутрь и медленно вытаскивает их, проводя по своим губам.

Я тяжело сглатываю, шокированная его бесстыдством.

— Опять же, — медленно говорит он, когда его глаза впиваются в меня. — Лучше, чем я думал.

Затем он встает на колени, и его голова оказывается между моих ног, а я наполовину лежу на столе. Он широко разводит мои ноги, прежде чем впиться руками мне в бедра, удерживая на месте.

Я не готова к этому, к нему, опустившемуся передо мной. Я ежедневно фантазировала об этом, но никогда и представить не могла, что это случится со мной совершенно обнаженной на его столе в его кабинете, когда он полностью одет и его голова между моих ног.

Я стараюсь сидеть и смотреть, полностью очарованная и возбужденная этим зрелищем, но когда его язык лениво скользит по моему клитору, и меня пронзает, словно от удара током, я вынуждена лечь обратно. Чувство слишком велико, я чувствую себя губкой, пытающейся впитать звезды, молнии и все красивое, и это слишком ошеломляюще для этого мира.

И Бригс неумолим.

Имею в виду, господи боже, этот мужчина умеет работать ртом. Он поедает меня с грубой настойчивостью, губами, языком, а иногда и эти длинные пальцы работают надо мной в диком безумии.

Я не могу думать.

Не могу дышать.

Я чувствую, лишь как кипит моя кровь, нервы завязываются в узлы, все натягиваясь и натягиваясь, пока он не начинает стонать в меня, и тогда я впиваюсь ногтями ему в голову, и его язык толкает меня через край.

Я такая нуждающаяся, настолько отчаянная, что, когда он прижимает свой чертов нос к моему клитору, все узлы сразу же развязываются.

Мое тело, словно хлопушка с конфетти.

Я взрываюсь в пространстве, стону, извиваясь на его столе, когда оргазм вырывается из меня, чувствуя, как яркие частички меня плывут по небу.

Но облегчение недолговечно.

Пока я восстанавливаю дыхание, ноги все еще вялые, я смотрю вверх, он стоит между

моих ног и снимает рубашку.

Расстегивает ремень.

Снимает брюки.

И остается лишь в серых боксерах.

Проклятье.

Черт.

С таким же успехом он мог бы быть голым.

Я могу видеть каждую жесткую, твердую деталь его возбужденного члена.

Он сказал, я лучше, чем он представлял?

Он в миллион раз *больше*, чем я представляла.

И я представляла, что его член примерно обычных размеров.

Я с трудом сглатываю, пораженная тем, как быстро, в считанные секунды, я перешла от усталого и насыщенного состояния, к голодному и, ну, немного испуганному.

Уже слишком поздно менять его прозвище на — Профессор Жеребец?

Каким-то образом мне удается отвести взгляд от его боксеров и посмотреть на его тело. Он подтянутый и мускулистый, от широких плеч и груди до четко очерченного пресса и резкой V его бедер. Волоски на груди редуют, а затем снова превращаются в полоску, ведущую от пупка к паху.

Он такой мужественный, и его поза подсказывает, что он чувствует себя комфортно с собственным телом. Однажды, когда я была пьяна, то дразнила его, гадая, как он выглядит внизу. И я нисколько не разочарована. Я хочу пробежаться губами, пальцами и грудью вдоль каждого дюйма его худого, заработанного тяжелым трудом, тела. Хочу почувствовать, как он, мокрый от пота, прижимается к моему.

— Ты так и будешь просто стоять там? — говорю ему, чувствуя себя слегка уязвимой, я ведь все ещё обнажена, лежу, раздвинув ноги и *ожидая*.

Он посылает мне уверенную улыбку и снимает боксеры, позволяя члену, твёрдому и толстому, встать перед ним.

Черт. Теперь он вынуждает меня испытывать эту неотложную, изнурительную нужду. Мне необходимо все — жёстко, быстро и прямо *сейчас*.

Он встает между моих ног, темный, влажный кончик члена потирает мой чувствительный клитор, когда он наклоняется в сторону и открывает ящик. Быстро копается и вытаскивает презерватив.

Я вопросительно смотрю на него.

— У тебя в кабинете есть презервативы?

— Теперь есть, — говорит он, разрывая пакет с фольгой. — Они постоянно раздают их. Дешевле, чем покупать свои.

Я качаю головой.

— Профессор МакГрегор, я в шоке.

— Тогда вас легко шокировать, мисс Трюдо. Давайте, это исправим.

Мне нравится, очень нравится то, насколько нормальным это ощущается: поддразнивание, нахождение полностью обнаженными друг с другом, озорные ухмылки и намеки.

Но, когда он надевает презерватив на кончик члена, медленно скользя вниз (и я становлюсь все более и более нетерпеливой) что-то в его глазах меняется. Улыбка исчезает. Глаза напрягаются. Помните, я сказала, что его глаза просто кричат о сексе? Ну, теперь они

орут, *черт возьми*, как будто он собирается полностью опустошить каждый дюйм меня, пока я не стану умолять его остановиться.

И это нечто большее. Что-то темное и глубокое, как будто он хочет не только мое тело, но и мою душу. Я могу почувствовать это в его взгляде, в том, как он продолжает тщательно вглядываться в меня, пытаюсь найти что-то, что удовлетворит его.

— Сядь, — бормочет он, обнимая меня за талию и поднимая. Я оборачиваю ноги вокруг него, кладу руки ему на шею, уже мокрую от пота. Наши лица в дюйме друг от друга, но он не целует меня. Он трахает меня глазами, глядя на мои губы так, словно думает обо всех вещах, которые мог бы сделать мой рот.

Я хочу показать ему.

Приближаю лицо к нему, беру зубами его нижнюю губу и нежно посасываю.

Я чувствую, как в его груди возникает гулкий стон, как будто он едва удерживает свою похоть, словно миллион лошадей скачут у ворот, ожидая, когда их развяжут.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я пытаюсь набраться терпения, — хрипло шепчет он, целуя меня в уголок рта. — Я не могу действовать слишком быстро. Мне нужно смаковать, — целует мою челюсть, — каждую, — целует меня в шею, — часть тебя.

— Можешь смаковать позже, — говорю ему, словно внезапный всплеск адреналина пронесется сквозь меня. Я хватаю его за шею, желая, чтобы он жёстко поцеловал меня. Его член — горячее, жесткое давление, протирающее мой клитор, и я отчаянно, так отчаянно жажду, чтоб он вошел в меня.

Его рот продолжает скользить вдоль моей ключицы, прикусывая и облизывая, и мои ноги притягивают его ближе. Я хнычу, его губы опускаются к моим соскам, чрезвычайно опухшим и чувствительным.

— Пожалуйста, — умоляю я, голос грубый. — Ты нужен мне внутри.

Он поднимает голову, его глаза дикие от этой туманной, тяжелой похоти.

— Всегда мечтал, чтобы ты сказала это, — говорит он. Тянется вниз, позиционируя свой член напротив меня. Его взгляд удерживает мой, и я не могу отвести взгляд, когда он медленно толкается в меня.

Я растягиваюсь вокруг него, дыхание застревает в горле.

— Ох, черт, — выдыхает Бригс мне в шею, руки опускаются на мою талию и он входит в меня глубже. — Бл*дь. *Наташа*.

Мое имя никогда не звучало так хорошо.

Между тем, мое тело все еще приспособляется к его размеру, чувствуя себя абсолютно растянутым и полным. Слава богу, я мокрая.

Он отстраняется — так чертовски неторопливо, словно пытается почувствовать каждый сантиметр — и я становлюсь ненасытной.

Я безумна.

Словно животное.

Мне нужно больше.

Я требую больше.

Мои руки двигаются к его плечам, и я впиваюсь ему в кожу, желая всего его.

Когда Бригс возвращается обратно, я расширяюсь вокруг него, принимая его, как будто он всегда принадлежал мне, как будто он всегда был дома. Связь между нами напряженная и пугающая, а близость почти слишком огромна для моего сердца, чтобы постичь. Наши глаза

танцуют друг с другом, глядя сквозь опущенные ресницы, сквозь пот и дымку, вглядываясь и затем переходя к другим частям. Он набрасывается на мой рот, словно это стакан воды, и похоть в его взгляде освобождает миллион струн внутри меня.

Он снова шепчет мое имя, голос скользит по мне, как шероховатый шелк, и я очарована его капитуляцией, его удовольствием, потерянным в жарком, рваном дыхании на моей коже и грубом ворчании рядом с моим ухом.

Не могу поверить, что это происходит.

Бригс МакГрегор.

Внутри меня.

Я на его столе.

И меня трахает мужчина, о котором я могла только мечтать.

Как мы прошли путь от того, кем были тогда, к тому, что мы сейчас... к этому.

Этому.

Этому.

Этому.

Это чувство не похоже на все то, что я чувствовала раньше. Это словно держать огонь, звезды и электричество в горящих руках. Это волшебство и свет, проходящий по вашим венам, включённый выключатель, превращающий нас во все примитивное, первобытное и реальное.

Это мы.

Стол подо мной начинает двигаться. Сотрясаясь от его движений. Мои ноги крепче сжимают его. Я тянусь вниз и руками сжимаю его подтянутую круглую задницу, притягивая его ближе. Его ворчание теперь хрипкое, громкое от похоти, и я до сих пор не могу поверить, что это моя реальность. Мой смешной, красивый, обаятельный Бригс, и он настолько глубоко внутри меня, что я не могу дышать. Я не могу сделать ничего, только держаться.

Его темп становится безумным. Стол скрипит, двигаясь по полу. Капля горячего пота скатывается со лба мне на ключицу. Его легкие задыхаются от напряжения, потому что это словно разминка, чтобы трахнуть меня вот так, так быстро, так глубоко, так тщательно.

Я не хочу, чтоб она заканчивалась.

Затем его рука скользит между моих ног, большой палец находит клитор, и теперь я отчаянно гонюсь за своим освобождением, находясь в его власти, на краю, готовая упасть.

Я громко стону.

Открываюсь и открываюсь, ноги раскрываются все шире и шире.

Я кончаю.

Кончаю.

Я...

И затем я взрываюсь словно бомба.

Крича неразборчивые слова.

Мое тело бьется в конвульсиях, сжимаясь вокруг него.

Так хорошо, так чудесно.

Я не хочу ничего другого. Никого другого.

Лишь это, вот это все.

Его.

Все время.

Его шея наклоняется, голова откидывается назад, челюсть напряжена, пока он стискивает зубы. Он кончает, и я с чувством облегчения и удивления наблюдаю, что я вытворяю с ним подобное. Его лицо искажено смесью восторга и тоски, и он ругается низким горловым голосом, крепко сжимая мои бедра, думаю, он оставит там синяки.

— Чёрт — ругается он, замедляясь. Он дрожит. Я дрожу. Его глаза пробегаются по моему телу. Я смотрю на него, и это похоже на сон.

Понимание ударяет меня медленно, как рассеивающийся дым, что именно мы сделали, и что это значит для меня. Ненавижу, как секс может усложнять вещи. Ненавижу, как иногда он заставляет чувства вырваться там, где не было никаких чувств.

Но я знаю, что это не относится к нам. Мы нашли друг друга с первобытными эмоциями, все ещё неизменными, возможно, похороненными, а может быть и нет, но они были глубокими, живыми и ждущими. У всех наших чувств — по крайней мере у моих — есть корень, и теперь, когда у нас был секс — у нас был секс — он был внутри меня, мы вкусили друг друга так, как я никогда не думала, что возможно. Все усугубляется.

И все же я знаю, что это идет откуда-то. У всего есть начало. Я знаю, что это так. И это пугает. Это ужасно.

Он выходит из меня, и я сразу же ощущаю пустоту. Я хочу, чтобы он был внутри. Ужас нарастает, когда он, нахмурившись, отступает, снимая презерватив, и я хочу убедиться, что мир не падает. Мне нужно узнать, что это был не разовый порыв, что я не одинока и не плыву по течению. Стремление прикоснуться к нему невыносимо.

Бригс выбрасывает презерватив в мусорную корзину и смотрит на меня со смесью беспокойства и изумления.

— Привет, — мягко говорит он, его голос звучит гулко. Он тянется вниз и медленно обнимает меня за талию и плечи, словно я — тряпичная кукла. Его длинные пальцы прижимаются к моим щекам, когда он удерживает меня на месте, разглядывая мои глаза. — Ты в порядке?

Не могу говорить. Могу лишь глотать, у меня, словно корки хлеба застряли в горле. Я киваю.

Он потирает губы, выглядя обеспокоенным. Я не хочу, чтобы он волновался, не хочу, чтобы он сожалел о чем-либо.

— Наташа, — тихо говорит он. — Если... я не хотел усложнять вещи. Мне очень жаль, если...

Я прочищаю горло.

— Нет, — говорю ему, руки сжимают его бицепсы. — Это не то. Я просто... в это сложно поверить. — Он хмурится, мучается, и я быстро добавляю: — В хорошем смысле. Я просто... перевариваю. Все.

Он кивает и прижимает свой лоб к моему, все еще мокрому от пота.

— Не хочу, чтобы ты о чем-то сожалела. Я чувствую, что всю свою жизнь ждал того, что сейчас произошло.

— Оно того стоило?

— Дорогая, да, — шепчет он, нежно целуя меня. — Последнее, чего я хочу, это снова потерять тебя, не тогда, когда ты, наконец, у меня есть. — Он гладит меня по щеке и смотрит умоляюще. — Скажи, что для тебя это что-то значило.

— Для меня это значило все, — шепчу я. — Я даже не знаю, как прийти в себя.

Уголок его рта изгибается в улыбке. Не могу поверить, что у меня есть разрешение

целовать этот рот. Импульсивно, я опускаю губы на его, а он легкомысленно смеется. Он крепче сжимает мое лицо, осчастливившая меня этой широкой, великолепной улыбкой, и я вижу радость в его глазах. Чистую, красивую радость.

И тут раздается стук в дверь.

Мы оба подпрыгиваем, глядя друг на друга, дыхание перехватывает.

Я закрыла дверь, но она не заперта.

— Минуту, пожалуйста, — грубо говорит Бригс, его голос надламывается.

Мы лихорадочно пытаемся одеться. На мне только джинсы, а на нем только рубашка и боксеры, когда он просит меня встать за дверь.

Я тороплюсь, прижимаясь к стене, а он встает за дверью так, чтобы когда он ее откроет, человек с другой стороны не увидел ничего, кроме его лица и намека на верхнюю часть тела.

Он смотрит на меня, предупреждая, чтобы я молчала, а затем медленно открывает дверь и высовывает голову.

— Да? — говорит он. Голос такой спокойный и ровный, что трудно поверить в то, что сейчас произошло.

— Извините, что побеспокоила вас, — черт возьми, это голос Мелиссы. — Я подумала, может у вас есть минутка, чтобы помочь мне с предстоящим уроком.

Бригс напрягается.

Я задерживаю дыхание.

— Я сейчас занят, — он говорит так грубо, что я задаюсь вопросом, потому ли это, что его застали врасплох или ему не нравится Мелисса?

— Чем? — спрашивает она. Мне не нравится тон ее голоса. Слишком любопытный, слишком непринужденный.

— Увидимся на занятии, — говорит он и тут же закрывает дверь, запирая ее. Он прислоняется к ней, склонив голову, делая глубокий вдох. Я ничего не говорю, не сейчас, пока еще не уверена, что она ушла.

Если он свяжется с тобой, я донесу на него, — сказала Мелисса. Насколько серьезно она говорила? Мне не хочется выяснять.

Проходит, кажется, вечность и Бригс отходит от двери, и мои глаза фокусируются на его крепких бедрах, выглядывающих из-под рубашки. Шоу заканчивается, когда он, нахмурившись и задумавшись, снова надевает бьюки.

— Она ушла? — шепчу я.

Он кивает.

— Надеюсь.

— Она часто приходит сюда?

Он открывает рот, чтобы что-то сказать, затем потирает губы.

— Насколько хорошо ты знаешь свою подругу? — спрашивает он.

Я моргаю, застигнутая врасплох.

— Лучше всех. Ее не так уж трудно понять.

Он смотрит на меня с легким недоверием.

— Очень хорошо.

— Почему?

Качает головой.

— Просто так, — подходит к столу и перемещает его туда, где он стоял. До того, как он как следует оттрахал меня

Боже.

Я все еще не могу поверить, что мы сделали это. На его столе. Что это вообще произошло. Но я все еще чувствительна там, где он вбивался в меня, и кожа на всем теле ощущается поврежденной. Знаю, что я уже другая, свечусь внутренним светом, как горячий расплавленный металл.

Но... что теперь?

Бригс прочищает горло, рассеянно глядя на свой стол.

— Не хочешь встретиться сегодня вечером? — его глаза порхают ко мне, на губах застенчивая улыбка. — Может быть, выпьем перед этим в баре?

Я усмехаюсь, полностью очарованная.

— Конечно.

Сказать, что у меня голова идет кругом, было бы преуменьшением. Я знаю, что именно только что произошло между нами, но страх, что это не превратится в большее, всегда сидит глубоко во мне. Отношения с Бригсом, возможно, могут стать полной зависимостью, но это не должно меня удивлять. Давным-давно меня тянуло в его кабинет, словно он был луной, и я была морем во власти своих диких приливов. Теперь, когда есть еще и секс, не уверена, как я переживу все это.

Ты не можешь, — предупреждает голос в моей голове. — *Подумай о своем психиатре. Подумай о том, что Бригс значит для тебя. Защити себя.*

Но уже слишком поздно.

— Думаешь, мне безопасно выходить? — спрашиваю его, хотя прошло не менее пяти минут. — Или Мелисса преследует тебя так же, как я?

Он не улыбается в ответ, от чего я на минуту прихожу смятение. Затем медленно кивает.

— Все хорошо. Увидимся в «Добровольце» в семь?

— Увидимся, — говорю ему, направляясь к двери.

— Подожди, — говорит он.

Он шагает по комнате длинными ногами и хватает меня за руку, притягивая к себе, глаза пылают, прежде чем он целует меня.

Поцелуи Бригса превращают меня в незаметный, горячий ветерок, угрожающий поднять меня и унести прочь, туда, где ничего, кроме нас, не имеет значения.

— Ты точно знаешь, как сделать так, чтобы девушке было трудно уйти, — задыхаясь, говорю я, когда он отстраняется.

Он ухмыляется.

— Хорошо.

Глава 14

БРИГС

Я едва могу поверить в то, что произошло.

В одну минуту, я в был в своём кабинете, зализывал раны, а в следующую, я глубоко в Наташе, трахаю ее на своём столе.

Безумно трахаю ее.

Не думаю, что когда-либо был таким же диким и безжалостным, как сегодня с ней, что не удивляет меня, учитывая то, как я к ней относился. Я думал, что над моей головой висит

облако вины, говорящее мне, что мы не можем и не должны. Но вся вина испарилась в тот момент, как она сказала: «Поцелуй меня».

Конечно, некоторая вина угрожает поднять голову, готовая вступить в игру, как это всегда бывает. Она говорит мне, что я могу двигаться дальше, с кем угодно, кроме нее.

Но я хочу лишь ее.

И всегда хотел лишь ее.

Наверное, именно в этом и заключается мой страх. Потому что с Наташей это не интрижка, не случайные отношения. Я сходил с ума по ней раньше, и я, конечно же, потеряю себя снова, если уже этого не сделал.

В смысле, прошло лишь пара часов с того момента когда я был в ней в своём кабинете, и этого не достаточно. Мне никогда не будет достаточно. Я смотрел, как она выходит из моей двери, и сразу же почувствовал себя лишенным чего-то и странно испуганным, словно что-то ужасное может произойти с ней между тем временем, когда она покинула мой кабинет, и тем временем, когда снова увижу ее в баре. Возможно потому, что я знаю, каково это потерять так много. Ставки становятся намного выше. Угроза повторения всего этого. У судьбы теперь может быть цель на моей спине, потеря притягивает потерю.

Но эти мысли совсем не помогают, поэтому я прилагаю все усилия, чтобы избавиться от них и продолжаю свой день.

Естественно, каждую минуту мои мысли возвращаются к Наташе.

То, как распахнулись ее губы от избытка страсти.

Опьяняющий взгляд сексуальных глаз.

Маленькие звуки, первобытные и задыхающиеся, когда она кончила.

Воспоминание наших обнаженным, потных тел будоражат меня, и я ощущаю это, что бы ни делал.

Я был с несколькими девушками до Миранды, и это никогда не было так. У меня была своя доля страсти с Мирандой, особенно после свадьбы.

И все же все это было совсем по-другому.

То, что мы разделили с Наташей, превосходит все ожидания и мечты. Мне трудно говорить об этом, не используя избитые фразы. Но я полагаю, слово «необыкновенно» могло бы подойти, хотя одно слово никогда не может сказать достаточно. Сомневаюсь, что все слова могли бы.

В шесть я собираюсь, натягивая джинсы, футболку и куртку, смотрю на себя в зеркало, прежде чем отправиться в паб через улицу.

Оказывается, я чертовски нервничаю. Это не имеет никакого гребаного смысла, учитывая все обстоятельства, но такова правда. Я киваю Макс и занимаю свое обычное место у стойки.

— Сегодня один? — спрашивает Макс, пока наливает мне пинту.

— На данный момент, — говорю ему.

— Та же деваха? — спрашивает он, глаза мерцают.

Я беру у него пиво и криво усмехаюсь.

— Деваха? Мы что, в пятидесятых? Да, та же женщина.

— Хорошо, — говорит он. — Я уж начал было думать, что ты всегда будешь сидеть здесь один.

Я вскидываю бровь. У нас с Максом отношения бармен-клиент, но он знает о Миранде и Хэймише. В мою вторую ночь в баре мы разговорились, и когда люди спрашивают о моем

прошлом, есть ли у меня семья, я не из тех, кто может молчать. Я не рассказываю много, но говорю достаточно, чтобы они знали правду.

— Поживем — увидим, — говорю ему, такой осторожный.

— Неа, — громко говорит он с большой улыбкой, демонстрирующей клыки. — Ты знаешь, я эксперт в любви.

— Лишь потому, что ты бармен...

— Да, бармен, конечно, — говорит он, наклоняясь через стойку. — Но я так же был и священником. Гуманист. Я все еще он и есть.

Почти выплёвывая пиво, я осматриваю Макса с ног до головы. Макс, должно быть, ближе к шестидесяти, с большим пивным брюхом, спутанными седыми волосами и усами, которые выглядят так, будто были сорваны с лица Граучо Маркса. Он больше похож на седого старого шофера, чем на священника.

— Хочешь сказать, ты женил людей?

— Да. Тех, кто были не религиозны или хотели свадьбу не в церкви. Люди оформляли документы в Отделе записи актов гражданского состояния, а потом я проводил церемонию. Эта халтура была у меня задолго до того, как я занял это место. Тогда я соединял людей, а теперь выслушиваю их проблемы, — добавляет он со смехом, пока выражение лица не становится серьезным. — Так что поверь мне, когда я говорю, что видел много пар.

Насколько я жалок, потому что хочу, чтоб он продолжал говорить обо мне и Наташе?

— Ты знал ее раньше, — замечает он.

Киваю.

— Да. Пару лет назад.

— Да, я так и понял.

Складываю руки перед собой.

— Что ты ещё понял?

Он ухмыляется так, словно у него на руках все козыри.

— Могу сказать, что она любит тебя.

Его слова заставляют мое сердце биться чаще. Я качаю головой, отказываясь даже на секунду верить в это.

— Я так не думаю.

— Однажды она полюбила тебя. Это просто так не исчезнет.

— И откуда ты знаешь, что она когда-то любила меня?

Он пожимает плечами, оглядывая паб.

— Это умение, которым обладает тот, кто не был влюблен. Вы не можете видеть это, пока не окажетесь в стороне. И, к сожалению, когда вы стоите в стороне, часто уже бывает поздно.

Он прав. Но я пережил слишком много стыда и горечи за эти годы, чтобы позволять себе думать, любила ли Наташа меня по-настоящему или нет. Хотя... теперь... я знаю, что любила.

И знаю, что тоже любил ее.

И я знаю, эти чувства возрождаются, снова становясь суровой правдой. Для нас не будет постепенного восхождения. Мои чувства не будут медленно переходить в нечто большее. Они сразу же рванут вперед, как лемминги, прыгающие через обрыв. Не заглядывая в будущее, не боясь боли и не задаваясь вопросом, чувствует ли Наташа то же самое. Я пойду вперед и надеюсь, что свободное падение продлится ещё долго.

Я делаю глоток пива и вздыхаю.

— Ты говоришь, любовь не уходит? Что, если ее сожгли?

— Что ж. Любовь — это огонь, — просто говорит он, поднимая голову. — И огонь поднимается. Он создает пепел. И он поднимается над ними. Как любой человек способен справиться с тем, что должно было уничтожить его, любовь тоже способна на это.

Я хмуро смотрю на него, совершенно озадаченный этим своеобразным человеком.

— Макс, Макс, Макс, да я едва знаю тебя. Бармен, священник и поэт в одном лице.

— Ага, только никому не рассказывай, — говорит он. — И не считай эту философию ерундой, только лишь потому, что она выходит из моего рта. Ты знаешь, что это правда. Ты снова хочешь любви, и у тебя она есть. Она входит в дверь, приятель.

Он бросает взгляд на входную дверь, и я резко разворачиваюсь на сиденье, чтобы увидеть, как входит Наташа.

Не уверен, что чувство невесомости в груди когда-нибудь исчезнет. Кровь, мчащаяся к члену, конечно, всегда будет бежать так же быстро.

Наташа видит меня и улыбается. Все в ней просто освещает комнату, и я удивлен, что головы людей не поворачиваются ей в след, задаваясь вопросом, откуда идет свечение. Это редкое и великолепное создание улыбается мне и для меня, идя ко мне.

Я сделаю все, чтобы сделать ее своей.

Удержать ее.

Что угодно.

Черт возьми, мысль очень ужасающая, когда осознаёшь всю ее глубину.

— Привет, — говорит она, останавливаясь рядом.

Я тут же встаю и целую ее.

Она слегка задыхается от шока, а затем хихикает, когда я отстраняюсь, любуюсь ей. Мои руки в золотистых волосах и проходятся по ее мягким щекам,

— Ты настоящая? Ты, правда, здесь? — мягко спрашиваю я.

Она садится рядом со мной и быстро смотрит на Макса, возможно, стесняясь внезапного публичного проявления чувств.

— Ну, я только что ехала в поезде с кучей вонючих людей, поэтому я, определенно, знаю, что все это реально. Я еле выбралась оттуда.

Она быстро тянется и сжимает мое предплечье, достаточно сильно, чтобы заставить меня вскрикнуть.

— Эй, — выговариваю ей, потирая кожу.

— Неженка, — говорит она, счастливо улыбаясь. — Но ведь это не сон, теперь понимаешь?

— Если бы это было так, то пиво было бы бесплатным, — говорит Макс, вступая в разговор. — Увы, это не так.

Я сухо смотрю на него, зная, что, чем дольше мы останемся здесь, тем меньше уединения у нас будет.

— Убийца мечты, — говорю ему. — Дай леди «Укус змеи», а я выпью ещё пинту. И заплачу по счетам перед Всевышним.

Макс едва ли может поверить в то, что слышит. Это давняя шутка, что я медлю с оплатой счета. Но теперь, когда Наташа так близко, я с трудом держу руки при себе, не говоря уже о том, чтобы допить пиво.

Макс отдаёт наши напитки, а затем хитро подмигивает мне, прежде чем отправиться в

бар обслужить кого-то другого.

— Он кажется милым, — говорит она. — Знаешь, для кого-то, кто выглядит так, словно был менеджером туров Pink Floyd.

Я смеюсь.

— Ты сегодня читаешь мои мысли, да?

Она поднимает голову, оценивая меня.

— Да? О чем еще ты думал, кроме бармена?

Я ухмыляюсь, шевеля челюстью.

— Хочешь правду?

Она устраивается на табурете, чтобы смотреть мне прямо в лицо, и кладёт руку на мое колено.

— Всегда, — говорит она, улыбаясь глазами.

Наклоняюсь ближе, глядя на ее ключицы. Понижаю голос.

— Я думал о том, каково это, трахнуть тебя. Думал о том, что собираюсь сделать с тобой сегодня вечером.

Я немного жду, а затем смотрю вверх. Она смотрит на меня с гиперсексуальной смесью похоти и невинности. Ее губы распахиваются.

— Именно об этом, — шепчу ей. — Как раскрываются твои чёртовы губы и обо всех местах, куда ты могла бы их поместить.

Теперь ее щеки покраснели, глаза блестят. Она моргает и затем делает длинный глоток коктейля. Я знаю, что говорю слишком нахально, но я могу быть честным с ней, даже если это шокирует ее. Дело в том, что я хочу шокировать ее. Хочу видеть эту ее сторону с застенчивыми глазами и розовыми щечками. Хочу раскрыть ей ту часть меня, которую она может и не знает.

— Ну, что ж, — говорит она, приходя в себя и быстро убирая волосы за уши. Она улыбается и оглядывается. — Это было неожиданно.

— Даже после того, что было днём? — спрашиваю я, протягивая руку и пропуская шелковистые волосы между пальцами, мягко дергая. Интересно, понравилось бы ей, если б я позже потянул за них.

— Наверное, нет, — говорит она, голос становится хриплым. Она встречает мои глаза и прикусывает губу. — Значит бар, лишь место для прелюдии?

Я улыбаюсь.

— Может быть. Я не был уверен, что ты чувствовала после сегодняшнего, поэтому хотел встретиться в нейтральной обстановке. Знаешь, на случай, если ты захочешь податься в бега.

Она легонько качает головой.

— Я больше не убегаю, — поднимает свой напиток и допивает, бросая взгляд на мое пиво. — Допивай, — говорит она, когда заканчивает.

— Пытаешься напоить меня? — шучу я, но с лёгкостью допиваю оставшееся пиво.

— Пытаюсь вытащить нас отсюда, — говорит она, спрыгивая с табурета.

Я поднимаю брови. Не ожидал, что она будет такой нетерпеливой, и не могу притворяться, что это не чертовски заводит.

Быстро кладу несколько банкнот на стойку плюс чаевые за советы мудреца Макса, и мы уходим. Я никогда не был так благодарен за то, что моя квартира находится прямо через дорогу. Едва мы оказываемся на другой стороне дороги, как я атакую ее, прижимая к стене, пока руки копошатся в карманах куртки в поисках ключей.

Ее шея на вкус словно сливки, запах сладок и опьянителен, и даже когда я нахожу брелок, мне требуется вся сила воли, чтобы оторваться от нее, сделать что-то еще, кроме как наслаждаться ее вкусом.

В конце концов, мы поднимаемся по лестнице и заходим в квартиру. Винтер скачет к нам, но мы даже не можем поприветствовать его. Я захлопываю дверь ногой, губы не отрываются от неё, пока мы двигаемся в комнату. Быстро сбрасываем одежду. Моя куртка летит через комнату, приземляясь на Винтера, ее футболка летит за ней. Мои руки скользят вниз к передней части ее джинс, нуждаясь в ее киске, пока ее руки пытаются расстегнуть мою молнию.

Мы не добираемся до спальни. Сильно ударяемся о книжный шкаф, книги падают с полки. Я срываю ее лифчик, рот опускается к роскошной груди, пока мои штаны падают на пол. Винтер бегает вокруг нас, и я ужасный хозяин, потому что сейчас мне нет дела ни до чего, кроме Наташи.

Но даже когда я беру сосок в рот, прикусывая зубами, пока она не начинает задыхаться и удерживать меня за затылок, я знаю, что не смогу ничего сделать с ней, пока не разберусь с собакой. Собаки одновременно и магниты для девушек и кайфоломы.

Я прерываюсь, снимая рубашку, оставаясь лишь в боксерах, и отвожу Винтера в спальню, закрывая за ним дверь. Там он устроит меньше разрушений.

Он лает, я уверен, дюжину ругательств на собачьем языке, который знают только Лаклан или Тарзан, но вскоре замолкает. Сегодня меня не волновало бы, если бы он лаял без остановок. Сердце бьется слишком громко в ушах, чтобы слышать его лай. У меня есть искаженное восприятие действительности, и Наташа — это все, что я вижу, думаю и слышу.

— Он в порядке? — спрашивает она, но я целую ее, прежде чем она сможет продолжить, снимая лифчик и помогая избавиться от джинсов, пока мы вдвоем не оказываемся лишь в нижнем белье.

Я хватаю ее за руки и двигаюсь вперед, ее спина обращена к дивану, где я толкаю ее на него, грудь покачивается, когда она падает на подушки.

— Трахни меня, — бормочу я, вынимая член и жестко поглаживаю его, пока смотрю вниз на нее. Она смотрит на меня широко раскрытыми взволнованными глазами, губы раскрыты, золотые волосы на лице. Ее соски твердые, крошечные розовые пики против полноты ее груди. Ее торс плавно переходит к бедрам, бедрам, которые просто просят меня впитаться в них зубами.

И сладкая розовая киска.

— Я сделаю больше, — говорит она, поворачиваясь так, что оказывается на четвереньках на диване, подползая ко мне. — Я не забыла, что ты сказал о моих губах.

Черт, я счастливчик.

Нет. Счастливчик это преуменьшение.

Я приближаюсь к дивану, в то время как она встает на колени и тянется за моим членом, медленно оборачивая длинные пальцы вокруг него. Давление отдаётся в каждом дюйме меня, и я издаю резкий стон, желание врезается в меня.

— Оближи меня медленно, — говорю ей, слова получаются грубыми.

Она посылает мне шаловливую улыбку, прежде чем медленно высунуть язык и облизать темный, припухший кончик. Моя голова откидывается назад, и глаза закрываются, я наслаждаюсь ощущением, хотя отчаянно хочу поддерживать с ней зрительный контакт.

Ее язык скользит к основанию моего ствола, и все внутри меня напрягается. Я никогда

не чувствовал такого, эту раскаленную, уничтожающую жажду, пронизывающую каждый нерв. Напряжение внутри растёт и растёт, превращаясь во что-то более примитивное, и, когда я, наконец, открываю глаза, практически задыхаясь, ее лукавые глаза взирают на меня с волнением. С медовыми волосами, рассыпанными по слегка загорелым плечам, она выглядит как гребаная богиня, о которой люди могли бы рассказывать мифы.

Только она не миф. Она не что иное, как настоящая, когда берет меня в рот. Ее губы ощущаются такими же мокрыми и бархатистыми, как и ее влагалище раньше. Я зажимаю ее волосы в кулак, дергая их ровно настолько, чтобы ее глаза расширились, и в ответ она сосет меня сильнее. Было бы так чертовски легко просто сильно кончить ей в горло, и смотреть, как она все проглотит.

Но я не собираюсь кончать сейчас. Я хочу снова быть внутри неё, почувствовать горячее давление ее плоти вокруг меня.

— Подожди, — выдыхаю я, отстраняясь. Мой член выскакивает из ее рта, длинная капля слюны размазывается по ее губам. Боже, это чертовски горячо. — Повернись, — команду я.

Она делает, как прошу, и я хватаю ее за бедра, притягивая к себе, дразня влажным членом расщелину попки.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — говорит она, в голосе слышна дрожь.

Не могу не улыбнуться тому, как невинно она звучит.

— Не волнуйся, — заверяю ее. — Мы найдём для этого время позднее. — Но, черт возьми, мне, так или иначе, нужны презервативы. — Не двигайся. — Я быстро иду в ванную и достаю из ящика пакетик с презервативом, а затем направляюсь назад.

— Хорошая девочка, — говорю ей, и она в ответ вертит попкой. Разрывая серебристую фольгу, я наклоняюсь вперед и, дразня, прикусываю ее попку.

— Ой, — вскрикивает она.

— Извини, — бормочу я, ничуть не жалея. Облизываю следы укуса, заставляя ее расслабиться, прежде чем надеть тонкий латекс, раскатывая его до конца. Я хочу знать, насколько она влажная и нетерпеливая, поэтому расстаюсь с ее попкой и кончиками пальцев касаюсь ее влагалища, у меня почти слюнки текут от того, насколько она скользкая. Я толкаю палец в эту тугую розовую дырочку и прикусываю губу, когда она сжимает меня. У неё перехватывает дыхание, и она выпускает напряжённый стон, который подстегивает меня, как ничто другое.

Внезапно желание, чистая потребность быть внутри нее, словно железная хватка, и я почти дрожу от голода, пульсирующего сквозь меня. Эта анималистическая, первобытная жажда удивляет. Во мне словно остался лишь один инстинкт — быть внутри нее. Она не просто Наташа, она — великолепное создание, на которое я должен заявить права, взять грубо, жестко и быстро, пока не смогу забыть своё имя.

Не раздумывая, я проталкиваю в нее еще один палец, нетерпеливо поглаживая ее точку G, чувствуя, как она набухает вокруг меня.

— Бригс, — задыхается она, опустив голову, волосы на лице, пока тяжело дышит, тело вжимается в меня, желая больше. — Боже, ты так хорош.

Ее слова настолько отчаянные и требовательные, и они словно включают огненный выключатель.

Я не выдерживаю.

Я должен оказаться внутри нее.

Прямо, нахрен, *сейчас*.

Я быстро убираю пальцы, потирая их о губы, смакуя ее вкус, пока держу свой ствол, жесткий и тяжелый в моей руке, и направляю в нее. Стараюсь двигаться медленно, потираясь головкой о ее нежную дырочку, подводя мой влажный конец к ней, прежде чем толкнуться лишь не несколько дюймов.

Но нескольких дюймов достаточно, чтобы моя челюсть сжалась, и я изо всех сил пытаюсь удержать себя в руках. Она такая горячая, скользкая и узкая, как гребанный кулак, и я хочу резко толкнуться в неё, глубоко зарыться по самые шары. Все силы уходят на то, чтобы продолжать дышать, пальцы впиваются ей в бока, уже чувствительные от того, как я хватал ее раньше.

На столе было одно, но здесь, когда она на четвереньках на моем диване, мой член на полпути в ее сладкую дырочку, это совсем другое. Надеюсь, мне хватит времени насладиться каждой секундой, но так как я уже пытаюсь сдержаться, сомневаюсь, что продержусь долго.

Пока она не кончит первая. Я хочу, чтобы она извивалась, тяжело дыша, и кричала мое имя.

— Ты ощущаешь великолепно, — говорю ей, голос хриплый, когда толкаюсь глубже, наблюдая, как член исчезает в ней, и ее киска чрезвычайно туго сжимает меня. — Ты выжимаешь из меня все соки.

— А вы за словом в карман не полезете, профессор МакГрегор, — говорит она, постанывая.

— Чертовски верно, — шиплю я сквозь зубы. — Продолжай говорить вот так.

— Называть тебя профессором?

— Называй меня, черт возьми, как угодно. Скажи мне, чего ты хочешь. Хочешь, чтоб все было медленно и дразняще, или ты хочешь, чтоб я трахнул эту тугую розовую киску жёстко и грубо? — Я останавливаюсь, втягивая воздух, дёргая ее бедрами и регулируя угол, пока мои глаза не закрываются. — Будь осторожна с ответом, не уверен, как долго смогу продержаться.

Я медленно выскальзываю, и она содрогается подо мной, прежде чем снова толкаюсь в нее, оставаясь осторожным.

— Хочу всего тебя.

Я смотрю вниз, где верхние два дюйма моего члена, самая толстая часть, все еще видна.

— Уверена? — спрашиваю ее, еле выдавливая слова, пока стискиваю челюсть. Тело горит, мышцы плотно натянуты, пока я пытаюсь оставаться неподвижным. — Я не хочу причинять тебе боль под этим углом. Ты туже, чем кулак, и мой член едва помещается в тебя.

— Да, дай мне все, — говорит она дрожащим шёпотом. — Пожалуйста.

— Профессор МакГрегор, — подсказываю я, ухмыляясь про себя.

— Профессор Нахрен *Трахни Меня*.

— Ну, раз ты так мило просишь, — бормочу я. Она выгибает спину, толкаясь ко мне, и я проскальзываю глубже внутрь, почти до основания. С громким вздохом она растягивается вокруг меня, ее влагище такое уютное и влажное, пока я кручу бедрами напротив ее попки. У меня кружится голова, я задыхаюсь, и огонь внутри меня растёт, поглощая меня, пока я не теряюсь в этой соблазнительной дымке. В мире не остаётся ничего, кроме удовольствия.

— Трахни меня, — кричит она. — Сильнее. Жёстче.

Рычание срывается с моих губ, и я толкаюсь в нее, пока она не обхватывает каждый

пульсирующий дюйм. Она кричит мое имя, и я не слышу ничего, кровь проносится в голове, когда я зарываюсь глубоко в ее узкую дырочку. Бедра вонзаются в нее, вколачиваясь в этом сводящем с ума ритме.

Прежде, чем я стану полностью эгоистичным, тянусь к ее бёдрам, пытаюсь погладить ее клитор, такой опухший и скользкий, но я так сильно вколачиваюсь в нее, что это почти невозможно.

Я наклоняюсь вперед, пот капает со лба ей на спину.

— Потрогай себя, — шепчу я. — Кончи со мной.

Она удерживает себя на одной руке и тянется назад, я выпрямляюсь, мои руки широко раскинуты вокруг ее талии, крепче и крепче сжимая, пока я отчаянно толкаюсь в нее.

Она стонет, затем кричит мое имя и ругается, и я не выдерживаю. С гортанным стоном, я кончаю, удовольствие разрывает меня, выворачивая наизнанку. Я ругаюсь и кричу, сперма врывается в презерватив, когда я вхожу в какое-то бессмысленное, сверхчувствительное состояние. В этот момент я без мысли и самосознания — я просто чертово животное.

Я медленно прихожу в себя, пытаюсь не рухнуть на ее роскошное тело. Кладу руки на спелые половинки попки, опираясь на них, чтобы не упасть, пока пытаюсь отдышаться. Моя кожа влажная от пота и горит, и я чувствую себя абсолютно обессиленным. Она все еще пульсирует вокруг меня, словно пытается выжать из меня каждую последнюю каплю.

Наташа тоже задыхается, падает на диван с попкой в воздухе. Поворачивает голову в сторону, лицо покраснелось и все в капельках пота, глаза полуприкрыты и полностью насыщены.

Нет слов, которые мы могли бы сказать друг другу. Вот она, красота. Нам не нужно говорить, чтобы узнать, как мы себя чувствуем. Я чувствую ее и знаю, как быстро бьется ее сердце.

Голова медленно тяжелеет, я хватаю презерватив и стягиваю его. Завязываю в узел и встаю, выбрасывая в мусорку на кухне. Мои ноги дрожат, и я должен выпить стакан воды из под крана и наполнить один для Наташи

Я вручаю его ей, когда она садится, на какое-то мгновение совершенно естественная со мной, прежде чем начинает стесняться своего животика, пытаюсь скрыть его от моего взгляда.

— Никогда не закрывайся от меня, — говорю я, убедившись, что она может слышать серьезность в моем голосе. — Знаешь, думаю, что ты абсолютно совершенна.

— Так было четыре года назад.

— И думаю, ты будешь совершенна ещё лет сорок.

Она недоверчиво смотрит на меня и допивает стакан воды, когда я слышу лай из спальни.

Озадаченно смотрю на нее.

— Он лаял все это время?

Ее губы изгибаются в улыбке, когда она убирает влажные волосы с лица.

— Честно говоря, я не обращала внимания ни на что происходящее. Ни на что, кроме тебя.

Я надеваю боксеры и пробираюсь к спальне, медленно открывая дверь. Винтер сидит на кровати и смотрит на меня сумасшедшими глазами. К счастью, он не разнёс комнату. Тем не менее, это стоило бы того.

— Прости, — извиняюсь перед Наташей, когда Винтер выбегает из комнаты и мчится к

ней, хвост виляет из стороны в сторону. — Мне нужно вывести его. Хочешь прогуляться?

Она охотно кивает и начинает одеваться, что не так-то просто, когда хаска пытается сбить вас с ног. В конце концов, я вынужден схватить его за ошейник и удерживать до тех пор, пока она не приводит себя в порядок.

Мы отправляемся в темноту ночи. Начинает накрапывать легкий дождик, и я снимаю куртку, держа ее над головой, пока мы гуляем по кварталу, ожидая, когда Винтер сделает свое дело. Я обещаю собаке, что завтра возьму его на длинную прогулку, хотя каждую минуту своего будущего я хочу провести с Наташей, желательно с моим членом, глубоко внутри нее.

— Хочу, чтоб ты осталась, — говорю я, когда мы возвращаемся в квартиру, и я закрываю за нами дверь.

— Мелисса заметит, — говорит она, стоя в коридоре. — Прямо сейчас она, наверное, ждет меня. Ты же ее знаешь, — достает свой телефон и смотрит на него. — Чёрт, я, наверное, должна уже идти.

— Ты уверена? — отчаянный узел потребности начинает расти внутри меня. Я не хочу отпускать ее. Я так боюсь, что не увижу ее снова. Как и раньше, только теперь все хуже, потому что я знаю, знаю, чем дольше мы вместе, тем более безумными будут мои чувства к ней.

Она кивает, но прикусывает губу зубами, выглядя неуверенной.

— Думаю, я могу заставить тебя передумать, — говорю я, беря ее за руку и пытаюсь увести от двери. Она не поддается. — Ты можешь просто остаться там, и я возьму тебя у двери.

Она смотрит на меня с осторожным любопытством.

— Я должна идти, — говорит она.

Я киваю и обнимаю ее за талию.

— Хорошо, — бормочу я перед тем, как поцеловать ее нежно, долго и сладко. — Но ты вернешься сюда завтра. Или я приду за тобой. В любом случае, повезёт нам обоим.

— Ох уж эти твои намеки, — поддразнивает она.

— Ты и твоя сладкая киска, — говорю я в ответ, ее глаза расширяются. Деликатный румянец появляется на щеках. — Годится для намёка?

— Тогда увидимся завтра.

— Напиши мне, позвони, отправь письмо, — говорю я. — Просто, пожалуйста, покажись здесь.

— В плащике и обнаженной под ним?

Я снова стону и прижимаюсь членом к ее бедрам.

— Не делай этого со мной, — шепчу ей в шею.

— Я ничего не делаю, — говорит она, целуя меня в щеку, словно вдруг становясь целомудренной, и выходит за дверь.

Она закрывается за ней, и я смотрю на неё, ощущая чувство потери и похоти, как ничто другое.

Винтер лает за моей спиной.

— Знаю, — говорю ему. — Я тоже уже скучаю по ней.

Глава 15

Бригс сказал, что мы начинаем с нуля.

В то время я не поверила ему. Я думала, стереть наше прошлое невозможно, и хотя это все еще верно, думаю, я знаю, что он имеет в виду.

С нуля означает новых нас, означает, что мы можем дышать, как вновь открытое вино. Разумеется, я думаю, что мы вдвоем немного осторожничаем, не крича с крыш о том, что мы вместе. Я все еще боюсь сказать Мелиссе (мне пришлось сказать ей, что я снова встречаюсь с Брэдли), Бригс осторожничает в колледже. Но все же все это, в некотором смысле, так ново.

Раньше у нас никогда не было шанса встречаться. Мы работали вместе, и это, ненадолго, стало чем-то большим. До того, как все исчезло. Но мы так и не смогли узнать друг друга так, как хотели.

После того, как мы занимались сексом — в его офисе, его квартире — мы провели неделю вместе в объятиях друг друга. Каждый раз, когда мне выпадал шанс, я приходила к нему. Иногда мы ходили на ужин или в паб, но большую часть времени он бессмысленно трахал меня, иногда в постели, иногда в гостиной. Практически везде, где не было собаки. Я знаю, мы потеряли не один год, и у меня нет никаких претензий, хотя порой я довольно чувствительна и хожу так, словно только что спрыгнула с лошади. В некотором роде так и есть. Он большой, и я все еще привыкаю к его размеру. Мне очень повезло, что он может возбудить меня, глядя на меня лишь своими развратными глазами.

Естественно, он занимает мои мысли и тогда, когда мы не сплетаемся вместе с необузданной похотью и пропитанной потом кожей. Он все, о чем я думаю, и я падаю обратно в кроличью нору, потерявшись в этом открытии новых нас, чувствуя, как, наконец, продвигаюсь вперед. На самом деле, мы не просто двигаемся, мы скачем, и я не могу держаться достаточно крепко.

Мелисса была подозрительной, и я, правда, не знаю почему. Может быть, она понимает, что я лгу о Брэдли, не знаю. Она сказала мне, что хочет познакомиться с ним, но я все время придумываю извинения, и понимаю, что не смогу делать так всегда. На самом деле, я не должна бояться, но в глубине души у меня есть мелочное чувство, что на данный момент что мне нужно держать все в секрете.

Тем не менее, я по-прежнему хожу с ней в магазин нижнего белья. Мне больше не нужен Губка Боб — он остаётся для удобных дней — и мне определенно нужен набор лифчиков и трусиков, которые зажгут сердце Бригса.

Конечно, я знаю, что он предпочел бы, чтобы я все время была голой, и почти не замечает, во что я одета, но все же. Это одна из самых приятных сторон свиданий — изо дня в день наряжаться для кого-то. Мне нравится выбирать из красного шелкового и черного кружевного нижнего белья, я люблю пользоваться специальными отшелушивающими средствами и лосьонами для тела, чтобы сделать каждую часть меня осязаемо мягкой, люблю надевать правильные наряды, наносить правильный макияж, делая все возможное, чтобы быть привлекательной для Бригса, насколько это возможно. Знаю, что ничто из этого не нужно — он никогда не смотрит на меня с таким обожанием, как тогда, когда на мне нет макияжа, а волосы в беспорядке — но этот процесс делает жизнь намного слаще.

И, если честно, все это делает происходящее гораздо более реальным. Иногда это все еще похоже на сон, и я должна ущипнуть себя во время лекции, когда мой ум начинает

блуждать. Становится все труднее сосредоточиться на занятиях, и мои усилия идут коту под хвост, потому что мозг просто хочет сосредоточиться на нем, а мое тело жаждет его прикосновений так же, как жаждет воздуха, которым я дышу.

В пятницу он пишет мне во время урока и говорит, чтобы я приехал к трем, чтобы он похитил меня куда-то на несколько часов. Мне едва хватает времени, чтобы успеть домой и надеть новый лифчик и трусики, хотя эластичный пояс трусиков слишком сильно впивается в кожу, демонстрируя жирок. Я вздыхаю, делая пометку начать заниматься больше, затем включается другая часть моего мозга, говорящая мне не беспокоиться об этом. Если Бригса это не волнует, то и меня не должно.

К счастью, Мелиссы нет дома, чтоб донимать меня вопросами о том, куда я иду, поэтому я переодеваюсь, выбегаю из квартиры и мчусь к метро, в квартиру Бригса.

Звоню в домофон, и Бригс говорит мне оставаться внизу, что он сейчас спустится.

Я жду у входа в здание, глаза обращены к туристам, выстраивающимся в очередь, чтобы войти в Музей Шерлока Холмса. Затем его входная дверь распаивается, и он выходит с Винтером на поводке, собачья шерсть сверкает белым цветом на осеннем солнце.

Бригс ухмыляется, глядя на меня, глаза голубее, чем небо, выходя, несомненно, стильно в темных джинсах, футболке и темно-сером жакете из хлопка. Серый шарф обернут вокруг шеи.

— А вот и моя женщина, — говорит он мне, быстро целуя. Винтер, как обычно, сует нос мне в промежность. Яблоко от яблони.

— Мы пойдем гулять? — радостно спрашиваю я, чувствуя себя намного легче и бодрее, когда он рядом.

— Поедем, покатаемся, — говорит он, надевая авиаторы. — У меня даже есть сигара. У тебя есть зажигалка?

Я быстро вытаскиваю одну из сумочки и машу ей перед ним.

— Конечно. На случай, если профессор Голубые глазки захочет покурить со мной сигару.

Он посылает мне хищную улыбку.

— А что если профессор Голубые глазки захочет бездумно трахнуть тебя?

Я поднимаю палец, чтобы он прервался, а затем достаю пачку презервативов.

— Он может бездумно трахнуть меня столько раз, сколько захочет.

— Молодчина, — говорит он, и мы поворачиваем за угол, где припаркован его «Астон Мартин».

— Не могу поверить, что он все ещё у тебя, — говорю я, пробегая рукой по чёрному складному верху, отделанному как новый, хотя он был сделан в 1978 году.

— Считай меня сентиментальным, — объясняет он, отпирая мою сторону и опуская сиденье, чтобы Винтер мог запрыгнуть назад. — Я редко использую ее, но подумал, что было бы неплохо прокатиться.

Полностью согласна. Я забираюсь в машину, и мы уезжаем, несясь через город, а затем на автостраду, направляясь, кто знает, в каком направлении. Мне все равно, куда мы едем, и я не спрашиваю. Радио играет старые песни, старый добрый соул, и ветер играет в моих волосах. Погода абсолютно идеальна для прогулки, и хотя в эти дни воздух прохладный, никогда раньше солнце не ощущалось так приятно на моем лице.

— Ну и как тебе наше свидание? — как бы между прочим спрашивает Бригс, ведя машину по А2.

— Свидание? — спрашиваю я, глядя на него.

Он пожимает плечами и посылает мне свою фирменную улыбку.

— Ну, я думал, что мы должны сделать все официально, разве нет? Весь этот секс здесь и там, да, мне это нравится, но... Имею в виду, что ж, прости, прозвучит немного старомодно, но ты мне очень нравишься, и я бы хотел, чтобы мы были, ну ты понимаешь... парой.

— Парой? — повторяю. Глупая я думала, что мы уже пара.

— Да. Сейчас я хочу сделать с тобой все как надо, — объясняет он. — Я собираюсь охмурить тебя.

Я смеюсь.

— Поверь, ты уже меня охмурил.

— Очень хорошо, — говорит он, кивая. Смотрит на меня. — Но ты знаешь, ты нечто волшебное, Наташа. Я собираюсь относиться к тебе так, как ты того заслуживаешь. Ты заслуживаешь, чтобы за тобой ухаживали, водили на свидания и всячески холили.

— И удовлетворяли, — добавляю я, чувствуя небольшое смущение от его заявлений. Не думаю, что раньше меня называли волшебством.

— И удовлетворяли, конечно, — признает он.

И любили, — добавляю про себя, но мой рот не смеет произнести эти слова. Для этого еще слишком рано, хотя чем дольше я с ним, тем больше втягиваюсь в этот пьянящий водоворот чувств, который едва могу описать. Не то чтобы я считаю, что заслуживаю его любви, но, черт возьми, я хочу этого больше всего на свете.

— Что ж, профессор Бригс, — говорю ему. — Не стесняйтесь накормить меня и поухаживать за мной, и делать все, что хотите. Я готова на все, что вы запланировали.

И что потом? — всплывает мысль в моей голове. — *Куда все это приведет?*

Но дело в том, что существует лишь один вариант. Мы начинаем с нуля, и мы можем «встречаться», но, насколько я могу судить, мы уже «всецело в этом».

Пару часов спустя мы оказываемся около приморского города Бродстейрс, прежде чем попадем на стоянку в месте под названием Ботани Бей.

— Бывала здесь раньше? — спрашивает Бригс, когда я смотрю в окно на широкий песчаный пляж за зарослями водорослей.

— Никогда, — говорю ему. — Я едва ли бывала на побережье. Только Брайтон.

— Я тоже не был здесь, — говорит он. — Я честно отметил один из этих пунктов на карте дома. Ну, потом погуглил, и оставил эту мысль. Но подумал, что это может быть весело.

Мы выбираемся из машины, Винтер остается на заднем сиденье, и Бригс открывает багажник, вынимая корзину для пикника. На мгновение я вспоминаю то время, когда пыталась устроить соло-пикник в парке на Принсес-стрит, и как была влюблена и как сильно хотела, чтобы он был со мной. Я также вспоминаю, как он, Хэймиш и Миранда прошли мимо, казалось бы, такие счастливы, и воспоминания, вроде как, убивают меня, когда я стою и смотрю на него.

Словно произошел взрыв, и пыль оседает, и я поражена, увидев, что мы все еще живы.

— Ты в порядке? — спрашивает он, закрывая багажник и ставя корзину на землю.

Я киваю, пытаюсь сглотнуть. Быстро двигаю плечами, как бы смахивая стыд и печаль. Но даже при том, что я не могу видеть его глаза за очками, я знаю, как хорошо он умеет читать меня.

— Нам стоит вернуться? — тихо спрашивает он, и я слышу боль в его голосе.

— Нет, — быстро говорю я. — Нет, я в порядке. Правда. Я просто... кое что вспомнила.

Он резко кивает.

— Ага. Знаешь, ты можешь сказать мне.

— Знаю. Все отлично. Это ничего, — последнее, чего я хочу — убить настроение.

Несколько мгновений он смотрит на меня, брови сведены вместе.

— Хорошо. Хочешь взять Винтера, а я понесу все это?

Я киваю, благодарная за отвлечение. Сажаю Винтера на поводок, и мы идем вниз по песчаной тропе между колышущейся травой, пока не оказываемся на пляже. Здесь как-то странно пусто и заброшено, нет ни пирса, ни тропинки, даже ни одного кафе, и никого не видно, хотя уверена, летом будет совсем другая история.

— Все лишь для нас, — комментирует Бригс, когда мы прогуливаемся до самого конца пляжа, где из моря выступают гигантские белые скалы. Несколько меловых скал стоят в одиночестве, как белые солдаты, выходящие на песок, и, когда случается отлив, кажется, словно вы можете блуждать между ними.

Но мы останавливаемся ближе к дюнам, и Бригс раскладывает вещи. Я снимаю Винтера с поводка, потому что вокруг никого нет, и он тут же начинает бегать вокруг, гоняясь за чайками.

— С ним все будет в порядке, — говорит Бригс, вынимая сигару. Я быстро бросаю ему «Зиппо», и он зажигает ее, делая длинную затяжку. — Садись, — приказывает он уголком рта.

Я сажусь на клетчатый плед, который он вытащил, и смотрю на море, а Винтер теперь играет в волнах и подбрасывает водоросли в воздух. Солнце низко позади нас, и ветер становится прохладнее, воздух пахнет морем и солью. Я глубоко вдыхаю, пытаюсь получить некоторую ясность.

Мне ненавистно то, что наше прошлое почти способно заставить меня упасть на колени, и меня раздражает то, сколько мне нужно времени, чтобы избавиться от чувства вины. Мой терапевт говорил мне, что я хотела держаться за это чувство, потому что думала, что заслужила его, и через какое-то время это просто вошло в привычку.

Бригс молча делает затяжку, а затем передает сигару мне. Я немного колеблюсь перед тем, как принять ее, решая, что она поможет мне расслабиться. А Бригс открывает Шираз и наливает в два пластиковых стаканчика.

— Знаю, ты не хочешь говорить об этом, — мягко говорит Бригс, ставя стаканчик рядом со мной. — Но... я просто хочу, чтоб ты знала, ты не должна ничего скрывать от меня. Не думай, что тебе это нужно. Не думай, что я не пойму.

— Знаю, — говорю со вздохом, прежде чем поднести сигару ко рту, на секунду задерживая дым на языке, прежде чем позволить ему выплыть из моих уст.

— Расскажи мне о своем времени во Франции, — просто говорит он.

Недоверчиво смотрю на него, убирая сигару.

— Ты имеешь в виду все последние четыре года?

Он снимает очки и прячет их в карман куртки.

— Да, — говорит он, глаза ищут мои. — До того, как ты приехала сюда.

Я качаю головой и быстро отпиваю немного красного вина.

— Ты не хочешь это знать. Это не счастливая история.

— Но это твоя история. Я хочу ее знать, Наташа. И я расскажу тебе свою.

Я пью больше вина, не уверенная, что тоже хочу услышать эту историю. Опять же, это Бригс, и он обнажает передо мной душу. Как я могу не взять от него все?

Когда я ничего не говорю, он продолжает:

— После того как они умерли, у нас, конечно же, были похороны. Я увидел людей, которых не видел годами. Это была действительно красивая церемония. Очевидно, тогда я не был способен оценить это. Как такое возможно, так ведь? Но сейчас, оглядываясь назад, это действительно было справедливо по отношению к Хэймишу и Миранде. Заметь, мне потребовались годы, чтобы научиться размышлять об этом с грустью и ничего больше, — он делает глубокий вдох. — В любом случае, я... что ж. Я потерял себя. Полностью. И до сих пор не знаю, почему не лежу на кухонном полу, поглощенный чудовищностью всего этого, понимаешь? Я действительно не думал, что смогу выбраться. Меня все еще удивляет, что я здесь.

Некоторое время он жуёт губу, глаза мучительно блестят, прежде чем снова затягивается сигарой.

— Знаешь, я пытался убить себя.

Мое сердце бьется о грудь, ему больно.

— Что? — спрашиваю я в тихом недоверии.

— Да, — медленно говорит он. — Полагаю, должен сказать, что это была попытка. Врачи прописали мне снотворное. Я принял слишком много. Я знал, что делаю. Проснулся на полпути к ванной в луже рвоты. И знаешь, что я почувствовал? Сначала облегчение, что это не сработало, что я жив. Но потом гребаная боль... это так тяжело. Именно от этого я и пытался убежать. — Он выдыхает. — Я никогда не пытался сделать это снова, но... я часто думаю об этом. Что, если бы тогда мне все же удалось?

— Мне очень жаль, — тихо вскрикиваю я, кладя руку на его. Моя душа плачет о нем, вина снова одолевает меня.

Он смотрит на меня твердым взглядом.

— Не извиняйся, Наташа. Они умерли. И это не зависело от тебя. Не зависело от нас. Я учусь понимать это и отделять чувства.

Он заставляет все казаться таким легким, но по его нахмуренному лбу я знаю, все совсем не так.

— Но, — продолжает он, — я не сразу смог вытащить себя из того состояния. Я потерял работу в университете. Потерял большинство друзей. Самоубийство не сработало, но в некотором смысле я все еще пытался сделать себя как можно более мертвым. Я почти не ел. Еле-еле спал. Я был едва жив. Ты бы меня не узнала. Я был просто... призраком.

Я смотрю на него с открытым ртом, страдая за него. Страдая за себя. Раны все еще слишком свежи и новы.

— И я.

— Так расскажи мне, — говорит он, передавая мне сигару. Он смотрит на меня, как на головоломку, которую пытается собрать. — Как ты справилась со всем?

Я верчу сигару в руках, делая глубокий вдох. Не уверена, что готова говорить об этом, но если я не буду готова к Бригсу теперь, не буду готова никогда.

— Я думаю... трудно говорить об этом. Не потому, что я боюсь, или мне слишком больно, хотя мне больно, и я боюсь. Просто у меня были две вещи, соревнующиеся за мое горе. Вина за их смерть...

— Хотел бы я никогда не говорить тебе те вещи, — задыхаясь, быстро говорит он. — Не

было и дня, когда я бы не пожалел об этом, о том, что возложил вину на тебя. Я был...

— Ты был в шоке и тебе было больно.

— Что не извиняет меня.

— Не надо искать еще один повод для вины, — говорю ему. — Это не оправдание, это просто правда. Я не виню тебя. Я бы, вероятно, сказала то же самое, сошла бы с ума от горя. Набросилась бы на любого. Просто ты... ты, твою мать, Бригс, разбил мне сердце. Ты дал мне вину и разломал меня на две части. Я умирала от обоих.

Его адамово яблоко подпрыгивает в горле, когда он с трудом сглатывает.

— Мне очень жаль, — говорит он хрипло.

— Нам обоим жаль, Бригс, — говорю ему. — Вот почему я не хочу, чтобы мы говорили об этом больше, чем должны. Мы облажались. Полностью испоганили все.

Он вздыхает и смотрит на море.

— Да.

— Так или иначе, — говорю я, спустя несколько мгновений, быстро затягиваясь сигарой, чувствуя, как гудят губы. — Я бросила учебу и поехала во Францию. Мой отец оказался единственным человеком, к которому я могла поехать, понимаешь? Мама в Лос-Анджелесе не стала бы возиться со мной. Она все еще едва ли общается со мной, и я тоже перестала пытаться. Но мой отец, я знала, он поможет мне. И знаешь, что? Он так и сделал. Я поехала в Марсель и жила с ним и его девушкой, пыталась снова жить. Выучила французский. Получила работу по уборке лодок на лето. Я даже пошла к терапевту, французу, и все. Были лекарства и много неудач. Время от времени у меня случаются панические атаки. Но пусть медленно, но я вытащила себя из ямы. И... я сделала все, чтобы не думать о тебе.

Он, нахмурившись, смотрит на меня.

— Ты, — объясняю я, — был моей погибелью. В конце концов, я смогла жить, не думая о смерти, не обвиняя себя. Но ты... ты был чем-то, что я вытолкнула из головы. И это сработало. Я двинулась дальше.

— Пока не увидела меня, — тихо говорит он.

— Пока не увидела тебя, — говорю ему.

— Ну, — говорит он с тяжелым вздохом. — Худшее свидание, какое только может быть, да?

Не могу не улыбнуться.

— Отчасти. Но я с тобой. Ты стоишь всего этого.

— Даже если я мужчина, который разрушил тебя?

Я оборачиваю руки вокруг него.

— Я не хотела бы быть разрушенной кем-то кроме тебя.

— Спасибо, — говорит он.

— Я серьезно. Бригс, ты уничтожил меня. Но ты снова собрал меня воедино. Если бы я не нашла тебя снова... Не знаю, почувствовала бы ли я когда-нибудь то, что чувствую прямо сейчас.

— Проживая снова плохие воспоминания?

— Нет, — мягко говорю я. Прочищаю горло, чувствуя слишком много эмоций, циркулирующих вокруг. — Я счастлива, — делаю паузу, пытаюсь объяснить. — Звучит слишком просто, я знаю, но...

— Я тоже счастлив, — говорит он, быстро улыбаясь мне. — Я точно знаю, что ты

имеешь в виду. Это не просто, Наташа. Это все.

Он наливает больше вина в наши стаканчики и поднимает свой.

— За нас. За все.

— За все.

Мы пьем. Курим. Я прислоняюсь к его плечу и смотрю, как Винтер играет с волнами. Мы разговариваем. Я рассказываю ему о своих планах после выпуска, о том, что хотела бы начать писать сценарии и, вероятно, вообще не использовать свою степень, он рассказывает мне об идеях для будущих книг. Мы обсуждаем фильмы. Обсуждаем актеров. Обсуждаем Европу и каникулы и французов. Мы обсуждаем профессора Ирвинга и то, насколько мы оба не любим его, и обсуждаем бармена Макса. Мы даже обсуждаем иностранцев, мельком, когда пытаемся найти лучший иностранный фильм (его — «Прометей», мой — «Чужие»).

В конце концов, солнце садится, и мы гуляем по пляжу в лавандовых сумерках. Сплетаемся между меловыми гигантами белого цвета, и я падаю на колени, беря его в рот и заставляя кончить прямо там, на пляже.

— Хорошее свидание, — говорит он, когда мы возвращаемся к машине.

— Хорошее свидание, — соглашаюсь я.

Мы забираемся внутрь и устремляемся обратно к огням Лондона.

Глава 16

НАТАША

Лондон

Четыре года назад

— Все еще ничего не слышала от него, да? — спрашивает Мелисса, когда мы садимся за стол, в руках по пинте пива. Я едва ли ела на неделе, поэтому пинта Гиннеса это максимум, что я могу проглотить. Просто невозможно есть, когда живот крутит от нервов, а сердце искрится, как только что зажженный фейерверк. С тех пор, как Бригс сказал мне, что любит, моя жизнь самым великолепным, непослушным образом перевернулась с ног на голову.

Но, естественно, Мелисса это не одобряет

Да и кто бы стал одобрять нас с Бригсом?

Я невинно смотрю на неё, осторожно потягивая пиво.

— Почему ты так думаешь?

Она закатывает глаза, убирая волосы от лица.

— Потому что ты продолжаешь витать в облаках и не слушаешь ни слова из того, что я говорю.

— Не правда, — говорю ей, указывая на неё пивом. — Ты только что сказала, стоит дать Малышу Билли ещё один шанс.

— Ну да, тебе следует так и сделать, — говорит она. — Да, ты говорила, что он фигово целуется, но это не значит, что и секс будет отстойным. Кроме того, ты замутила с ним до лета. К этому моменту все могло измениться.

Когда она говорит «до лета», знаю, она напоминает мне, какой я была до того, как встретила Бригса. Но все, что было до нашей встречи, теперь кажется не важным. Особенно

не Уильям Сквайр, кто не мог звучать ещё более по-британски, если бы попытался. Парень из моего класса, с которым я ходила на свидание, но не почувствовала абсолютно никакой химии. Целовать его все равно, что целовать очень мокрую, скользкую стену. Если бы у этой стены были длинные волосы и любовь к рокеру 80-х Себастьяну Баху. И, конечно же, когда я не встретила с ним снова, он тут же начал встречаться с кем-то другим из нашего класса. Вы могли бы подумать, что учеба в колледже отличается от учебы в школе, но некоторые люди просто не могут повзрослеть.

— Может быть, — произношу я свой уклончивый ответ.

— Ты же знаешь, то, что ты делаешь с Бригсом не правильно, так? — говорит она так просто, что это заставлял мой подбородок дернуться.

— Я ничего не делаю с Бригсом, — тихо говорю я.

— Точно. И поэтому, когда я показала у твоей двери, он был там. Он оставался на ночь. Ты сказала, он целовал тебя.

Я тяжело сглатываю, щёки горят от стыда.

— Я не спала с ним,

— Это не имеет значения, — говорит она. — Он женат. Он принадлежит жене. Не тебе. Мне все равно, если ты скажешь, что у них натянутые отношения в браке, что он ее не любит. Он сволочь, и он играет с тобой, как с какой-то тупой молодой американкой.

Я качаю головой. Отворачиваюсь быстро моргая. Страх приводит к слезам.

— Ты не знаешь его или его жизнь, его прошлое или то, через что я прошла.

Она фыркает и делает большой глоток пива.

— Ты не можешь иметь все, Наташа. Так не бывает.

Я беспомощно смотрю на неё.

— У меня нет всего.

— Да, есть, — горько усмехаясь, говорит она. — Ты выросла в чудесном доме в ЛА, занималась модельным бизнесом и играла.

— Моя мать безумна! Если бы ты встретила ее, ты бы так не говорила!

Она игнорирует меня.

— В твоём классе есть ребята, которые лебезят перед тобой, ты умна, у тебя отец во Франции, он известный оператор, ты выглядишь как гребаная кинозвезда, а теперь у тебя есть красивый женатый парень, который хочет бросить ради тебя жену. Нет, извини, но у тебя не может быть всего этого. Это не правильно. Ты должна отпустить его и просто принять тот факт, что некоторым вещам не суждено случиться. Химия — это все, но выбор времени — настоящая сука. Это не твоё время. На этот раз, в твоей жизни, это не твоё время.

Не могу поверить в то, что слышу. Дело не в Бригсе, а в том, что у Мелиссы предубеждения по поводу меня, и ни одно из них не является правдой. Я имею в виду, она описывает мою жизнь не такой, какая она на самом деле.

— Жизнь каждого человека отличается от того, что видят окружающие, — тихо говорю я. — Если ты готова в это поверить.

— Как скажешь, — пренебрежительно говорит она. — Ты же знаешь, я права. Как твоя подруга, должна сказать тебе, что гоняться за женатиком довольно низко, и, чем скорее ты двинешься дальше и станешь думать о парнях твоего возраста, тех, кто доступен, тем быстрее у тебя будет что-то, за что можно будет искренне порадоваться.

Ауч. Черт возьми. Но я не удивлена, не совсем. Объяснить нашу с Бригсом ситуацию просто невозможно. Если бы Мелисса не увидела его этим утром, я бы ничего ей не сказала.

Стыдно ли мне? Не знаю. Не из-за того, как я к нему отношусь. И не из-за того, что он чувствует ко мне. Я просто знаю, что это не то, чем можно гордиться. Любовь — это то, о чем я всегда думала достаточно категорично — ты или кого-то любишь или нет. Если ты любишь, хорошо. Как любовь может быть чем-то иным?

Но теперь я живу во всех оттенках серого. Как любовь может одновременно и поднять вас высоко-высоко и заставить упасть? Бригс заставляет меня чувствовать себя чистой и грязной, ничем не обремененной и виноватой. Я могу снова и снова говорить себе, что у нас в этом вопросе не было выбора, по крайней мере, я его не делала, но я смогла бы отключить эти чувства лишь так же легко, как перестать дышать.

У нас все сложно. Шар из узлов, который стоит развернуть. И если бы я не верила, что, в конце концов, все это будет стоить того, я бы не стала его преследовать. Не стала бы тосковать по нему, ожидая его звонка.

Я не была бы чертовой девушкой в баре, гадающей, когда мужчина, которого она любит, собирается оставить жену.

Я жалкая.

И я влюблена.

Думаю, в конечном итоге, это одно и то же.

— Послушай, — говорит Мелисса, теперь мягче. — Я знаю, ты влюблена в него. Я же вижу. Но ты никогда не сможешь быть счастлива с человеком, который оставит ради тебя жену. Все время ваших отношений ты будешь задаваться вопросом, а что, если он сделает то же самое с тобой?

Но я знаю, что он так не поступит. Он не предатель. Он просто дурак, как и я. Дурак, выбравший неудачный момент.

Мне нужно, чтобы мы сменили тему, поэтому я спрашиваю о ее свидании прошлой ночью, и, в конце концов, все заканчивается обсуждением того вечера, оставляя беспорядок в душе, и моя любовь уходит на второй план.

Когда в тот вечер, опьяненная пивом, я возвращаюсь в свою квартиру, в голове плавают слишком много мыслей. Я задаюсь вопросом, почему Бригс не связался со мной. Прошли дни. Я боялась контактировать с ним, не желая, чтобы он чувствовал давление или торопился с чем-то настолько деликатным. Поэтому я сижу, жду, беспокоюсь, и думаю, случится ли все то, на что я могла лишь надеяться.

Только поздно, когда я собираюсь отправиться в постель, наливая на кухне чай и надеясь, что немного ромашки и капля шотландского виски успокоит мой бушующий ум, у меня появляется это ужасное чувство страха. словно черная, болотистая тень пробирается через всю комнату, и, в конечном итоге, я затягиваю халат тугой, хотя ощущение, кажется, исходит из моих костей.

Я содрогаюсь и стараюсь игнорировать его. Несу чайник в свою комнату, хватаю iPad и начинаю бездумно прокручивать все обычные сайты. Просто Jared, Perez Hilton, IMDb Variety, The Hollywood Reporter, TMZ, US Weekly. Что угодно, чтобы отвлечь меня.

Когда звонит телефон, я наполовину уже сплю с iPad на лице. Я подпрыгиваю, моргая от суровых потолочных светильников, и быстро хватаю телефон из-под подушки.

Это Бригс.

Мое сердце уже мчалось, но теперь оно стремительно несется вперед словно безумное.

Я втягиваю воздух. Боясь стольких вещей. Новых начинаний. Конца. Каждый раз, когда вы думаете об этом, это пугает, и я знаю, когда отвечу на звонок, моя жизнь будет

продвигаться в каком-то направлении, которое навсегда изменит меня.

Я отвечаю.

— Привет, — говорю я, мой голос лишь шепот.

Долгая тяжёлая пауза.

Слышу его дыхание. Неровное.

Он громко сглатывает.

— Наташа, — говорит он, и голос настолько убитый, что по мне пробегают дрожь. Чувство, что что-то не так, возвращается, костлявая рука кружит у моей груди.

— Бригс, — говорю я. — Что такое? Что случилось?

Проходит ещё несколько мгновений. Я слышу его дыхание. Скулеж. Он плачет?

— Пожалуйста, поговори со мной, — шепчу я. — Пожалуйста. Расскажи мне, что происходит.

— Они мертвы, — говорит он так тихо, что мне приходится напрячь слух, чтобы расслышать.

— Кто? — спрашиваю я.

— Они умерли, — говорит он, и теперь кажется угнетенным. Ужасно угнетенным. — Миранда и Хэймиш.

У меня нет слов. Я в шоке. Моргаю и пытаюсь дышать. Это просто ужасная шутка. Как они могли умереть? Его жена и сын?

— Бригс... — говорю я. Облизываю губы, не зная, что говорить дальше. Я не нахожу это смешным, но опять же, это не пустяк, и он это знает. Я никогда не слышала, чтоб он был так серьёзен.

Просто продолжай говорить. Выясни, что происходит на самом деле. Никто не мертв. Этого не может быть. Всему этому есть объяснение.

— Они мертвы, Наташа, — говорит он, голос надламывается. Он глубоко дышит, дыхание ломается, и в этом разрыве, в глубине души, я ощущаю настоящую тоску. — Они мертвы. Это все наша вина. Мы сделали это. Мы сделали это.

Я не могу глотать. Сердце вырывается из груди, и я борюсь с параличом.

— Бригс, — шепчу я. — Пожалуйста, не говори так. Миранда и Хэймиш...

— Произошла авария, — прерывает он, снова этот монотонный голос. Боже, он словно робот. — Она была пьяна, ехала без автокресла. Я пытался остановить их, но не смог. Я оказался первым на месте происшествия, где они съехали с дороги, оба вылетели из машины. Этого бы не случилось, если бы я не сказал ей правду о нас.

— Что? — задыхаюсь я, не в силах осознать все это.

— Я сказал ей, что хочу развода. Она не согласилась. И я рассказал ей правду.

— Нет, нет, нет, — бормочу я, пульс зашкаливает.

— Она сорвалась. Это огорчило ее больше всего. Я должен был знать. Я же должен был знать, — он втягивает воздух и выпускает всхлип, который я ощущаю всем существом. — Если бы я мог все вернуть, я бы сделал все. Все. Разве ты не видишь, что случилось? Мы убили их.

Я не могу даже подобрать слова. Ничего из этого не ощущается реальным. Но я знаю, для него все это реально.

— Мне очень жаль, — говорю я смиренно. Так тихо и жалко, потому что, что я могу сказать? Как это может быть чем-то, кроме как плохим сном? Шуткой? — Ты уверен, что они мертвы?

Глупо. Так глупо. Но я не знаю, что сказать. Я кручусь и кружу вокруг этой правды, и не могу принять ее.

— Конечно, я охрененно уверен, — огрызается он. — Я... бл*дь, Наташа. Они мертвы! Это моя вина. Как я смогу продолжать жить с этим, с тем, что я сделал?

— Это не твоя вина, — говорю ему, умоляя, и слезы начинают падать. — Это не наша вина. Ты не знал. Откуда ты мог знать?

— Я должен был знать, — говорит он. — И теперь мой сын, мой сын... — Он замолкает, начиная рыдать.

О мой бог.

Боже мой.

— Мне очень жаль, очень-очень жаль, — восклицаю я, тело начинает дрожать, когда правда медленно доходит до меня. — Бригс, пожалуйста, прости.

Он плачет на другом конце, и мое сердце словно разбивается и разбивается молотком, а затем чувство вины накрывает меня сверху, сеть, вечно удерживающая меня в правде того, что мы сделали.

В нашей любви нет серого. Есть только чёрное. Резкое, тяжёлое и совершенно неправильное.

Я лишаюсь всего, что есть. Любви, жизни, души. Через секунду все это исчезнет.

— Я больше никогда не увижу тебя, — говорит он мне, и силы снова возвращаются к нему. — Мы сделали это. Мы были ошибкой. Ужасной гребанной ошибкой, и она стоила мне абсолютно всего.

Я не могу говорить. Качаю головой, слезы текут.

— Прощай, Наташа, — говорит он. — Пожалуйста, не связывайся со мной. Ты никогда не существовала. Мы никогда не существовали. Нас никогда не будет. Я этого не заслуживаю.

Телефон отключается и повисает тишина.

Я бросаю его на кровать, смотрю на него, пока слезы не размывают зрение. Я пытаюсь дышать, но не могу. У меня пересохло в горле, сердце хочет вырваться из груди и убежать далеко-далеко. Не могу винить его. Я хочу убежать, хочу умереть. Хочу выкопать могилу и похоронить себя глубоко-глубоко.

Бригс потерял жену и ребёнка.

Свою жену.

Своего ребёнка.

Красивого, улыбчивого мальчика, которого он любил больше всего на свете.

В одно мгновение он потерял все.

Потому что полюбил меня.

Он выбрал меня.

Рассказал правду.

Нашу ужасную, грешную правду.

Я падаю обратно в постель, чувствуя, как черные руки хватают меня и душат. Меня не волнует, что будет дальше. Сердце разбивается и осядет от его слов, зная, что я никогда не увижу его снова, зная, что мы были ошибкой. Моя душа плачет о тех жизнях, которые мы отняли. Все мое существо умирает, потому что я знаю, как бы я ни чувствовала себя сейчас, какими бы страшными ни был груз и стыд, которые мне придется нести, это ничто по сравнению с тем, через что придется пройти Бригсу.

Я ужасный человек.

Самый худший.

Мелисса понятия не имела, как низко я пала, до какой степени на самом деле опустилась.

Я так сильно ненавижу себя. Очень сильно.

Глядя в потолок, я плачу, сначала молча, потом начинаю кричать, орать, задыхаться от слез. Кусаю кулак, пока не оставляю глубокие следы зубов на коже, маленькие красные борозды, почти разрушающие поверхность. Грудь и сердце, кажется, сходятся в одной точке, разбиваясь на мелкие кусочки, заставляя меня содрогаться и дрожать, борясь за жизнь и желая умереть. Все в одно и то же время.

Боли так много, слишком много, и я не могу остановиться, я громко кричу, плачу, мечась по кровати на этом тонущем корабле.

Я сделала это.

Я заслуживаю этого.

Этого горького, чёрного конца.

Я никогда не двинусь дальше.

Никогда не буду прежней.

Никогда не перестану ненавидеть себя.

Я убила двоих человек.

И я никогда снова не увижу Бригса МакГрегора.

Глава 17

БРИГС

Лондон

Наши дни

— Папочка, — говорит Хэймиш, голос такой нежный и любопытный.

Даже не глядя на него, я знаю, что это сон, что не останавливает мое сердце от расширения, потому что каждая часть меня жужжит от ощущения того, что значит быть живым. Возможно, мне снится сон, но это благословение знать это, держаться за каждый образ, за каждое чувство.

— Что такое, Хэйм? — поворачивая голову, спрашиваю я.

Мы лежим рядом на траве в саду на Принсес стрит. Я на боку, листая его раскраску, в то время как он лежит на спине, указывая на небо пухленькими пальчиками. Я так и не понял, в кого он такой. Мы с Мирандой худые, но, полагаю, такое могло передаться неизвестно откуда. И хотя у меня в бороде, когда она отрастает, есть немного рыжих волос, Хэймиш просто морковка. Все говорили, что он потемнеет, как и я, когда подрастёт, но у меня было ощущение, что он ещё долго останется рыжиком.

Полагаю это нечто такое, чего я никогда не узнаю.

— Что это за облако? — спрашивает он, и я смотрю вверх на проплывающие облака, на которые он указывает.

Я прищуриваюсь.

— Ну, даже не знаю. Что ты видишь?

— Это сожаление?

Я добродушно смеюсь.

— Ты имеешь в виду созвездие. И это ведь когда видны звезды. Только ночью, когда темно.

— Почему мы не видим звёзд днём?

— Потому что, — говорю я ему, выбирая простое объяснение, — звезды такого же цвета, что и солнце, но солнце ярче. Оно заставляет их исчезнуть.

— А что такое облака?

— Сахарная вата, — говорю ему. — Божьи подушки. У них так много функций.

— Расскажи мне историю об этом облаке, — говорит он, указывая вверх.

Облако бесформенное, но на моих глазах превращается в лицо. В лицо Наташи.

Я с трудом сглатываю.

— Это девушка, — тихо говорю я.

— Она принцесса, — предполагает он. — Расскажи мне историю о ней.

Я смотрю на таинственные глаза Наташи и высокие скулы, видные в дымке белого.

— Жила была принцесса, которая очень любила мужчину. И мужчина любил ее. Он поклялся, что убьет ради нее драконов, пройдет через опасные земли, сделает все, что угодно, чтобы только быть рядом с ней. Он готовился к тому моменту, когда она будет принадлежать ему, а он ей. Но этот момент не наступил, когда он думал, должен был. Вместо этого мужчина должен был потерять все в своей жизни.

— Он получил принцессу в конце?

Я смотрю на Хэймиша со слезами на глазах.

— Не знаю, сынок. Он все ещё сражается с драконами.

— А у мужчины был сын?

Я киваю.

— Да, — шепчу я. — Замечательный, красивый сын.

— Где теперь его сын?

Делаю глубокий, дрожащий вдох и снова смотрю на облако Наташи, которое становится все более размытым.

— Его сын был одним из тех, кого он потерял. Он больше никогда не видел его.

— Думаешь, они когда-нибудь найдут друг друга?

Я киваю, слеза течёт по моей щеке и падает на траву.

— Может быть лишь во сне.

— Почему ты плачешь? — спрашивает он меня.

Я поворачиваю голову и люблюсь его красивым личиком.

— Потому что, я люблю тебя. И просто хочу убедиться, что ты в порядке.

Он улыбается мне, хвастаясь отсутствующим зубом.

— Ты знаешь, что я в порядке. Я здесь, с тобой. Я всегда с тобой.

Тянусь, чтобы схватить его за руку, и на мгновение мне это удаётся. Такая маленькая, хрупкая и тёплая в моей хватке. Это похоже на рай.

Затем, подобно облакам, он начинает исчезать, превращаясь в белую дымку, пока у меня не останется ничего, кроме воздуха. Мое тело начинает вырываться из сна, ложная реальность проносится мимо, пока не исчезает.

Я медленно просыпаюсь. Когда у меня бывают такие сны, я держусь за них изо всех сил.

Не открываю глаза и не встаю. Никуда не спешу. Хватаюсь за каждое чувство и каждое воспоминание прежде, чем они навсегда уйдут. Сны — это единственный способ увидеть Хэймиша, и я был бы дураком, если бы тратил их впустую.

Сегодня все иначе. Я чувствую это своими костями, этой темной материей, которая, кажется, вытекает из моего тела и на стены.

Сегодня — 26 сентября.

Годовщина смерти Хэймиша и Миранды.

Я должен вернуться в Эдинбург, посетить кладбище — как делаю каждый год — иногда один, иногда со своими родителями. Но это первый год, когда я снова стал работать, первый год, когда я пытаюсь действительно взять себя в руки.

Достаю телефон и проверяю расписание поездов, задаваясь вопросом, хватит ли у меня в эти выходные времени, чтобы доехать до Эдинбурга. Не думаю, что у меня получится, и я решаю, что мне нужно сделать что-то здесь, в Лондоне, чтобы почтить их. Не знаю что именно, но даже просто купить любимые цветы Миранды и любимые наклейки Хэймиша и бросить их в Темзу, ощущается достаточным.

Но этого никогда не бывает достаточно. Это то, что нужно. Нет ни одного ритуала, который я мог бы проделать и он был бы достаточным, потому что ничто не сможет передать, как я сожалею, и ничто никогда не вернет их в мою жизнь. Мои попытки почтить их служат лишь для того, чтобы принести мне мир и больше ни для чего.

Даже сейчас, в муках любви, мир все еще так быстротечен.

Позже утром, когда я собираюсь бежать в колледж, я получаю от Наташи смс, в которой она спрашивает меня, не пойти ли нам обедать вместе. Помимо нескольких ночей здесь и там, мы все свое свободное время проводили вместе, поэтому планы выглядят как данность. Замечательная, легкая данность.

Но не сегодня вечером

Я пишу в ответ: **Я не лучшая компания. Хэймиш и Миранда умерли в этот день.**

После этого наступает долгая пауза, и тогда появляются эти точки, когда она снова и снова пытается набирать что-то. Наконец она присылает: **Прости, я не знала.**

Знаю, что ты не знала. Все нормально. Поговорим позже.

Я не хочу быть сдержанным и не общаться по этому поводу, но в такое время было бы странно нам быть вместе. Кроме того, мне нужно побыть одному. Я должен побыть один. Иначе было бы неправильно.

Хотя весь оставшийся день ничто не кажется правильным. Я скорблю о Хэймише, и каждый день испытываю чувство вины по отношению к Миранде, так что этот день не должен отличаться от обычного. Но так и есть. Я едва справляюсь с уроками, и не занимаюсь книгой или подготовкой к урокам. Просто не могу. Я уйду и направлюсь домой, удивляя Винтера длинной прогулкой вокруг Риджентс-университета, утопая в своих печалях до такой степени, что даже Винтер подавлен, его голова опущена, глаза настороженно смотрят на меня.

Когда я возвращаюсь, Винтер направляется прямо на диван и смотрит на меня большими голубыми глазами. Я наливаю себе виски и смотрю в окно на Бейкер-стрит, пытаюсь затеряться в воображаемых жизнях людей, идущих туда-сюда. Но я не могу. Я не могу избежать боли и жизни, которую выбрал.

Выхожу за дверь, на улице темнеет и холодает, резкий холод осени. Я выбираю пионы, любимые цветы Миранды, затем направляюсь в магазин игрушек. Сразу же теряюсь в

стеллажах, пытаюсь найти то, что бы ему понравилось. Он любил динозавров. Жуков. Монстров. Науку. Я выбираю пачку наклеек с динозаврами с T-Rex и Stegosaurus, которые ему бы понравились, а затем спускаюсь к Темзе.

Не утруждаю себя пользоваться метро. Я хочу провести время так, словно это ритуал, проходя через все прекрасные вещи, которые помню. Иногда четыре года кажутся вечностью. Иногда все словно случилось сегодня утром. Как я могу помнить так много и, в то же время, так мало? Как мертвые могут быть так близко и так далеко?

И все же, пока я иду, с таким бременем на сердце и тяжелым весом времени, я думаю о Наташе. Думаю о том, что она должна быть здесь со мной. Я люблю ее. Всем сердцем. И несмотря на то, что мы были друг с другом, к чему привели наши действия, я хочу быть с ней столько, сколько смогу.

Я не могу сделать это один. Не буду делать это в одиночку. Уже нет. Если она собирается разделить со мной жизнь, она должна разделить каждую ее часть, включая уродливые истины, которые мы так стараемся не замечать. Мы оба очень боимся упоминать наши слабости, говорить о том, что сделали, хотя никогда и не хотели, чтобы произошло нечто подобное. Мы оба ходим на цыпочках вокруг того, что сожгло нас обоих до основания, того, что связывает нас. Это нельзя игнорировать.

В невежестве нет никакого истинного покоя.

Я вынимаю сотовый и звоню ей.

— Привет, — сразу же отвечает она, хотя голос немного осторожный. Я слышу шарканье, и знаю, она пытается быть осмотрительнее рядом с Мелиссой. Единственный вопрос, в котором нам стоит соблюдать осторожность. Кажется, она думает, что у Мелиссы есть что-то на меня, и я не могу не согласиться с ней.

— Послушай, — говорю ей. — Можешь встретить меня на Набережной?

— Сейчас?

— Пожалуйста.

— Конечно. Сейчас приеду.

Я отключаюсь и замедляю шаг, дышать становится легче.

К тому времени, как я пробираюсь через западный Лондон к станции Набережная, я вижу, как Наташа выходит на улицу. Быстро машу ей, держа цветы на низком уровне.

Она направляется ко мне, и, к счастью, на ее лице никаких признаков ожидания, что цветы для нее.

Я нежно целую ее и показываю ей цветы и наклейки.

— Цветы для Миранды, — говорю ей, надеясь, что это не слишком странно. — Она всегда сходила с ума по пионам. Наклейки для Хэймиша. T-Rex и Stegosaurus были его любимчиками. Он всегда сражался с ними. Я всегда задавался вопросом, что произойдет, когда он станет достаточно взрослым, чтобы понять, что оба динозавра жили на расстоянии в миллионы лет и никогда не существовали вместе.

Она мило улыбается, но я знаю, что она плакала. Ее глаза серьезные, блестящие от усталости.

— Уверена, он был бы так же расстроен из-за того, что Санта-Клауса не существует.

— Вероятно, ты права.

Я беру ее за руку, и мы идем к набережной, направляясь под мосты Золотого Юбилея. Ночью, несмотря на все мерцающие огни, река темна как грех. Она выглядит бездонной, местом, что держит монстров в своем сердце.

— Я не ожидала услышать тебя, — шепчет мне Наташа, когда мы прогуливаемся мимо нескольких бегунов, вышедших на ночную пробежку, мимо барж и лодок, с которых доносится пьяный смех людей, не несущих никакого бремени. Лучи света плещутся на воде, воздух пахнет солью и влагой, как в сыром подвале.

— Сам не ожидал, что позвоню, — признаю я. — Но, наверное, я кое-что понял. Не важно, насколько это трудно для меня, я не хочу делать это в одиночку. Я не обязан. У меня есть ты.

— Бригс, — тихо говорит она.

— Я знаю, — говорю ей. — Знаю, это кажется неправильным, но это правильно. Я хочу жизнь с тобой, Наташа. И мы оба очень пострадали из-за того, что сделали. Никто из нас не хотел этого. Но что есть, то есть. И у нас не так уж много надежды преодолеть все это, если не вместе. Моя боль — твоя боль. Твоя боль — моя боль. Мы понимаем друг друга, мы понимаем все это, в отличие от всех остальных.

Она сжимает губы, кивая.

— Ты уверен, что хочешь, чтоб я была там? Это ведь очень личное.

— Личное, да, — говорю ей. — Но, дорогая, ты моя личная жизнь. Я хочу, чтобы ты была везде, так же, как хочу и сам быть во всех аспектах твоей жизни. Это очень личное, и мне нужно поделиться этим с тобой. Это единственный выход. Единственный выход.

Мы идем немного вперед, пока не доходим до золотой крылатой статуи мемориала RAF, где он, как солдат на страже, смотрит на реку. Ступеньки ведут вниз к краю воды, и на той стороне всегда блуждающее колесо Лондонского взгляда смотрит вниз на нас.

Здесь уединенно. Кажется, так же хорошо, как и в любом другом месте. Хэймиш был бы очарован статуей, а Миранде понравился бы вид Лондона.

Мы с Наташей стоим рядом, опираясь локтями на перила. Сначала мы не разговариваем. Существует слишком много того, что надо сказать, и недостаточно слов, чтобы выразить. Я перебираю в голове все, что любил в них, и когда дело доходит до Хэймиша, эмоции переполняют меня, их слишком много. Слезы сразу же колют, обжигают глаза, и грудь тут же наливается свинцом. Нет ни единого шанса, что я смогу выбраться из этого, не превратившись в полную развалину.

Но Наташа протягивает руку и берет меня за мизинец, и этого прикосновения достаточно, чтобы сообщить мне, что она здесь для меня, и каким-то образом это дает мне смелость найти мои первые слова.

— Мы здесь сегодня вечером, — говорю я черной реке, голос уже надламывается, — чтобы выразить наше почтение Миранде Хардинг и Хэймишу Хардинг МакГрегору. В этот день, четыре года назад их неожиданно и несправедливо забрали из этого мира, слишком рано. — Я делаю глубокий вдох и закрываю глаза. Воздух соленый, маслянистый, слабо пахнущий сточными водами. — Не думаю, что этот день станет легче. Не думаю, что таким станет любой день, потому что они живут не только в моей памяти. Они живут во сне и в моем сердце. Они живут в моей душе, и я с радостью сохраню их в этом месте. Я лишь хочу... хочу, чтобы они знали, как я сожалею обо всем, что когда-то сделал, что причинило им боль. Хочу, чтобы они знали, что я действительно, так или иначе, любил их. Хотя у Миранды и у нас были разногласия, она все еще была матерью моего ребенка, и я уважал это. Я бы отдал все, чтобы вернуться во времени назад и предотвратить все это. Не позволил бы ей приблизиться к скотчу. Не позволил бы приблизиться к Хэймишу. Я бы предусмотрел такое развитие событий и спрятал ключи от машины. Сделал бы все, что угодно.

Я осознаю, что никогда не рассказывал Наташе о том, что произошло в ту ночь, и, судя по тому, как слезы текут из ее глаз, по тому, как ее рука сжимает мой палец, ей больно.

Я продолжаю, в горле пересохло.

— Есть очень много вещей, которые я мог бы сделать, чтобы предотвратить их смерть, и ни секунды не проходит, чтобы я не сожалел об этом. Как бы мне не хотелось, я не могу повернуть время вспять и все исправить. Но я медленно, очень медленно научился не сожалеть о том, что первым делом поговорил с Мирандой.

Я смотрю на Наташу, которая смотрит на меня широкими блестящими глазами.

— Я не жалею об этом. Не хочу изменить. Потому что, такова правда, и правда должна быть сказана. Может быть, какие-то вещи лучше оставить в темноте, но я никогда не верил в это. Как только я осознал, чего у меня нет, я не мог жить ложью. Правда ранит. В этом случае, она убила. Но я больше не согласен сковывать себя этим чувством вины. Я отказываюсь прожить жизнь в стыде, потому что влюбился в кого-то еще и потому, что я решил поступить правильно, даже если это обидело кого-то. Мне нужно примириться с этим, и я думаю, Хэймиш, и в глубине души, Миранда, согласились бы со мной. Их утрата лишила меня жизни и души, и бесповоротно изменила многие жизни. Но я также знаю, что они оба хотели бы, чтобы я двигался дальше, шел вперед, был счастливым.

Вздыхаю и поднимаю букет цветов, срывая несколько лепестков.

— Я поступил неправильно и старался поступать правильно. Но это уже не о моей вине, чувстве стыда или страдании. Это все лишь о двух очень особенных людях, которых забрали слишком рано, по которым я скучаю каждый день, и которых мне хотелось бы увидеть еще раз. Речь идет о жизнях Миранды и Хэймиша, о людях, которых они любили, и о тех, кто любил их.

Я разбрасываю светлые лепестки по темной воде. Они выглядят как звезды, блуждающие по движущемуся небу. Вынимаю наклейки с динозаврами и делаю то же самое.

— Люблю тебя, малыш. И скучаю по тебе. Ты бы не поверил, как сильно. И я знаю, знаю, иногда ты рядом со мной. Или, возможно, как ты говоришь в моих снах, ты постоянно рядом. Мне очень жаль, что я так и не узнаю, каким человеком ты станешь. Я также сожалею, что мир отнял возможность узнать это. Но что-то подсказывает мне — может быть, это просто глупая надежда — что я все еще знаю. Независимо от того, сколько лет прошло, я все равно знаю тебя. Здесь. — Прижимаю кулак к сердцу и пытаюсь дышать. Это чертовски сложно. — Я люблю тебя.

Затем падаю на землю, ноги не держат меня.

Наташа опускается со мной, пытаюсь поддержать меня, но я не могу. В конечном итоге я просто держусь за нее, обнимая за плечи, как будто не могу держаться достаточно крепко. Я плачу, рыдая в ее плечо, чувствуя так много любви и так много душащей меня боли. Это сводящий с ума спуск во тьму, и я чувствую, что скольжу.

Но она — свет. Она даёт мне свет. Она держится и говорит мне, что я хороший человек и что я заслуживаю прощения, заслуживаю освобождения. Она говорит красивые вещи, и я чувствую ее веру, чувствую силу, хотя знаю, темнота овладевает и ей. Интересно, будет ли это всегда так: взаимное утопление, нисходящая спираль двух из нас, держащихся за руки, пока мы идем.

И я задумываюсь, всегда ли мы сможем вытащить друг друга из этого.

Но потом, когда ночь продолжается, и мы лежим у реки, прижавшись друг к другу в отчаянных и диких объятиях, я знаю, что мне не нужно задаваться вопросами.

Пока она со мной. До тех пор, пока я с ней, мы всегда будем вытаскивать друг друга из этого.

Мы навсегда окружены пеплом.

Но мы огонь.

И огонь поднимается.

Каким-то образом, когда все слезы высыхают, в груди оцепенение, а мое лицо напряжено, мы оба встаем на ноги. Мир крутится вокруг нас — темные, плещущиеся волны, движение на мостах, сверкающие огни Глаза, пабы и лодки, и жизнь продолжается — и я чувствую, что мы просто попали в проходящий шторм. Ужасный, разрушительный и беспощадный на своем пике, но, затем, он вскоре ослабевает и движется дальше. Он оставляет все за собой как разрушенным, так и чистыми.

Наташа обнимает меня за талию и прижимает голову к груди. Я сжимаю ее затылок, благодаря Бога за нее, благодаря за то, что он позволил буре пройти, и поднялся свет. Может быть, это не всегда будет так, но сегодня, когда мне действительно нужно, все именно так.

Думаю, я наконец-то знаю, каково это — расставить все по своим местам. Это дрянная, грязная работа, но я все еще здесь.

— Я очень сожалею, — шепчет она мне. — Обо всем.

— Мне тоже жаль, — говорю я. — Но я не жалею о тебе.

Она смотрит на меня вверх, и я вытираю слезу с ее щеки, прежде чем нежно поцеловать губы.

— Пойдем со мной домой, — шепчу ей.

Она кивает, и мы возвращаемся через город, оставляя цветы, наклейки и слезы на Темзе.

Глава 18

БРИГС

— Профессор МакГрегор, выглядите не очень горячо.

Я даже не отрываю взгляд от своих заметок. Быстро убираю их в портфель, пока студенты выходят из комнаты, желая, чтобы Мелисса ушла с ними.

— Ну, это неправда, — тихо добавляет Мелисса, подходя ближе, пока практически не ложится на стол. Боковым зрением я вижу, как ее красные ногти барабанят по поверхности. — Вы всегда очень секси. И вы это знаете. Зачем еще вам носить такие обтягивающие бицепсы рубашки? — я практически ощущаю, как ее похотливые глаза шарят по мне. — Но вы выглядите уставшим. Что-то не так?

Закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Знаю, я выгляжу дерьмово. Этот уик-энд истощил меня. Хотя поминание рядом с Наташей было более очищающим, и моя душа чувствует себя бесконечно свободнее, это не означает, что эмоции до сих пор не зашкаливают. Узы стыда и вины могут, наконец, ускользнуть от меня, но горе никогда не отпустит. Оно может ослабевать, может затихать время от времени, но оно навсегда, на всю оставшуюся жизнь, привязано ко мне. Сейчас я смирился с этим, что мне никогда не удастся заполнить пустоту, оставленную позади, но только потому, что вы принимаете что-то, не означает, что все становится легче.

Тем не менее, я еще не смирился с тем фактом, что каждый раз, когда Мелисса поблизости, она достает меня своими неопределенными вопросами. Несколько раз, когда я

обсуждал ее с Наташей, она поддерживала подругу, хотя у нее, кажется, были свои собственные оговорки. Может быть, потому что она действительно единственная подруга, которая у нее есть, может быть, потому, что Мелисса, по крайней мере, в ее глазах, слишком беспокоится за нее.

Но есть тут что-то еще. Я точно знаю. И меня пугает сама мысль, что это «что-то» может остаться незамеченным, пока не станет слишком поздно.

Ты параноик, — говорю я себе. — *Снова.*

Но когда, наконец, смотрю вверх, чтобы дать ей «Почему ты все еще здесь?» взгляд, я улавливаю вопиющее выражение похоти в ее глазах. Похоти и чего-то нездорового. Думаю, именно такой взгляд получают многие девушки от мужчины, у которого на уме лишь плохие намерения.

— Вы хотели мне что-то сказать? — спрашиваю ее, игнорируя сказанное ранее и пытаюсь говорить настолько уклончиво, насколько это возможно.

— Мне просто интересно, какие у вас взгляды на свидания со студентами, — говорит она с фальшивой невинностью, лицемерно наморщив гигантский лоб.

Мои глаза чуть не вылезают из орбит.

— Простите? — я нервно оглядываю класс, чтобы узнать, слышал ли кто-нибудь, но теперь мы одни, что и хорошо и плохо.

— Оу, расслабьтесь, — говорит она, пожимая плечами. — Это всего лишь вопрос. Знаете, я не кусаюсь. Если только мне не скажут. Я очень хорошо выполняю определенные приказы.

Хмуро смотрю на нее, качая головой, пытаюсь собраться с мыслями.

— Уверен, вы знаете правила относительно подобного. Как это относится к сегодняшнему уроку или любому другому?

— Я знаю правила о личных отношениях со студентами, — медленно говорит она. — Но вы, вы делаете исключения?

— Нет, — говорю я, шевеля челюстью в попытке снять напряжение. — А теперь я притворюсь, что вы меня об этом не спрашивали.

— Почему? — спрашивает она, обходя стол и останавливаясь всего в нескольких дюймах от меня. — Я заставляю вас нервничать?

Я держу голову высоко поднятой.

— Честно говоря, Мелисса, вы заставляете меня чувствовать себя неловко.

Она наклоняет голову, оценивая меня с ухмылкой.

— Потому что завожу вас, вот почему.

Господи, она сумасшедшая.

— Прошу прощения?

— Вы меня слышали. Я заставляю вас чувствовать себя неловко потому, что вы хотите меня, просто и понятно. Не виню вас. Здесь нечего стыдиться. И я определенно никому не скажу.

— Мелисса, если вы не уйдете, я собираюсь обсудить этот вопрос с университетом, — говорю ей, пытаюсь подавить начинающийся разгораться гнев. — Это работает в обоих направлениях. Флирт с учителем не одобряется, как и наоборот.

Ухмылка начинает исчезать. Она прищуриваются.

— Вы бы действительно донесли на меня? Только за то, что говорила с вами?

— Да, — говорю ей. — Потому что это не просто разговор, и вы это знаете. Я буду

притворяться, что не знаю, что вы, черт возьми, предлагаете, но между мной и вами мне подобные отношения не нужны.

Ее голова дергается, словно ее ударили. Я не чувствую себя плохо из-за этого, но, когда вижу презрение, появляющееся в ее глазах, начинаю жалеть о своей грубости. Она не из тех, кто легко принимает отказ, и сейчас я это понимаю.

— Что вы сказали мне? — шепчет она.

— Я сказал, убирайся отсюда, — указываю на дверь. — И в следующий раз, когда захочешь поговорить со мной, я удостоверюсь, что мы не одни. И если мы останемся одни, я обязательно запишу наш разговор. Понимаешь? Не знаю, в какую гребаную игру ты со мной играешь, но она заканчивается здесь и сейчас. Я не интересуюсь тобой, и я бы не стал, даже если бы ты не была моей студенткой. Как только ты примешь это, в этом семестре тебе станет легче.

Она смотрит на меня.

— Ты настоящий мудила, ты это знаешь? Чертов дрончер.

— Меня называли похуже люди, более важные, чем ты, — указываю головой на дверь и вынимаю телефон. — И у меня нет проблем с нажатием кнопки записи прямо сейчас, если ты действительно хочешь сделать все более сложным, чем есть.

Она втягивает воздух сквозь зубы, кажется, закипая, затем качает головой.

— Ты пожалеешь об этом.

Я кисло улыбаюсь ей.

— Нет. Не говори мне о сожалении. Ты ни хрена не знаешь о сожалении. Теперь, иди.

Она шокировано моргает, прежде чем разворачивается и выбегает из комнаты. Я громко выдыхаю, пытаюсь набраться сил и привести мысли в порядок.

Мне нужно поговорить с Наташей о ней, я просто не знаю, как это преподнести. Не знаю, какие проблемы она собирается создать для нее, и последнее, чего я хочу, это чтобы ее выгнали. Мелисса платит за квартиру, и если Наташа что-нибудь ей скажет, Мелисса придет в бешенство и Наташа уйдет. Она не может жить со мной, в любом случае, не в долгосрочной перспективе, пока у меня еще есть работа. Я рискую, тайно встречаясь с Наташей, но жить вместе — это совсем другой риск.

Лучшее, что я могу сделать, это просто в какой-то момент рекомендовать Наташе переехать, ничего не говоря ей о Мелиссе. Мелисса знает, через какой ад нам обоим пришлось пройти. Ни один настоящий друг не будет так бесцеремонно преследовать другого мужчину, как бы все не кончилось тогда, хорошо или плохо.

Неделя идет, и я понимаю, что не в состоянии обсуждать это с ней, даже при том, что прятки начинают казаться утомительными вместо того, чтобы быть волнительными. Когда мы выходим вместе на ужин, в паб или в кино, когда мы просто гуляем по городу, мы стараемся делать вид, что у нас строго платонические отношения. Лондон — огромный город, но, в то же время, мир такой маленький. Хотя мы оба время от времени забываемся, держась за руки и воруя поцелуи на публике, мы оба всегда осознаем, что кто-то может увидеть нас. И нет, она не моя студентка, но это все еще риск.

Вот почему, когда наступает пятница, я почти пребываю в экстазе. Я везу ее в Эдинбург, чтобы познакомиться с семьей, место, где нам не надо быть секретом, по крайней мере, в настоящем. Еще я нервничаю, беспокоюсь и чувствую целую кучу других вещей, заставляющих мое сердце биться быстрее.

Наташа приходит ко мне домой после занятий, как раз вовремя, чтобы увидеть, как

Шелли выводит собаку на прогулку. Она будет присматривать за ним, пока я в отъезде, и обычно пушистый мерзавец начинает паниковать, когда я собираюсь и ухожу. А так он просто думает, что идет на прогулку, и что я буду здесь, когда он вернется, хотя, клянусь, выходя за дверь, он посылает мне уничижительный взгляд.

Наташа расхаживает по гостиной, заламывая руки и кусая губы.

— Ты тоже нервничаешь? — спрашиваю ее, изумляясь, что вижу такой.

— Конечно! — восклицает она. — Я же, черт побери, знакомлюсь с твоими родителями. И твоим братом. Я слышал о них всего миллион раз.

— Тогда ты уже знаешь, что они прекрасные люди, — говорю ей, обнимая за талию и улыбаясь. — Они полюбят тебя.

— Но они меня не знают, — возражает она. — Они не знают о настоящих нас.

Я вздыхаю, закрывая глаза.

— Я знаю. Но им нельзя знать.

— Они должны, — говорит она, и я открываю глаза, чтобы увидеть, как она отчаянно ищет мои. — Разве ты не понимаешь? Это не знакомство с семьей. Речь идет о том, чтобы жить во лжи.

— Мы больше не живем во лжи.

— Тогда что мы скажем? — спрашивает она. — Когда они спросят, как мы познакомились?

— Я уже говорил тебе. Мы не будем вдаваться в подробности. Я встретил тебя несколько лет назад, когда ты работала на фестивале короткометражных фильмов в Эдинбурге. Это ведь был день нашей встречи? Все это правда. Этой правды и будем придерживаться

— И что потом? — говорит она, вырываясь и направляясь к окну. — Я... — тяжело вздыхает и смотрит на свои руки. — Я никуда не пойду, Бригс. Это только начало. Но через несколько лет? Что потом? Истина — вся правда — всплывет.

— Тогда мы разберемся с этим, — говорю ей. — Им не нужно знать все, и, конечно, не все сразу.

Она обеспокоено смотрит на меня.

— Ты боишься рассказать им. Почему?

— Потому, — отвечаю ей.

— Ты стыдишься, — тихо говорит она.

— Нет. Не тебя. Не всего этого. Просто... — развожу руками. — Ты же знаешь, насколько все сложно.

— Но твоя семья — милые люди, ты сам сказал. У твоего брата, кажется, больше проблем, чем у Чарли Шина. Разве ты не думаешь, что они все поймут правду? Они не станут винить тебя. Может им даже многое станет ясно.

Я разочарованно потираю рукой лицо.

— Когда придет время. Это... Я просто хочу, чтобы они увидели тебя так, как вижу я. Как должно быть.

— Ты имеешь в виду, не как другую женщину.

— Ты знаешь, что я имею в виду, — быстро говорю я, подходя к ней и беря ее за руку. — Нет другой женщины. Никогда не было. Это была только ты. И я хочу, чтобы они видели только тебя. Пожалуйста. Только один раз. Мы выясним будущее позже.

Она кивает.

— Ладно.

Целую ее руку.

— Спасибо.

— Я просто ненавижу врать. Знаю, что Мелисса не поверила мне, когда я сказал ей, что уезжаю.

Я напрягаюсь. Внезапно становится трудно дышать.

— Что? — удается выдавить мне.

Она пожимает плечами.

— Ну, я не могу сказать ей, что уезжаю с тобой. Как я уже говорила, она опекает меня, и ты ей не нравишься. Поэтому я сказала, что собираюсь в Глазго с вымышленным Брэдли. Вымышленный Брэдли уверен, что сейчас там происходит много интересного. — Она смотрит на меня. — Ты в порядке?

Быстро киваю, моргая.

— Да, прости. Могу представить, что лгать непросто. Почему ты не можешь сказать ей правду?

— Полагаю, по той же причине, по которой ты не хочешь говорить своей семье. Не думаю, что она бы поняла. И она не поверит моим объяснениям. Она злится на тебя, не представляешь как сильно, и эта обида идет и против меня.

— Представляю, — говорю ей, задумываясь, подходящий ли сейчас момент. Но опять же, что я скажу? Эй, кстати, твоя лучшая подруга подкатывает ко мне и угрожает?

— Может быть, у нее будет больше понимания, чем ты думаешь, — говорю я. — Она знает, что мы оба взрослые.

Наташа качает головой, морщась.

— Она странная. И размышляет совсем не так. Я боюсь, что это принесет больше вреда, чем пользы, — сжимает мою руку. — В любом случае, это не имеет значения. Пора на поезд?

Я киваю.

— Нам лучше убраться отсюда, пока Винтер не вернулся и не потерял рассудок. У моей обуви не останется шанса.

***

Поезд до Эдинбурга идет долго, но я не придаю этому значения. Есть нечто романтическое в том, как пейзаж пролетает мимо вас. Ваш разум движется с ним, смотря на вещи по-другому. Словно генератор идей, происходит мозговой штурм, и это место, где можно позволить вашим мыслям улететь. В некотором смысле, это даже лучше, чем «Астон Мартин» (который снова вышел из строя после нашего побега в Ботани-Бэй, поэтому мы едем на поезде), потому что теперь я могу расслабиться и наблюдать за тем, как движется мир.

Я особенно не против, что сейчас рядом со мной Наташа. Наши сиденья находятся в первом классе, и вагон относительно пуст. Мы можем сидеть рядом, ее рука в моей, кончики пальцев выводят круги на ее коже. Мы целуемся, смеемся и застенчиво улыбаемся друг другу, и мы, наконец-то, свободны быть просто нами.

Хорошо быть дома. Я привязался к Лондону, но Эдинбург всегда будет домом, моей настоящей любовью, независимо от того, сколько плохих воспоминаний заперты здесь.

Сойдя с поезда на станции Уэверли и услышав повсюду шотландский акцент, у меня появляется чувство, что с моих плеч сняли еще один груз.

Тем не менее, когда мы вызываем такси, чтобы отвезти нас в дом моих родителей, страх возвращается.

Нехорошо скрывать правду от собственной семьи. И я не стану врать, если дело дойдет до этого. Но я хочу, чтобы мнение о Наташе сложилось на основе того, кто она есть, не учитывая ее прошлое. Мои родители такие же понимающие, как Лаклан и Кайла, но даже если они знают, кто она на самом деле для меня, они будут смотреть на нее иначе.

Никто не любит «другую женщину». Никто не хочет налаживать с ней контакт, сопереживать ей. Никому не нравятся распутники, но когда дело доходит до этого, я — их сын, и они видели, как я страдаю, они видели мою вину и горе. Мое признание не останется без какой-либо формы осуждения от них, но Наташа будет той, кого действительно сожгут. Они не знают ее. Не знают, что ей пришлось пережить. Они не знают, как она ко мне относится. Я хочу, чтобы они увидели все это прежде, чем всплывет правда.

Я защищаю ее, коротко и ясно. Защищая нас, эту хрупкую, прекрасную вещь, разрастающуюся между нами, это великолепное свободное падение, мысль об окончании которого по какой-либо причине мне невыносима.

— Вот и он, — говорю ей, когда такси подъезжает к дому.

— Здесь так мило, — воркует она, смотря в окно широко открытыми глазами на дом, железные ворота и каменную стену, изобилие тыкв и капусту в садах.

Мы забираем наши сумки, и таксист отъезжает, как только мама распахивает дверь.

— Почему ты не сказал мне, что вы уже приехали? Я могла встретить вас! — восклицает она с широко открытыми глазами, звуча сердито и взволнованно.

— Не хотел тебя беспокоить, — говорю ей, кладя руку на спину Наташи и проводя ее через ворота.

— Бригс, ты же знаешь, это не доставило бы мне беспокойства, — произносит она, сжимая руки, пока широко улыбается Наташе. — Прости, что мы не смогли встретить тебя у поезда. У моего сына ужасная привычка быть таким скрытным.

Мы с Наташей быстро обмениваемся взглядами.

— Ничего страшного, — мягко говорит она. — Очень приятно с вами познакомиться. У вас прекрасный дом. И прекрасный сын.

Теперь мама лучезарно улыбается и мне.

— Разве она не прелесть? — спрашивает она. — Наташа. Красивое имя для красивой девушки.

— Что там такое, еще один? — говорит отец, прислонившись к двери, засунув руки в карманы. — Сначала Лаклан приводит домой симпатичную девочку, а теперь и наш второй сын. Мы станем самым популярным домом на улице.

— Не обращай внимания на моего отца, — поясняю Наташе. — Я весь в него. Видишь эти очки? В глубине души он чудаков, который никогда не мог понять, почему такая женщина, как моя мать, заинтересовалась им.

— Эй, — предостерегающе говорит мама, идя по тропинке к ступенькам и оглядываясь на меня через плечо. — Умная женщина узнает хорошую добычу, когда увидит. Кажется, Наташа такая же умная, как и все мы.

Мы заходим в дом, и мой отец относит наши сумки в мою старую спальню, пока мы не выясним, кто, где спит.

— Лаклан и Кайла будут через час, — говорит она. — Сегодня они проводят сбор средств в приюте. Автомойка.

— Я много слышала о «Любимом забияке», — говорит Наташа, садясь на диван, а мама начинает наливать всем чаю и доставать вездесущие песочные коржики.

— Ну, они достаточно влиятельны, чтобы заставить Бригса взять собаку. Как вообще Винтер? — интересуется мама, садясь.

Я пожимаю плечами.

— Все разбрасывает. Везде гадит. Ничего не изменилось.

Она качает головой, не удивившись этой новости.

— Хотите правду? — спрашивает Наташа, наклоняясь вперед с заговорщическим голосом. — Он влюблен в эту собаку. Обращается с ним как с младенцем.

— Оу, черт побери, — заявляю я. — Неправда.

— Да, да, — говорит она, сверкая глазами. — Ты не замечаешь, но ты опекаешь его, как ничто другое. — Она снова смотрит на маму. — Когда меня нет, собака спит с Бригсом, в кровати, под одеялом.

Моя мама выпускает смешок, совершенно очевидно наслаждаясь этим.

— Это правда?

— В моей квартире сильный сквозняк, — объясняю я, занявшись чаем.

— И он нанял женщину, чтобы та выгуливала его, которая точно так же суетится над собакой. Почти уверена, она носит упаковку сосисок в сумочке, как в старом мультфильме. Поверьте, Бригс может вести себя так, словно ненавидит эту собаку, но Винтера очень балуют, вы даже не представляете как.

— Что тут у вас? — папа заходит в комнату, садясь рядом с мамой.

— Ничего, — быстро говорю я.

— О, Дональд, оказывается, Бригс ведет себя с Винтером так же, как Лаклан с Лионелем, — говорит она.

— Еще один сумасшедший, — бормочет он себе под нос.

К счастью, темой разговора быстро становится Наташа. С ее акцентом и жизнью в Лос-Анджелесе, Франции и Лондоне это довольно плавный переход, еще лучшее начало разговора, чем «Где вы, ребята, познакомились?». Я довольно расплывчато обсуждал это с матерью по телефону, когда позвонил, чтобы сказать, что встретил кое-кого и хочу привезти в Эдинбург.

Пока Наташа рассказывает о Лос-Анджелесе, кино и Голливуде, я не могу не наблюдать за ней с гордостью. За тем, как она справляется. Она настолько отличается от девушки, которую я встретил в прошлом месяце, со страхом в глазах и весом мира на плечах. Она очаровывает моих родителей так же, как очаровывает всех, ее сияние заставляет сиять всех вокруг. Если она вообще нервничает, то не показывает это, и, когда устает говорить, ловко переводит тему разговора на моих родителей, задавая массу вопросов.

Прежде чем я понимаю, дверь открывается, и я поворачиваюсь, чтобы увидеть Лаклана и Кайлу.

— Вы приехали, — кричит мама, вставая и идя к ним. Берет их куртки и вешает.

— Бригс, — кивнув, говорит Лаклана, и его глаза сразу же переходят на Наташу. Кайла делает то же самое.

— Лаклан, Кайла, — говорю я им, указывая на Наташу, которая, я могу сказать, нервничает и сидит неподвижно. — Это Наташа. Наташа, это мой брат Лаклан и его невеста

Кайла.

Наташа встает и сначала пожимает руку Лаклану, искренне улыбаясь ему.

— Приятно познакомиться, — говорит она, хотя в ее глазах мелькает узнавание. Полагаю, она узнает его лицо из всех этих регби-календарей. Когда она движется дальше, чтобы пожать руку Кайле, та сразу же оживляется, когда слышит ее американский акцент и говорит Наташе комплименты о ее розовой блузке с орхидеями, Лаклан же смотрит на Наташу с любопытством. В ее глазах я увидел лишь намек, но Лаклан изучает ее, нахмурившись по-настоящему, словно они уже встречались.

Опять же, Лаклан так смотрит на всех.

— Так ты американка, — взволнованно говорит Кайла, — я и понятия не имела.

— Ну, на самом деле Бригс не очень-то много рассказывал о тебе, — говорит Лаклан. Нахмурившись, смотрит на меня, и я просто пожимаю плечами, не совсем уверенный, к чему он клонит.

— Это правда, — Наташа прочищает горло. — Мне немного неловко, когда меня показывают на публике. — Она добавляет сухой смешок, пытаясь заставить всех чувствовать себя комфортно.

— Вы так и будете стоять там? — говорит отец. — Садитесь, пока ваша мать не начала передвигать мебель, чтобы угодить вам.

Лаклан и Кайла занимают другой диван, пока моя мама начинает наливать им чай. Лаклан все еще смотрит на Наташу со странным выражением лица.

— Что случилось? — спрашиваю я его, раздражаясь.

Все смотрят на нас.

Лаклан поднимает бровь.

— Ничего, все нормально, — он кивает Наташе. — Мы раньше не встречались?

Она хмурится, задумавшись.

— Не думаю.

— Ты когда-нибудь бывала в Шотландии? — спрашивает ее Кайла. — Я еще не была в Лондоне.

— Ну, если Бригс нас пригласит, — добавляет мама, — уверена, мы все поедем.

Я посылаю ей успокаивающую улыбку.

— Когда моя жизнь немного устаканится, я обязательно приглашу всех.

Наташа смотрит снова на Кайлу.

— Э-э-э, вообще-то мы с Бригсом познакомились в Эдинбурге. Давным-давно.

— Давно ты в Великобритании? — спрашивает Кайла, и тогда Наташа снова рассказывает о своем прошлом. Но, судя по тому, как она разговаривает с Кайлой, могу сказать, ей это не в тягость. На самом деле, с какой-то глупой гордостью я понимаю, что скоро они станут близкими подругами. Обе эти американские девушки увлечены мужчинами МакГрегор. У них гораздо больше общего, чем они думают, не говоря уже об их легких, остроумных и слегка причудливых личностях.

Тем временем Лаклан крайне задумчиво продолжает смотреть то на меня, то на Наташу.

— И когда вы с Бригсом официально познакомились? — спрашивает ее Лаклан.

Она смотрит на меня.

— Четыре года назад, — он поднимает брови, — я приехала сюда, чтобы летом работать на фестивале короткометражных фильмов, а он пришел, чтобы подать заявку на спонсорство. В этом году, столкнувшись с ним в колледже, я вспомнила его.

Такая правда. И такая ложь.

— Так ты его студентка? — пищит мама, возмущение уже написано на ее изящном лице.

— Нет, — быстро говорю я. Прочищаю горло. — Она не в моем классе.

— Уверен, это достаточно опасная ситуация, сынок, — говорит отец.

Верно. Все это время мы беспокоились о нашем настоящем прошлом, мы никогда не думали беспокоиться об истинном происходящем сейчас.

— Все будет хорошо, — умоляюще говорю я, разводя руками, таким образом признавая поражение.

Мой отец не выглядит слишком убежденным.

— Не потому, что я пытаюсь указывать тебе, с кем встречаться, потому что поверь мне, мы никогда этого не сделаем. Просто будь осторожен. Вы оба.

— Будем, — говорит Наташа, серьезно кивая. — Уже осторожны.

— И как долго вы уже встречаетесь? — спрашивает Лаклан, все еще любопытничая.

Не могу не посмотреть на него внимательно.

— Уже несколько недель.

— Правда? — восклицает Кайла. — Боже. Извини. — Она смеется и смотрит на Наташу. — Это должно быть так неловко, что ты уже познакомилась с семьей.

— Две секунды назад это еще не было неловким, — добродушно говорит Наташа. Она спокойна. Она хороша. Справляется со всем, хотя знаю, притворство убивает ее.

— О, не волнуйся, мне все еще неловко, — говорит Кайла. — Не могу сказать, сколько раз я уже опозорилась перед Джессикой и Дональдом. Тем не менее, они не против видеть меня рядом.

— Нам нравится, когда ты рядом, дорогая Кайла, — говорит Джессика. — И когда ты размазала лак для ногтей по всему свадебному платью, которое примеряла, ну, как я могла сделать что-то, кроме как рассмеяться.

— А вот продавец, кажется, не посчитала это смешным, — говорит Дональд себе под нос.

— Очень похоже на то, что может случиться со мной, — говорит Наташа Кайле, пытаюсь наладить отношения. — Однажды, когда я была в Риме, путешествовала налегке и несколько дней осматривала достопримечательности, я была в платье, потому что было жарко, лето и все такое. Так вот, я села на поезд в аэропорт, приехала, встала, надела рюкзак и прошла весь путь от поезда до терминала, а затем по одной из этих движущихся пешеходных шпуквин. Прогулка длилась, по крайней мере, минут десять. Все это время у меня было такое чувство, что люди хихикали и смеялись надо мной, но хочу сказать, я супер параноик, так что в этом не было ничего нового. В любом случае, наконец-то какая-то девушка постучала мне по плечу — и к тому же она была американкой — и она такая говорит: «Не знаю, собирается ли кто-нибудь сказать тебе, но твоя задница отлично видна». Оказывается, когда я надела рюкзак, он подтянул мое платье до талии, и на мне оказались лишь чертовы трусики.

Я раздражаюсь смехом, как и все остальные, так как раньше не слышал эту историю.

— Хорошо, что у тебя чертовски шикарная задница! — говорю ей, хлопая себя по коленке. Могу представить, как она шагает через римский аэропорт, как будто это ее личный подиум, не подозревая, что ее округлая попка выставлена на всеобщее обозрение.

От признания Наташи все, включая Лаклана, кажется, расслабляются еще больше. Пока

Кайла начинает свою неловкую историю, я перехватываю взгляд Наташи и подмигиваю ей.
Черт возьми, я влюблён.

Глава 19

БРИГС

Только после обеда и десерта, когда все устраиваются в телевизионном зале, чтобы выпить чаю и посмотреть Грэма Нортона на ВВС, я сталкиваюсь с Лакланом на кухне.

— Раньше у нее были темные волосы, — произносит он, подкрадываясь ко мне, когда я беру немного мёда для Наташи.

Закрываю шкаф и смотрю на него, пульс учащается.

— Что?

— Наташа, — говорит он, понижая голос. — У нее были темные волосы.

Я смотрю на него, медленно моргая, и он смотрит прямо на меня, глаза прищурены, знающие слишком много и все еще желающие узнать больше.

— Были, да, — отвечаю ему, задаваясь вопросом, что же происходит.

— Я встречал её раньше.

Качаю головой.

— Как? Когда?

— В пабе, где работал Ренни. Несколько лет назад. Четыре года назад, я уверен.

Я хмурюсь.

— Ты уверен? Не обижайся, брат, но ты, четыре года назад в пабе, не самый надежный источник.

Он распрямляет плечи, проводя рукой по челюсти, глаза устремляются к другой комнате. И кивает.

— Да. Знаю. Ты так думаешь. Но я помню тот вечер. Я помню намного больше, чем ты думаешь. И я помню эту девушку, потому что дал ей довольно здравый совет, у меня ушло довольно много времени, чтобы воспользоваться им самому, — он резко смотрит на меня. — Наташа — не тот человек, которого легко забыть. Она была там, расстроенная, и я был рядом. Мы пили за счет заведения, и Ренни все продолжал наливать. — Он делает паузу. — Она сказала нам, что влюблена в женатого мужчину.

Я сглатываю и пытаюсь не показывать эмоции, но, судя по тому, что Лаклан шурится, я знаю, он видит меня насквозь.

— И что? — шепчу я.

— Она сказала, он пишет книгу. И он профессор киноведения. В то время я посчитал это самым странным совпадением. Но я никогда не думал, что это был ты. Но вот когда я вошел в эту дверь и увидел ее рядом с тобой. Все встало на свои места.

Он раскусил меня. Окончательно.

Я облизываю губы.

— Думаешь, она тебя помнит?

— Может быть, — говорит он. — Но она была очень пьяна. В ту ночь она уехала домой на такси.

— Что за совет ты дал ей?

Тень улыбки на его лице.

— Я сказал ей стать катализатором перемен.

Катализатор перемен.

Вот что Наташа написала в своем пьяном письме ко мне, письме, которое открыло ворота, которое привело к тому первому поцелую, первым откровениям, первому всему.

Гребаный ад. Так это все произошло из-за Лаклана.

— Так это была она? — спрашивает он. — Катализатор перемен? Вот что случилось? У тебя был роман с ней.

Я закрываю глаза и глубоко вздыхаю. Не ожидал, что буду разговаривать об этом с братом, не вот так и не прямо сейчас.

— У меня не было интрижки с ней. Не физически.

— И ты сказал Миранде. Вот о чем вы спорили в ту ночь, когда она умерла.

Тяжело вздыхаю и встречаюсь с ним глазами.

— Да. Вот о чем мы говорили. Разве ты не понимаешь? Это был не просто спор. Я пытался положить конец своему браку. И если бы я этого не сделал, она бы все еще была жива.

— Оу, вот не надо мне тут этого, — говорит он, тон удивительно резкий. — Не пытайся снова погрязнуть в этом. Ты уже достаточно настрадался. Ты не позволяешь мне заикливаться на моих ошибках, и я не позволю тебе заикливаться на твоих. Я сказал, что ты выглядел преследуемым тем, что сделал. Ну, угадай, что теперь. Ты не выглядишь страдающим. Ты выглядишь так, будто ты чертовски влюблен. Позволь чувству вины уйти... знаю, держаться за темноту очень комфортно. Потому что ты привык к этому. Она дает тебе смысл. Но ты, наконец, выбираешься из этого. Позвольте себе быть счастливым.

Я отворачиваюсь, и он кладет руку мне на плечо, глядя на меня.

— Эй, — зовет он громче. — Я не шучу. Разве ты думал, я не пойму, что буду судить тебя, что я хотел бы толкнуть тебя обратно туда, откуда мы умоляли тебя выбраться? Нахрен все. Я твоя семья, Бригс. Мне все равно, знаете вы с Наташей друг друга несколько лет или дней. Я просто хочу, чтоб ты был счастлив. Это всё, что все всегда хотели для тебя, и это то, чего тебе необходимо для себя самого.

— О чем болтаете, парни? — спрашивает Кайла, выходя из-за угла. Когда видит его руку на моем плече, и мрачные выражения наших лиц, она останавливается. — Я что-то прерываю, верно?

— Все в порядке, лапочка, — говорит Лаклан, протягивая ей руку. Она подходит и прислоняется к нему, уставившись на меня. — Мы с Бригсом просто говорили о женщинах.

— Надеюсь, хорошее.

— Тогда мы определенно говорили не о тебе, — шутит он.

— Эй, — говорит она, тянется к его груди острыми ногтями и сжимает сосок.

Лаклан корчится, выпуская звук, похожий на хихиканье или визг, звук, который я никогда не слышал, чтобы он выпускал раньше. Если бы я знал, что щипание сосков было его криптонитом, я мог бы заработать немного денег, продавая эту информацию командам-соперникам.

— В любом случае, — говорит Кайла, наконец, отпуская Лаклана. — Я просто хотела сказать тебе, что Наташа потрясающая.

— Что ж, хорошо. Я тоже так думаю.

— Нет, я серьезно, — заявляет она. — Мне неприятно это говорить, но теперь я начинаю смотреть на тебя, как на моего брата. Невероятно таинственный и непонятный, но

все же мой брат, и до того, как я встретила ее, у меня были некоторые опасения. Я имею в виду, какая девушка будет достаточно хороша для тебя? — Она пихает локтем Лаклана. — Верно, детка?

Он хмыкает в ответ, и она продолжает:

— Но теперь я начинаю думать, может, это ты недостаточно хорош для нее.

— Кайла, — предупреждает ее Лаклан.

Она улыбается мне.

— Я просто шучу, Бригс. Но, действительно. Хорошая работа. И я именно это и имею в виду это. Потому что я всех ненавижу.

— Да что ты, по тебе и не скажешь, — язвительно говорю я.

— Это правда. Только плохо, что вы двое в Лондоне и я здесь. Не так-то просто устроить время для девочек. Например, когда Лаклан ведет себя, как придурок, и мне нужен друг, чтобы заплетать волосы, пока я ем ведро мороженого.

— Да, это похоже на Лаклана, — бросаю на него взгляд и закатываю глаза.

После этого она покидает кухню, забирает мед для Наташи и, прежде чем мы уходим, Лаклан говорит мне:

— Я ничего не скажу Кайле. Не собираюсь ничего говорить Джессике и Дональду. Оставлю все это на твое усмотрение. Просто хочу, чтобы ты знал, никто не будет думать плохо. О любом из вас. Но ты не сможешь вечно держать это внутри. Ты уже достаточно долго хранил все в себе.

Он уходит, и я остаюсь на кухне, рассуждая о том, как регбист стал настолько умнее профессора.

Вечером того же дня, когда пора идти спать, мне в моей старой спальне, Наташе в спальне Лаклана, я стучу в ее дверь.

— Ты в приличном виде? — шепчу я.

— Нет, — говорит она. Я улыбаюсь, глядя в коридор на дверь родительской комнаты, прежде чем войти.

Она, скрестив ноги, в пижаме сидит на кровати и перелистывает старый журнал.

— Эй, — зову я, разочарованный. — Ты почти пристойно выглядишь.

— Ой, — говорит она. — Думал, ты имел в виду в целом.

— Ну, и это тоже, — закрываю дверь и сажусь рядом. — Прости, что все не очень романтично. Я сам едва помещаюсь на кровати.

Она посылает мне нежную улыбку, кладя руку на мою.

— Это прекрасно. Хорошо быть в доме, где чувствуешь тепло, понимаешь? — морщит нос. — Как думаешь, я справилась?

— С моей семьей, ты шутишь? Ты была невероятна. Ты им понравилась.

— Ты уверен? В один момент я стараюсь быть такой правильной, а в следующий, рассказываю им, что моя попа красовалась у всех на виду в аэропорту Рима.

Я сжимаю ее руку, улыбаясь.

— Эта история лишь заставила тебя понравиться им ещё больше. Как и мне. Если честно, я немного завидую этому аэропорту.

— Ты можешь увидеть мою попу в любое время, — отмечает она. — На самом деле моя попа принадлежит тебе, лишь тебе одному.

— О, правда? — поднимаю бровь. — А мы можем оформить это письменно?

— Так я им действительно понравилась?

— Да, — говорю ей. — Как я и знал. Как кто-то может не быть очарован тобой, как и я?

— Ну, вот моя мама может, — говорит она, отводя взгляд.

— Твоя мать не в счет. С собственной семьей всегда непросто. Но, держу пари, даже твоя мать, в глубине души, думает, что ты изумительна. Как и все остальные.

— Думаешь, я понравилась Лаклану?

— Я знаю, что так и есть, — вопросительно смотрю на неё. — В любом случае, Ты узнала его?

— Ты о чем?

— Вы с ним раньше встречались.

— Мы? — она качает головой. — Я бы помнила. Когда?

— Это было в пабе, поэтому не думаю, ты бы вспомнила. Я удивлен, что он помнит, но вот какое впечатление ты производишь на людей.

— Боже мой. Я встретила его в пабе. Что он сказал, он только сегодня рассказал об этом тебе?

Я киваю.

— Он говорит, ты была пьяна и расстроена. Около четырех лет назад здесь, в Эдинбурге. Ты призналась ему и бармену Ренни, который когда-то был в его команде по регби, что влюбилась в женатого мужчину. Думаю, Лаклан дал тебе совет, сказав, что тебе нужно быть...

— Катализатором перемен, — шепчет она. — Теперь я помню, хотя не могу вспомнить его лицо. Просто помню, как говорила и получала эту жидкую смелость. Потом помню, как писала письмо, и ты пришел, и... затем я поцеловала тебя. — Она смотрит вниз на одеяло.

— Эй, — тихо говорю я, наклоняясь, чтобы видеть ее лучше. — Надеюсь, ты не жалеешь об этом. Я, определенно, нет.

— Я была не в себе. Мне никогда не следовало говорить те вещи, и никогда не следовало целовать тебя.

— Что ж, если так, мне никогда не следовало приходить в твою квартиру. Но я хотел увидеть тебя. Мне нужно было посмотреть, чувствуешь ли ты то же самое, что я чувствовал к тебе. Я ни о чём не жалею. Ни что пошел туда, ни о том, что ты поцеловала меня. Это то, что есть, и, полагаю, ты была катализатором, и вещи изменились.

Она с трудом сглатывает.

— Не все перемены хороши, — говорит она тихим голосом.

— Наташа, — предупреждаю ее. — Я сказал тебе, что мы покончили с чувством вины. Я не могу двигаться дальше, двигаться мимо этого, если ты не будешь двигаться со мной. Мы команда, ты это знаешь. Я хочу, чтобы мы обсудили прошлое без чувства вины или стыда. Это единственный выход.

Она кивает, и, надеюсь, действительно принимает это. Знаю, это непросто, но это действительно единственный шанс, который у нас есть.

— Кайла действительно славная, — через мгновение говорит она, и ее голос оживает. — Полный фейерверк. Сначала было трудно понять, почему она и твой брат вместе — они оба кажутся такими разными. Но позже становится очевидно, как сильно они влюблены друг в друга.

А очевидно ли, как сильно я влюблен в тебя? — думаю я. Протягиваю руку и убираю волосы с ее лица, но слова, эти слова, застревают у меня в горле, там, где они сидят уже несколько недель. Я уже говорил об этом в прошлом и имел это в виду, но сейчас, в этой

новой фазе, мои чувства еще глубже. На данный момент они превосходят все и делают эти три слова почти устаревшими.

Она пристально смотрит на меня большими глазами, нижняя губа надувается, влажная и мягкая. Я хочу показать ей, что чувствую, мне просто хочется, чтоб мы были в другом месте, не в доме моих родителей. Не то, чтобы это меня когда-либо останавливало.

Я выбираюсь из кровати и запираю дверь, медленно поворачиваясь к ней лицом.

Ее брови поднимаются, и она смотрит на меня, словно спрашивая — мы действительно собираемся сделать это?

Ухмыляюсь, медленно снимая рубашку, пока иду к ней, а затем расстёгиваю брюки.

Она не выглядит взволнованной. Не та реакция, на которую я надеялся.

Я вытаскиваю эрекцию из боксеров, держа твердую, жесткую длину в руке.

Она облизывает губы, показывая кончик розового язычка.

Хорошо, это больше похоже на ту реакцию, которой я ожидал.

— Ты уверен? — тихо спрашивает она, когда я иду к ней, поглаживая член, и наслаждаясь тем, что она не сводит с него глаз. Я наблюдаю, как медленно растет голод, что делает меня ещё тверже.

Киваю.

— Если ты сможешь быть тихой, — шепчу ей. — Ты сможешь быть тихой? Не издашь ни звука?

Кажется, она воспринимает это как достойный вызов. Выражение ее лица становится все более бессмысленным, и она кивает. Выскальзывает из пижамы, пока не оказывается на коленях на кровати, совершенно голая.

Я подхожу к краю, и она с готовностью пробегает языком вверх по члену от основания до кончика.

И останавливается.

— Так Лаклан знает правду о нас? И у него все нормально с этим?

Я стону.

— Пожалуйста, не упоминай имя моего брата, когда у тебя в руках мой член, — улыбаюсь ей. — Но да, он в порядке. Он никому не скажет, и, в свое время, когда мы скажем правду, по крайней мере, мы знаем, чего ожидать.

Она кажется удовлетворенной этим и, наконец, забывает все, кружа языком по моему твердому стволу, перед тем как слизать влагу с кончика. Забавно, как иногда ее ум удерживает ее от наслаждения сексом, будто она не может перестать блуждать в мыслях и жить в настоящем моменте, даже когда этот момент в ее проклятом рту.

Мгновение я позволяю ей лизать и сосать, просто потому, что мне нравится взгляд в ее глазах, пылающая потребность в чем-то таком сексуальном. Но до того как она слишком увлечется, я отступаю и требую, чтобы она подвинулась. Ложусь на кровать и маню ее пальцем.

— Иди сюда, — тихо говорю я, указывая на свое лицо. — Прямо сюда.

Она снова выглядит шокированной. Не двигается, кажется неуверенной.

— Что, боишься, что не сможешь сдержаться? — дразню я.

— Конечно, смогу, — говорит она и медленно разводит ноги над моей грудью, поднимаясь к моему лицу.

Я крепко держу ее бедра и располагаю киску прямо над своим ртом. Неторопливо высовываю язык и осторожно провожу им по влажным складкам. Она сразу же напрягается и

тихо вскрикивает, и я впиваюсь пальцами ей в кожу, чтобы снова предупредить ее о том, что надо быть тихой и необходимо контролировать свои действия.

Она такая приятная на вкус, ее мускусный, богатый аромат наполняет меня и заводит как никогда раньше, и, когда я обрабатываю ее языком, жадно погружаясь в нее и порхая над опухшим клитором, я тот, кому трудно сохранять спокойствие.

Вибрации из моего рта, кажется, действуют на нее, и вскоре она раскачивает бедрами на моем лице, пока я поедаю ее. Я теряюсь в этом пьянящем желании, наслаждаясь каждым гребаным ощущением. Это грубый, порочный, первобытный, способ вкусить женщину в ее самом чистом «я». Я мог бы делать это вечно, высасывать каждую последнюю каплю, облизывая ее, как самый сладкий, спелый плод.

— О, боже, — тихо произносит она, и ее рука взлетает к стене, чтобы опереться, пока она трахает мое лицо. Я прижимаю кончик языка к клитору, потирая кругами, пока она не кончает. Когда оргазм вырывается из нее, я чувствую каждый импульс, мой рот пропитан ею, ее кожа сияет жаром и влагой. К ее чести, она остается тихой, продолжая издавать шум в виде дрожащих стонов и вздохов, которые так же сексуальны, как и ее обычные крики.

Когда она начинает извиваться и ерзать, я отстраняюсь и улыбаюсь ей, едва видя ее лицо за этими удивительными сиськами.

— Привет, — тихо говорю я, двигая бровями.

— Вау, — шепчет она в ответ.

— Мы еще не закончили, — говорю ей. Встаю и толкаю ее на кровать, чтобы она была на спине. Забираюсь на нее, коленом раздвигая ноги, пока не оказываюсь прямо над ней, грудь прижимается к ней. Я оборачиваю пальцы вокруг ее запястий и прижимаю ее руки над головой, удерживая ее на месте. Затем провожу кончиком носа вниз по лицу, останавливаясь на губах, чтобы поцеловать ее.

— Черт, Наташа, — шепчу я, ненадолго закрывая глаза. — Ты понятия не имеешь, что делаешь со мной, что заставляешь меня чувствовать.

— Ты это уже говорил, — произносит она. — И все мне рассказал.

Она права. Потребовалось время, но, в конце концов, я сказал ей правду.

Я глубоко вдыхаю и устраиваюсь, член прижимается к ее влажной киске, но не входит.

— И что я сказал? — нежно спрашиваю я.

— Ты сказал, я для тебя больше, чем могла бы представить. Ужасно много.

Один из способов описать мои чувства.

— Ужасно много, — повторяю я, открывая глаза, потерявшись в ней так сильно, всего в нескольких дюймах. Черт возьми, я снова теряю себя с ней. Нет, я уже потерялся.

Я пытаюсь глотать. Сжимаю губы, пытаюсь найти мужество.

— Это ужасно много, — говорю я. — Даже больше, чем это. Наташа... Я люблю тебя. И точка. Я был влюблен в тебя раньше, и теперь люблю тебя сильнее. Даже не знаю, как такое возможно, но это так. И поскольку все так, это заставляет меня думать, что все возможно. Даже мы.

Она смотрит на меня, вихрь эмоций в ее глазах, и мне жаль, что я не могу заглянуть глубже и понять, что она чувствует. Она потеряла дар речи.

Я едва ощутимо потираюсь губами о ее губы.

— Поговори со мной, — шепчу я. — Скажи что-нибудь.

— Ты любишь меня, — говорит она с трепетом.

— Да, — отвечаю, улыбаясь как дурак. — Да. Наташа, я люблю тебя. Больше, чем могу

выразить словами. Просто знай это. Верь. И люби меня в ответ.

— О, Бригс, — шепчет она, губы расплываются в широкой, сияющей улыбке. — Я никогда не переставала любить тебя.

Мое сердце стучит.

— Даже после стольких лет?

— Даже после всех этих лет. В темноте и свете я никогда не переставала чувствовать. Я могла отодвинуть чувство в сторону, возможно, похоронила его, поставила на паузу, но я никогда, никогда не переставала чувствовать.

У меня такое чувство, словно миллион воздушных шаров выпущены в моей груди. Я хочу смеяться. Хочу плакать. Удивленно смотрю на нее. Просто так чертовски удивительно, что мы снова нашли друг друга, и что эти мы, эти мы прекрасны.

— Я люблю тебя, — говорю ей снова.

— Я люблю тебя, — отвечает она.

Целую ее, горячо, настойчиво и властно, пока мое тело начинает ускоряться, пытаюсь догнать сердце. Эта мягкая нежность, которую я чувствую к ней, кружится с первобытным желанием, и, прежде чем осознаю, что делаю, толкаюсь в нее. Она разводит ноги шире, позволяя моему члену войти, и я погружаюсь в нее, такую влажную и мягкую вокруг моей твердой длины. Мы так хороши вместе, как замок и ключ, и трудно представить, как я мог так долго жить без нее.

— Ты — мое спасение, — шепчу ей на ухо, облизывая край. — Ты спасаешь меня от мира. Ты спасаешь меня от самого себя.

Одной рукой я удерживаю ее руки над головой и сильнее врываюсь в неё, быстрее и бесконечно глубже. Другая рука движется к ее клитору, снова работая над ним. Хотя она кончила лишь несколько минут назад, я знаю, она все еще отчаянно нуждается в этом. Я врезаюсь в нее бедрами, становясь быстрее, грубее, ожесточеннее, когда кровать начинает трястись, и она начинает стонать, кусая губы, чтобы не закричать.

— Ты ощущаешься так хорошо, чертовски хорошо, — стону я, мир ускользает, и остаемся лишь мы в гедонистической дымке. Вращаю бедрами, попадая в нужное место, и вскоре она снова кончает, тело судорожно сжимается подо мной, глаза зажмурены, сочный рот открыт, и она задыхается.

Я отпускаю себя, входя в нее в неустанным ритме, мои шары подтягиваются, грудь сжимается, борясь с наплывом чувств. Мой голод, потребность в ней, не только в ее теле, но и в разуме, сердце и душе никогда не были такими острыми и примитивными как сейчас. Я теряюсь внутри, сильно кончая, и мир переворачивается с ног на голову в этом темном, разрушительном удовольствии.

Черт возьми.

Мать вашу.

Я падаю на неё, пытаюсь отдышаться и не раздавить ее.

Это было нереально.

Не что иное, как чертово счастье.

Это была Любовь.

Черт возьми.

Бл*дь.

Мы не использовали презерватив.

Я смотрю на ее лицо, щеки розовые, легкий блеск пота на лбу и над ее припухшими

губами. Глаза одновременно апатичные и встревоженные.

— Ты не на таблетках, — говорю ей.

— Нет, — медленно говорит она. — Я не ходила к врачу. Но все будет нормально.

Просто воспользуюсь планом «Б».

— Тебе не станет от этого хуже?

— На самом деле, нет. Приму таблетку утром. Я не переживаю об этом, — говорит она, проводя рукой по моим плечам и по моей руке. — Это было...

— Необыкновенно, — заканчиваю я.

Она посмеивается.

— Я собиралась сказать — чертовски великолепно, но это тоже подходит.

Я провожу большим пальцем по ее губе, ухмыляясь, и она в шутку прикусывает его.

— Знаешь, — говорю я, — думал, на этой кровати едва хватит места для того, чтобы заниматься сексом, но, возможно, мы все же можем спать здесь.

Она хватает меня за бицепсы.

— Как будто я бы отпустила тебя в твою комнату после того, как ты сказал мне, что любишь.

— Я люблю тебя, — говорю ей.

— Я знаю. И ты остаешься.

Так что я забираюсь под одеяло, и хотя спать с ней на одной кровати в старой комнате моего брата — одна из самых странных вещей, я с Наташей. И мы любим друг друга. И из-за этого все ощущается правильным.

Глава 20

НАТАША

Несколько недель назад, когда Бригс сказал, что хочет «ходить со мной на свидания», я даже представить себе не могла, что одно из наших свиданий будет на катамаране в пруду в Гайд-парке.

С другой стороны, я никогда не думала, что очень сильно буду любить этого человека. И я никогда и представить не могла, как невероятно прекрасно будет слышать его слова, которые впервые слышала много лет назад. Почувствовать все это снова.

Больше, чем могу выразить словами. Просто знай это. Верь. И люби меня в ответ.

Я все еще таю от этих слов, и мое сердце стучит в груди. Это может объяснить, почему я согласилась сесть на синюю лодку и крутить педали по Серпентину в холодный осенний день.

— Эй, поднажми немного, — говорит Бригс, усиленно работая ногами, пока я вяло перебираю своими.

— Ой, да брось, — говорю я, протягивая руку, тщетно пытаясь ударить его по груди. — Настоящая леди никогда не гребет.

— Это правда, — говорит он. — Хотя трахаешься ты не как леди.

Я сердито смотрю на него.

— И слава богу, — озираюсь по сторонам. На воде еще пять других катамаранов. Я рада, что на мне шляпа и шарф, потому что сегодня первый день, когда я действительно чувствую, что зима, возможно, не за горами. Время года, а не собака Бригса (прим. пер. Винтер в

переводе с английского — зима)

— Нам надо возвращаться, — говорю ему.

— Почему?

— Потому что я возбуждена, — откровенно говорю я.

Бригс поднимает брови.

— Тогда хорошо, — он начинает грести быстрее, направляясь к газону на берегу.

— Ты говорил со своим братом? — спрашиваю я, когда мы приближаемся.

— Я, правда, не хочу, чтоб ты упоминала его и слово «возбуждена» так близко друг к другу, — сухо говорит он. — Но нет, не разговаривал.

— Ты знаешь, когда скажешь родителям о нас? — спрашиваю я, чувствуя себя такой невероятно молодой, когда спрашиваю это. — Ну, знаешь, как мы познакомились?

Глупо продолжать поднимать эту тему, но я очень нервничала в выходные, когда познакомилась с ними. На самом деле у меня не было причин для этого — они были очень милы, а Лаклан и Кайла были абсолютно восхитительны. Я все еще не помню, как встретила Лаклана несколько лет назад — его лицо по-прежнему размытое пятно из той ночи — но я более чем благодарна ему за то, что, по крайней мере, он знает настоящую историю. Последнее, что я хочу сделать, это оказать давление на Бригса, но это словно вес на моих плечах, зная, что мы не живем с абсолютной правдой. Я больше не могу лгать.

— Скоро, — говорит он мне, и я знаю, что он это и имеет в виду. — Обещаю. Я просто хочу сказать им лично. Может быть, поеду к ним на следующий уик-энд. Мне, вероятно, стоит поговорить с моим агентом по недвижимости и выставить квартиру на продажу.

— Ты серьезно?

Он пожимает плечами.

— Почему нет? Мне нравится моя жизнь здесь. Все кажется правильным. И ты здесь.

Я шокирована. И очень польщена. Но все же...

— Не меняй свою жизнь из-за меня. Продажа собственной квартиры это серьезное дело.

— А любовь к тебе намного серьезнее, чем это. Я никуда не собираюсь, Наташа. Я у твоих чертовых ног и это не измениться.

Черт. Этот мужчина умеет подобрать нужные слова.

— Тебя как следует отделают, когда мы вернемся к тебе, — говорю я ему. — И я имею в виду в хорошем смысле, конечно.

— Рад, что ты уточнила, — говорит он, ухмыляясь.

И я не шутила. Как только мы догребаем до берега и возвращаемся в его квартиру, стоит нам войти, я нападаю на него. Знаю, через несколько дней у меня должны начаться женские дела и мои гормоны бушуют, плюс мое сердце обезумело. Смешайте все вместе, и я крайне ненасытная девушка.

Мы исчезаем в его спальне, и наша одежда слетает, сначала я скачу на нем, моя грудь подпрыгивает, я толкаюсь бедрами, его член зарыт глубоко внутри, он смотрит на меня с похотью и трепетом, словно не может поверить, что я настоящая.

Затем я на боку, моя нога приподнята над его бедром, и он входит в меня все быстрее и быстрее, изголовье громко ударяется о стену. Пот капает с его тела на мое, и комната наполняется густым запахом секса и опьяняющими звуками моих жадных стонов, его ворчания и грязными словечками, пока он трахает меня до беспамятства. Когда я кончаю, то разваливаюсь на кусочки и кричу его имя, позволяя всему уйти. Каждому страху, каждой мысли, каждой затемненной части меня. Я — жидкое блаженство, солнце и каждая звезда во

Вселенной.

— Черт подери, — несколько секунд спустя ругается он, перекатываясь на спину. — Ты раньше не шутила. Я вполне уверен, что возбужденная Наташа загонит меня в могилу.

Я лениво улыбаюсь.

— Звучит неплохо.

— Так и есть, — он встает с постели, снимает презерватив, и я делаю пометку в голове, пойти к врачу и как можно быстрее получить противозачаточные. Та ночь в доме его родителей была слишком рискованной. — И теперь я чертовски голоден. Как насчет того, чтобы подогреть немного пирогов?

— Пиво и пирог после секса, — вздыхая, говорю я, растягиваясь на кровати и вытягивая ноги. — Уверена, нет ничего лучше.

— Кто говорил о пиве? — произносит Бригс, хотя я знаю, он шутит. Это стало для нас своего рода ритуалом, есть пирог и пить пиво обнаженными на его кухне.

Слышу, как он заходит в другую комнату и начинает шуршать чём-то, включая духовку. Я лежу на кровати, оргазм догорает, втягивая меня в легкий сон. Но как только я слышу звук открываемых пивных крышек, то сползаю с кровати и присоединяюсь к нему.

Он протягивает мне пиво, и мы чокаемся бутылками, улыбаясь друг другу. У меня все еще в голове не укладывается, что сейчас это моя жизнь, и этот мужчина, этот великолепный, особенный мужчина, может стоять передо мной полностью обнаженным, и я могу делать то же самое рядом с ним, и мы можем трахаться, можем есть, можем любить, и просто быть рядом.

— Долго еще ждать пирог? — спрашиваю я. Духовка Бригса очень медленная, и у меня мало терпения, когда дело касается еды. Моя попа тому доказательство.

— Десять минут, обещаю, — говорит он.

Внезапно, напугав нас обоих, раздаётся стук в дверь. Винтер начинает лаять.

— Черт, — говорит он, быстро направляясь в ванную и хватая халат. Так как я без одежды, то иду в спальню, таща туда же Винтера, чтобы он замолчал. Я закрываю дверь и надеваю джинсы и футболку, щеки краснеют, поскольку я думаю, что это может быть проклятая жалоба на шум. Я довольно громко кричала, когда кончала, да ещё и это изголовье грохотало так громко.

Я приоткрываю дверь и высовываю голову. Бригс смотрит в глазок.

— Кто это? — шепчу я. — У нас будут неприятности из-за того, что были слишком шумными?

— Надеюсь, нет, — говорит он, рука на дверной ручке. — Я не вижу, кто там, как будто девушка стоит в коридоре...

Он открывает дверь, и я прячусь обратно в спальню, закрывая дверь.

— Где она? — слышу я знакомый голос за стеной. — Где Наташа?

О Господи боже! Это Мелисса!

Что за херня? Я чувствую, что прижимаюсь к стене, затаив дыхание. Какого черта она здесь делает?!

— Мелисса, — говорит Бригс. — Что ты здесь делаешь? Как ты узнала, где я живу?

— Я шла за вами из Гайд-парка, — рычит она, судя по всему, заходя в комнату. — Я наблюдала за вами. Я знаю, я все о вас знаю. — Она кричит — Наташа, выходи сюда!

Господи. Я дрожу, пытаюсь дышать.

— Мелисса, ты должна сейчас же уйти, — говорит Бригс, повышая голос. — Ты не

имеешь права находиться здесь.

— Наташа! — кричит она, и я знаю, что, если не выйду, если не покажусь, она устроит сцену.

Я распрямляю плечи и напоминаю себе, что она абсолютно спятила. Она шла за нами сюда? Что, черт возьми, происходит?

— Все в порядке, Бригс, — говорю я, выходя из спальни в гостиную. Закрываю за собой дверь и стою там, сложив руки на груди.

Мелисса стоит в дверях. Бригс крепко держится за дверь, пытаясь закрыть ее, он поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня. Я встречаю его глаза и киваю ему, чтобы впустил ее.

Он открывает входную дверь шире, она врывается внутрь и торопиться прямо ко мне, ее глаза вспыхивают.

— Какого хрена ты здесь делаешь? — визжит она, указывая на него, смотря при этом на меня. — Давно ты мне врешь?

— Почему ты *следила* за мной? — спрашиваю я в ответ.

— Потому что я знаю, что ты гребаная лгунья, вот почему, — усмехается она, размахивая руками. — На факультете истории искусства нет Брэдли. Я проверяла.

— Ты проверяла? — недоверчиво повторяю я. — Зачем? Почему, черт возьми, ты не могла просто поверить мне?

— Потому, — говорит она, поворачиваясь к Бригсу. — Я знала, знала, он все еще одержим тобой, так же, как и ты им.

— Мелисса, пожалуйста, — говорю ей, пытаюсь заставить ее успокоиться. — Я не понимаю. Да, я соврала, но только потому, что знала, ты не одобришь. Все это. Ты сказала, если он вообще со мной свяжется, ты донесёшь на него, а это последнее, чего я хотела.

— Ой, и мне что, пожалеть тебя за то, что ты солгала? Все, что ты делаешь, это лжешь, Наташа. Когда вы с этим мерзавцем встретились впервые, ты ничего не сказала мне. Я узнал о нем только потому, что появилась у тебя. Ты держала его в секрете от меня... своей лучшей подруги.

О Боже. Мое сердце немного сжимается. Неужели она все еще злится из-за этого?

— Мне жаль, — говорю ей. — Я же сказала, что мне жаль. Просто я была так влюблена...

— Дерьмо собачье, — говорит она мне. — Любовь. Ты не знаешь любви. Ты сама это сказала, ты оставила свою мать, свою одинокую маму там, в Калифорнии, чтобы ты могла приехать сюда и заняться своими делами! По крайней мере, у тебя есть мать. Я даже не знаю свою. Меня воспитывали отец и мачеха. И ты отмахнулась от этого, бросила свою актерскую карьеру в Лос-Анджелесе. Я имею в виду, кем ты себя считаешь? Ты настолько особенная что можешь просто отбросить это дерьмо в сторону? Ты знаешь, что я бы убила за это? У тебя, твою мать, есть все, а есть такие люди, как я, люди, которые борются, люди, у которых ничего нет.

Гребаный ад. Я могу лишь моргать, кровь громко стучит в голове. Я смотрю на Бригса, и он осторожно наблюдает за ней, выглядя таким же смущенным, как и я.

— Мелисса, — говорю ей, пытаюсь говорить спокойно. — Мне жаль, что ты так думаешь, но ты же знаешь, это не я. Это не моя жизнь.

— Да, верно, — говорит она, слезы на глазах. — Ты всегда была лучше меня во всех отношениях. Ты красивее, выше, стройнее, талантливее, умнее. Ты всегда всего добивалась в

жизни, а потом, помимо всего прочего, в конце концов, в тебя влюбился женатый мужчина, или ты так думала, — она впивается взглядом в Бригса. — Ему просто захотелось какой-нибудь юной сучки, вот и все. — Она обращает злобный взгляд ко мне, меня накрывает чувство жалости к ней и абсолютный гнев. — И ты дала это ему. Разве ты не могла хоть раз пройти мимо него? Разве ты не могла позволить кому-то другому заполучить его?

— Кому, тебе? — спрашиваю я.

— Его жене, — говорит она. — Тогда я действительно знала бы, кто ты.

Я качаю головой, слезы готовы пролиться, в груди сумбур.

— Я не понимаю. Зачем тогда притворяться моей подругой? Почему ты вела себя так, словно тебе было до меня дело?

— Потому что мне нравилось, что тебе нужна моя помощь, — говорит она почти мучительно. — Мне нравилось, что ты была на дне и тебе нужен был друг, и у тебя была лишь я. Ты, наконец, заставила меня почувствовать себя полезной. Я была важна для тебя. Я чего-то стоила. Ты даже не представляешь, какая ты, Наташа. Ты живешь в своем собственном мире. Ведешь себя так, будто тебе не нужна душа в мире. Я вижу, что ты притворяешься, будто бы тебе есть дело о мире вокруг себя, но внутри тебя есть какой-то другой гребаный мир, место, куда ты идешь, и это просто чертовски несправедливо. Все остальные должны быть здесь, страдать, и ты можешь отступить. Я хотела увидеть, что тебе больно, Наташа, потому что это единственный способ, с помощью которого, я знала, я могла увидеть, что ты чертов человек!

— Хорошо, — строгим голосом говорит Бригс, подходя к нам. — Тебе пора уходить, — говорит он Мелиссе.

— Пошел ты, — говорит она. — Ты так же ужасен, как и она. Такой преданный. Ничего кроме нее в твоём мире не важно. И ничего кроме тебя не важно в ее мире. Ты проник в самое неприступное из сердец. Поздравляю, — она смотрит на нас обоих, отходя назад. — Вы, ребята, стоите друг друга. Бессердечны, жестоки и слишком хороши для всего остального мира. Вы понимаете, что вы сделали? Если бы вы, нахрен, не влюбились друг в друга, в этом мире все еще были бы живы два человека.

Лицо Бригса краснеет, взгляд становится твёрдым, как камень. Он указывает на дверь.

— Убирайся, бл*дь, отсюда или я вызову гребаных копов.

— Тогда вызывай копов, — говорит Мелисса. — А я позвоню в колледже. Вы не можете трахать студенток, профессор МакГрегор.

— Она не моя студентка, — говорит он сквозь стиснутые зубы, мышцы на шее выступают.

— Не думаю, что это будет иметь большое значение, когда я донесу на тебя, — говорит она. Смотрит на меня, лицо внезапно становится смиренным. — Я же говорила тебе, Наташа. Я тебя предупреждала. Сказала же, что, если он когда-нибудь посмотрит на тебя, придёт к тебе, свяжется с тобой, я уничтожу его карьеру. И ты мне поверила. Вот почему ты скрывала все это от меня.

Боже, у меня такое чувство, что все ускользает

— Именно поэтому, — умоляю я. — Так что, пожалуйста, имей немного сострадания. Я люблю его, и он любит меня.

Она кривит губы, осматривая меня с головы до ног.

— А как насчет меня? Как насчет подруги, которую ты отвергла, той, которой лжёшь? Где любовь для меня?

Я смотрю на нее, чувствуя себя такой чертовски беспомощной. Я не знаю, чего она хочет. Все выходит из-под контроля, полное сумасшествие.

— Мелисса. Ты моя лучшая подруга.

— Тогда скажи мне, что любишь меня.

Я открываю рот.

— Что?

— Скажи, что любишь меня, — говорит она. — Как друга, как кого угодно. Просто скажи мне это.

Но я не могу. Потому что не люблю ее. Не как подругу, ни как кого-то еще. До этого момента она была просто другом, человеком в моей жизни, но не тем, к кому я была глубоко привязана. Боже, может она и права. В этом мире лишь я, и никого больше.

За исключением Бригса.

— Правильно, — прищуриваясь, продолжает она. — Потому что ты не любишь никого, кроме себя и его. Что ж, вы оба, нахрен, идеальны друг для друга. Два самых эгоистичных человека на земле. — Она поворачивается и идет к двери.

Бригс тянется и хватает ее за руку, глядя на нее взглядом, который даже меня заставляет съёжиться.

— Если ты, бл*дь, доложишь на меня, я тебя уничтожу.

Некоторое время она смотрит на него, а затем качает головой, кислая улыбка на тонких губах.

— Тебе следовало выбрать меня, — говорит она. — Так было бы безопаснее.

Затем она выходит в коридор и исчезает. Бригс быстро закрывает дверь, запирает ее и проводит рукой по лицу.

— Черт побери, — шепчет он, подходя прямо ко мне. Он обнимает меня, но я едва могу двигаться. Не могу поверить в то, что только что произошло.

— Какого черта, — говорю я. — Я не... я не знаю, что сейчас было.

— Похоже, сейчас не время говорить тебе, что она нагло подкатывала ко мне после урока.

— Что? — шиплю я, отталкивая его. — Что она делала?

В сердце горечь и кислота. Вдобавок к панике.

Он кивает, отводя взгляд.

— Я не хотел тебе говорить, потому что не хотел быть причиной разлада. Она домогалась меня. Совершенно недопустимо, практически предлагая себя.

Мне больно. Я не могу дышать.

— И ты не сказал мне?

— Я не мог, — кричит он. — Я хотел, Наташа. Но потом подумал о тебе. Ты живешь с ней. Что бы ты сделала, если бы я сказал тебе? Ты бы поругалась с ней, и что потом? Все в конечном итоге закончилось по тому же сценарию, — он рычит от разочарования, прижимая кулак ко лбу. — Разве ты не видишь? Она хочет все, что есть у тебя, она чертова психопатка.

О, теперь я это вижу. Я просто не понимаю. Иногда я могу быть замкнутой, меня бывает трудно понять, возможно, я не подпускаю многих людей... или, может быть, я никого не подпускаю к себе. Возможно, Бригс — это первый человек, которому я позволила увидеть каждую часть себя.

— Наташа, — говорит он мне в тишине, притягивая к себе. — Не слушай ничего из того,

что она сказала. *Не надо*. Она ревнует тебя, и все. Ревность почти так же сильна, как и любовь, и определенно так же сильна, как и ненависть. Она деформирует людей. Она может взять самого милого, нежного человека и превратить его в нечто слабое и противное. Она злится, ей страшно, и она цепляется за соломинку.

— Ты оправдываешь ее.

— Никаких оправданий, — говорит он, облизывая губы. — Никогда. Я просто пытаюсь найти смысл в этом всем, как и ты.

— Она донесёт на тебя, — говорю я. Мой голос не перестаёт дрожать.

— Может, и нет, — со вздохом говорит он. — Думаю, она просто хочет, чтоб ее услышали, вот и все. Она просто больна и завистлива и все. Тебе нужно пойти домой и поговорить с ней.

— Что? Я не могу пойти туда, — кричу я. — Ты не слышал, что она сказала?

— Я знаю, но ты там живёшь. Я бы пошел с тобой, но это только ухудшит ситуацию. Послушай, Наташа, ты должна попытаться все сделать правильно, и, надеюсь, она прислушается к здравому смыслу. Она хочет, чтобы ты была с ней настоящей и беззащитной, поэтому будь такой. Затем начни искать другое жильё, прямо сейчас. На самом деле, я помогу тебе.

— Я могла бы жить здесь, — тихо говорю я.

Он вздрагивает, пытаясь улыбнуться.

— Хотел бы я, чтоб ты могла, дорогая, очень хотел бы, чтоб ты могла остаться здесь. Но прямо сейчас, когда она наблюдает за нами, не думаю, что мы можем поступить именно так. Я знаю, ты не моя студентка, но я действительно должен убедиться, что ни у кого из нас не будет проблем. Но я помогу тебе, и если это будет стоить дороже, я заплачу. Мне все равно. Ты просто не можешь больше оставаться там с ней.

Киваю.

— Я знаю, знаю, — отворачиваюсь от него, в груди завязаны узлы. В один момент все было идеально, а потом все превратилось в катастрофу. Последнее, чего я хочу, чтобы Бригс потерял работу. Он не может потерять еще что-то из-за меня, я этого не допущу. Гребаная Мелисса держит сейчас все в своих чертовых руках.

— Ладно, — вздыхая, говорю я. Мое сердце словно налито свинцом. — Я пойду. — Быстро надеваю рубашку и хватаю вещи. Меня мутит, и я никогда так не нервничала, я, словно действительно собираюсь в бой.

Внезапно Бригс сжимает мое лицо, и его глаза дико блуждают по нему.

— Я люблю тебя, — шепчет он. — И ты любишь меня. Не забывай об этом.

Я с трудом сглатываю.

— Не забуду.

Я не смогу.

И выхожу за дверь.

Глава 21

БРИГС

Сжимая и разжимая кулаки, я меряю шагами квартиру. Винтер лежит на полу, наблюдая за мной. На этот раз он полностью неподвижен, голова опущена вниз, глаза следят за

каждым моим движением, когда я хожу туда и обратно.

Я не знаю, что происходит с Наташей. Я писал ей сообщения, звонил, писал по электронной почте. Прошло несколько часов с тех пор, как она ушла, чтобы вернуться в свою квартиру и встретиться с Мелиссой, и я очень волнуюсь.

Мне следовало бы предвидеть это. Я чертов идиот, вот кто я.

Я знал, что Мелисса что-то затевает, но из-за своего, черт возьми, самолюбия не осознавал, насколько она была двуличной. Думал, может быть, она просто завидовала Наташе и хотела то, чего не могла получить. Я никогда не думал, что может произойти нечто подобное, что она станет преследовать нас и угрожать. Я должен был понять это, но я этого не сделал, и теперь мы расплачиваемся.

Я могу лишь надеяться, что Наташа сможет вразумить ее. Знаю, что я не могу этого сделать, хотя и готов попробовать. Если что-то пойдет не так, после урока я вызову Мелиссу в свой кабинет и постараюсь попытаться убедить ее. Я не против подкупить ее. Если она хочет отличные оценки и никогда больше не появляться на моих лекциях, я дам ей это. Все это противоречит всем моим моральным принципам как учителя, но Наташа — и моя работа — важнее. Я сделаю что угодно, чтобы все это исчезло.

Но думаю, реальная проблема в том, что мы все еще в опасности. Мы все еще прячемся от общественности из-за того, что может случиться, если об этом узнают в колледже. Что мне нужно сделать, так это исправить все. Убедится, что мы в безопасности, что можем быть вместе, независимо от того, пытается ли кто-то, как Мелисса, разрушить будущее для нас. Я должен был сделать это с самого начала, но любовь делает из вас полного дурака. Любовь — обманщик, шутник и фокусник. Она заставляет вас смотреть в одну сторону, и видеть лишь один путь, в то время как заставляет весь остальной мир исчезнуть. В конце концов, вы отрываетесь от того, кого любите, оглядываетесь вокруг и задаетесь вопросом, что, черт возьми, произошло.

Я продолжаю расхаживать по квартире, пока Винтер не начинает беспокоиться, а затем вывожу его на прогулку, продолжая писать Наташе.

У тебя все в порядке?

Я люблю тебя.

Ты поговорила с Мелиссой?

Что происходит?

Пожалуйста, поговори со мной.

Наташа, пожалуйста, я чертовски беспокоюсь.

И ничего. Нет ответа. Я размышляю о том, чтобы пойти в ее квартиру, но даже если бы я знал, где она находится, у меня такое чувство, что мое присутствие только ухудшит ситуацию.

Это ад. И я был в аду прежде.

Не знаю, как мне удаётся уснуть той ночью. Я пишу ей еще несколько писем, становясь похожим на преследователя. Проверяю ее Facebook, но она все равно его не использует. Мои звонки отправляются прямо на голосовую почту.

Я знаю, что-то ужасно неправильно.

На следующее утро у меня нет выбора, кроме как прийти в колледж пораньше и обосноваться у класса профессора Ирвинга в надежде увидеться с ней.

— МакГрегор, — говорит Ирвинг, оглядывая меня с ног до головы. — Пытаешься узнать что-то новое? Был бы более чем счастлив, если бы ты присоединился к моему классу.

— Я ишу студентку, — мягко говорю я.

— О, — говорит он, когда студенты заполняют лекционный зал, с любопытством глядя на нас, удивляясь, что я делаю здесь. Они все старшекурсники, но я знаю, что Наташа является ассистентом для этого класса. — Какую студентку?

— Одну из твоих ассистенток, Наташу Трюдо.

Он кивает, косясь на меня.

— Она довольно умна, но в последнее время не уделяет должного внимания учебе. Позор, действительно. Она могла преуспеть, если бы постаралась.

Постаралась. Ненавижу подобные слова преподавателя, и изо всех сил стараюсь не говорить такое студентам. Но само напоминание хорошо, потому что оно подсказывает мне, что в нашем мире есть гораздо больше, чем только наши отношения. Есть шанс, что Мелисса может испортить все и для Наташи, когда та только-только возвращается к жизни.

Он замолкает.

— Мисс Трюдо одна из твоих студенток?

— Нет, — говорю я, не предлагая ничего больше.

— Очень хорошо, — говорит он, к счастью, не настаивая на объяснении. И направляется в аудиторию. — Но она часто опаздывает, просто чтоб ты знал.

Он прав на этот счёт. Она так опаздывает, что даже не появляется когда весь класс уже на местах. Теперь я чертовски волнуюсь.

Возвращаюсь в свой кабинет, пытаюсь спланировать, что делать дальше, голова опущена, мозг рассматривает все возможности.

Затем поднимаю глаза. И вижу ее, стоящую рядом с дверью моего кабинета.

Я начинаю бежать по коридору, как будто если не успею вовремя поймать ее, она исчезнет.

Не позволяй ей снова стать призраком.

— Наташа, — хриплю я, и, приближаясь, вижу ее красные припухшие глаза, опухший нос. Она выглядит опустошенной, будто не спала уже несколько месяцев. — Что случилось? Я пытался звонить, отправлял сообщения, писал по электронной почте. Я с ума сходил от беспокойства.

— Я знаю, — вымученно говорит она.

Протягиваю руку, чтобы коснуться ее лица, но она отворачивается.

— Не надо, — шепчет она. Отстраняется и кивает на дверь. — Мне нужно поговорить с тобой там.

Тяжело сглатываю. В груди появляется тяжесть.

Мы заходим в мой кабинет, и я запираю за собой дверь. Сразу же обнимаю ее, крепко прижимая к себе.

— Черт. Расскажи мне, что произошло.

Она колеблется, а затем обнимает меня за талию, прижимаясь щекой к моей груди. Я чувствую, как ее сердце бьется напротив моего, дико и безумно.

Она делает глубокий, дрожащий вдох.

— Нам нужно покончить с этим, Бригс.

Предчувствие беды наполняет мою грудь.

— Покончить с чем? О чем ты?

Она фыркает и отстраняется, чтобы посмотреть на меня. Ее милое лицо разрывается от боли, глаза наполняются слезами.

— Я пыталась поговорить с ней. Правда пыталась. Она... она упивается властью. Просто... она хочет, чтобы я страдала, Бригс. Она думает, что это справедливо. Говорит, что мы — это неправильно...

— Наташа, — резко говорю я, крепко обнимая ее. — Ты достаточно умна, чтобы знать, что правильно и что неправильно. Мы — это правильно. Ты это знаешь.

— Знаю, — мягко говорит она, слеза катится по щеке. — Я знаю, что она ошибается, но это то, во что она верит. Она говорит, что я должна выбрать — я могу либо расстаться с тобой, и быть такой же несчастной, как и она, или могу остаться с тобой, и она удостовериться в том, что ты потеряешь работу.

Не могу даже осмыслить это. Единственное, что я могу понять, это количество страха, наполняющего меня, густого, тяжелого и неприятного.

— Это нелепо. Зачем? Почему?

Она пожимает плечами.

— Не знаю, она сумасшедшая. Она... предательница. Невыносимая сучка.

Обычно я бы посмеялся над этим, но в том, о чем говорит Наташа, нет ничего смешного.

— Послушай меня, — говорю ей. — Если на неё не действуют доводы, пусть так. Но я не отпущу тебя. Это не выход.

— А потерять работу это выход? — оправдывается она.

— Я не потеряю работу.

— Она сказала, что добьётся этого.

— Тогда я буду бороться, — говорю ей, начиная злиться.

— Она сделает так, что ты потеряешь работу.

— Тогда я уволюсь, — говорю я, даже не задумываясь. — Я уйду из колледжа, прежде чем она сможет что-нибудь сделать.

— Ты не можешь!

— Могу и сделаю, — говорю, всматриваясь в ее глаза, пытаюсь заставить ее понять. — Это работа, моя карьера, и я люблю ее. Я много работал для этого. Но, в конце концов, это не все. Это просто работа, и я всегда могу найти другую. С другой стороны, другой тебя нет. Моя работа не определяет меня, но ты именно так и делаешь, Наташа. Твое сердце определяет мое.

Теперь слезы катятся по ее щеке, и я пытаюсь убрать их поцелуями. Она поворачивает голову, смахивая их.

— Не могу позволить тебе так поступить. Лучше я уйду из колледжа.

— Нет, — резко говорю я. — Ты этого не сделаешь. Подумай, как следует.

— Это я и делаю! — восклицает она, вырываясь из моих объятий. — Нам надо расстаться.

Холод обрушивается на меня с отвратительной скоростью.

— Наташа, — предупреждаю я ее.

— Я думаю головой, — говорит она. — Я пытаюсь хоть раз в жизни повести себя не эгоистично.

— Ты просто упрямись ради упрямства, — говорю я.

— Пошёл ты, — язвит она. Я вздрагиваю. Это как пощечина. — Думаешь, у меня есть выбор? Думаешь, я этого хочу? Пожалуйста, Бригс, ты должен знать меня, понимать, что я не упряплюсь. Это единственный способ.

Но это не так, совсем не так.

— Я уволюсь, — просто говорю я. — Вот и все, что нужно сделать.

Даже не паникую от этой мысли. Все ощущается правильным. Это будет тяжело, и уверен, у меня будет масса проблем. Люди не поймут. Возможно, станет труднее найти новую работу, но я сделаю это ради нее. По крайней мере, мы перестанем прятаться. Мы можем быть вместе, как следует. Свободно, хотя бы раз в жизни.

— Ты не уволишься, — говорит она, голос становится жестче. Глаза темные и блестящие. — Я тебе не позволю. И эта вина не будет висеть на моих плечах. У меня и так ее уже достаточно. Ты сохранишь работу.

— Но тогда я потеряю тебя. Как это, черт возьми, не убьет меня?! — кричу я. Мое лицо горит, лёгкие сжимаются.

— Так правильно, — кричит она. — И это единственный выход. Мне жаль.

Я недоверчиво смотрю на неё. Невероятно. Я, правда, не могу поверить, что это происходит.

— Наташа. Пожалуйста. Ты погубишь меня. Не делай этого, — тихо говорю я, голос надламывается от отчаяния. Хватаю ее за руку, сжимая, пытаюсь заставить ее понять. — Не заканчивай все. Это несправедливо.

Она наблюдает за мной, я смотрю на нее, и она уничтожена, как и я.

— Знаю, что несправедливо, Бригс. Все это не справедливо. Но я уже заставила тебя потерять все хорошее в твоей жизни. Не собираюсь делать это снова.

— Но ты — *все* хорошее, — челюсть сжимается, кожа воспаляется, и я пытаюсь держать себя в руках.

— Ага, знаешь, — говорит она, вырываясь из моих рук, — может я и не такая.

Если бы мог, я бы задушил Мелиссу голыми руками. За мысли, что она вложила в голову Наташи. Она действительно начинает верить в них.

— Не уходи, — говорю ей. Хочу опуститься на колени, лишь бы она осталась.

— Прости, — всхлипывает она, отворачиваясь от меня, сердито вытирая слезы. — Не хочу причинять тебе боль, но я не могу сделать это. Не смогу снова пройти через это.

— Тогда не уходи, — повторяю я. — Пожалуйста, останься, бл*дь, здесь и люби меня.

Она смотрит на меня через плечо.

— Я люблю тебя, Бригс. Люблю, действительно люблю. Люблю больше всего на свете. Вот почему я должна так поступить.

Я закрываю глаза, резко вдыхая через нос.

— Тебе не обязательно так поступать, — шепчу я, впиваясь ногтями в ладони. Все в моей груди кажется напряженным и раздробленным. — Пожалуйста, умоляю, не поступай так со мной. Я — стекло в твоих руках, и я *ломаюсь*. Разве ты этого не видишь?

Наконец, я открываю глаза, надеясь увидеть, как что-то в ней изменилось. Решит ли она упрямиться или нет, факт остается фактом.

Она качает головой, глядя на меня самыми грустными глазами.

Она оставляет меня, потому что верит, что так правильно.

— Прости, — говорит она низким голосом и мне хочется превратиться в камень. — Пожалуйста, не надо меня ненавидеть.

Я смотрю на неё. Разрушаясь прямо у неё на глазах.

— Я никогда не смогу ненавидеть тебя, — удаётся выдавить мне. — Я люблю тебя.

— Тогда, если любишь, отпусти меня, — говорит она. — Позволь мне уйти. Позволь сделать все правильно.

Я качаю головой.

— Ты лишь делаешь все *неправильно*.

— Прощай, Бригс, — всхлипывая, говорит она, отпирает дверь и распахивает ее. — Пожалуйста, не пиши и не звони мне. Ради твоего же блага. И моего.

Затем она выбегает из двери, волосы взлетают вокруг нее, как плащ из золотого шелка, и я вынужден прислониться к столу, чтобы оставаться в вертикальном положении. Последние слова, сказанные ей тогда, столько лет назад, звенят в моих ушах, и теперь, теперь я понимаю, какую именно боль она испытывала все это время, пытаюсь справиться.

Мое сердце раздавлено. Полностью. У меня, словно наковальня в груди, все толкает и толкает, пока я не могу едва дышать.

Мне хочется рухнуть на пол. Корчась от боли. Я хочу погрузиться в сильнейшие муки, уйти обратно в эти чернильные глубины. Адское страдание. Смятение, разрезающее вас на части внутри, как ядовитые бритвы.

Но на этот раз все по-другому.

Потому что я не ощущаю вину.

И не чувствую стыд.

Я зол.

По-настоящему, охрененно, зол.

Это гнев на Мелиссу, на ситуацию, на мою собственную невнимательность, мешающую мне сосредоточиться на моем разбитом сердце. Она заставляет меня двигаться. Я не собираюсь покорно отступить и признавать поражение. Я выполз прямо из ада — я уже пережил худшее. Я зашел слишком далеко, чтобы, черт побери, сдаваться из-за того, что вещи кажутся невозможными, потому что кто-то хочет сделать мою жизнь несчастной.

Никто не сделает мою жизнь несчастной кроме меня.

Наташа сказала, остаться в стороне, не контактировать с ней.

Я обеспечу ей это, на данный момент.

Но если я собираюсь вернуть ее, то должен сделать все возможное, чтобы изменить ситуацию.

Должен сделать то, что правильно.

***

Медленно проходит неделя, и я остаюсь верен ее просьбе. Я не контактирую с Наташей, хотя каждую минуту думаю о ней. Размышляю, живет ли она с Мелиссой, удалось ли ей найти новое место, или она как-то смирилась с ней и решила остаться. Не похоже, чтобы она могла так поступить, но с другой стороны, не думаю, что ей было так легко покинуть меня.

Я стараюсь не горевать по этому поводу. Это тяжело. Потому что, насколько бы я не понимал рассуждения Наташи, я не понимаю, почему она думает, что потерять работу труднее, чем потерять ее. Работа приходит и уходит. Любовь — шанс один на миллион.

Я не вижу ее в колледже на неделе, и не знаю, удача это, или невезение, и в колледже ли она вообще. Но, к сожалению, я вижу Мелиссу. Она ничего не говорит мне, но смотрит на меня с этим самодовольством, которое мне хочется стереть с ее лица. Я ничего не даю ей. Веду себя как обычный человек, даже время от времени радуюсь и кажусь чудаковатым профессором, потому что последнее, чего я хочу, чтобы она получала удовольствие от того, что сделала, чтобы насладиться моей болью. Поэтому я ношу маску, и делаю это хорошо.

Когда наконец-то наступают выходные, я лечу в Эдинбург к родителям, прося Лаклана присутствовать. Я был не слишком уверен, что хотел видеть Кайлу, но Лаклан был непреклонен, говоря, что она скоро станет моей невесткой и что она часть нашего клана. Мне пришлось согласиться.

В субботу вечером мы все собрались за обеденным столом, все выжидательно смотрят на меня. Я знаю, они думают, что у меня есть какие-то важные новости, и да, это новости, но это совсем не то, что они ожидают услышать.

На самом деле мама выглядит особенно встревоженной, думая, что я вот-вот объявлю, что Наташа беременна, или мы женимся или что-то в этом роде. Жаль ее разочаровывать.

Я прочищаю горло.

— Что ж, полагаю, вы задаетесь вопросом, зачем я попросил всех вас собраться на ужин.

— Предположу, это из-за стряпни твоей мамы, — говорит отец.

— Это правда, — отвечаю я.

— Допускаю, это из-за меня, — говорит Кайла.

— И это верно, — бросаю ей с быстрой улыбкой. — Но, вообще — то... у меня есть новости. И это не совсем хорошие новости.

— О мой бог, — ахает мама, касаясь рукой груди. — Вы с Наташей расстались.

Я наклоняю голову, раздумывая над этими словами.

— Это часть всего.

Лаклан посылает мне тяжёлый взгляд.

— Мне очень жаль, — говорит он, и я вижу, что он на самом деле очень сожалеет.

Я вздрагиваю.

— Ну, дело в том. Ладно, будет странно услышать подобное, и я знаю, что должен был сказать вам все это очень-очень давно. Просто я слишком боялся, что вы не поймёте, что будете судить меня.

— Мы никогда не будем судить тебя, Бригс, — говорит мама.

— Даже я, — добавляет Кайла.

Я вздыхаю.

— Хорошо. Начнем. Я встретил Наташу летом перед смертью Миранды. Мы встретились, как уже говорили, в офисе фестиваля короткометражных фильмов. Но на этом дело не закончилось. Было нечто такое... загадочное в ней, она манила меня, и это было что-то такое, чего я никогда раньше не испытывал. Я был дураком, мне было одиноко, и я хотел этого. Поэтому я пригласил Наташу стать моей ассистенткой для книги, — я делаю паузу. — И она согласилась, — оглядываюсь, и все еще смотрят на меня, хотя думаю, Кайла, судя по хитрому взгляду, начинает что-то понимать.

Прочищаю горло и продолжаю.

— Таким образом, тем летом, почти каждый день мы работали вместе. И я... я влюбился в нее, — я ожидаю, что моя мама ахнет, но все еще... тишина. Слышу, как работает холодильник на кухне. — И она влюбилась в меня. Я никогда не спал с ней. Я был настолько верен Миранде, насколько возможно, но, по правде говоря, я не любил ее, и не уверен, что вообще когда-то любил. Даже не близко к тому, что чувствовал, что все еще чувствую к Наташе. У меня была эмоциональная связь, и это было неправильно. Мы оба это знали. И особенно я знал, что мне нужно уйти от Миранды.

Втягиваю воздух и закрываю глаза, надеясь, что это облегчит следующую часть.

— Итак, однажды вечером я сказал Миранде. Это была неподходящая ночь для честности. Я сказал ей, что хочу развестись, и когда она отказалась, сказал ей правду, что влюблен в кое-кого другого. Она запаниковала. Она была пьяна. Взбешена. Задним числом я бы сделал многое, но я не знал. Не знал. Я не ожидал, что она схватит Хэймиша, а потом сядет в машину и поедет...

Теперь у мамы перехватывает дыхание. Я поднимаю глаза, чтобы увидеть, как все смотрят на меня, на лицах написана боль. Даже у Кайлы глаза на мокром месте.

— Вы знаете, что произошло той ночью, — быстро говорю им. — Нам больше не нужно проходить через это снова. Но сразу после этого, плавая в глубине горя и вины, я рассказал Наташе, что случилось. Я сказал ей, что это наша вина, что мы сотворили все это, и я порвал с ней, потому что у меня не было выбора. Я безумно любил ее, но как я мог любить человека, который остановил мой мир? Так что я больше никогда не видел Наташу... до прошлого месяца.

— Господи, Бригс, — говорит отец, и он редко ругается. Он качает головой, снимая очки. — Не всякий человек может справиться со стольким количеством боли. Почему ты не сказал нам?

— Потому что вы бы не поняли.

— Они бы поняли, — грубо говорит Лаклан. — Мы бы все поняли.

— Бригс, ты наш сын, как и Лаклан, — серьезным голосом говорит мама. — Ты — семья, и мы любим тебя. Мы бы никогда не осудили тебя. И не осуждаем сейчас. Только подумать, что все это время ты обвинял в том, что произошло, себя.

— Это многое объясняет, — вздыхая, добавляет папа.

— Ты не плохой человек только потому, что влюбился в кого-то другого, — говорит Кайла, глядя на меня с редкой искренностью в темных глазах. — Ты просто человек. Как и все мы.

Не могу сказать, что на сердце не теплеет от таких слов, но проблема все ещё не в этом.

Лаклан возвращается к этому, говоря:

— Так почему вы расстались?

Я громко выдыхаю.

— С чего бы начать? У одной из подруг Наташи, Мелиссы, в этом году она моя студентка, зуб на нас. Особенно на Наташу. Она знает, что мы встречаемся, и грозиться донести на меня.

— Донести за что? — спрашивает Кайла. — Ты не учитель Наташи.

— Нет. И даже в следующем году мы бы сделали все, чтобы она не оказалась в моем классе. Но эта девушка действительно может навредить. Она флиртовала со мной, пыталась подкатывать, очевидно, достать какие-то доказательства, и, конечно же, я старался вести себя максимально профессионально, отшивая ее. Но она восприимчивая. Нет, она чертова сумасшедшая. И теперь она хочет, чтобы мы страдали. Поэтому она угрожала нам обоим и сказала Наташе, что, если та не оставит меня, она сделает так, чтоб меня уволили. Кто знает, какую ложь, она может придумать.

— И поэтому она оставила тебя, — недоверчиво говорит мама.

Я киваю.

— Да. Она так и сделала. Она не хотела, чтобы я потерял работу. Она думает, что поступает правильно, но это не так.

— Она пытается спасти тебя, — тихо говорит Кайла.

— Знаю. Но она не может спасти меня, оставив. Иногда это срабатывает, но не в этом случае.

Папа прочищает горло.

— Очень благородно с ее стороны, — говорит он. — Но могу сказать, ты не примешь такое решение. Однако у тебя очень редкая должность преподавателя, и об этом стоит подумать. Такая должность появляется не каждый день.

— Нет, так и есть. Но и она уникальна. И если я должен выбирать, здесь даже и думать не надо. Я выбираю ее.

— Ну и что ты собираешься делать? — спрашивает Лаклан, начиная разрезать жаркое. Этот мужчина не может долго контролировать свой аппетит. — Что ты можешь сделать?

Качаю головой.

— Не знаю. Первым шагом было сказать вам. Следующим... думаю, я должен рассказать руководству.

— Рассказать им что? — спрашивает отец. — Что ты встречаешься со студенткой?

— Да, — говорю я. — И если это сработает, надеюсь, что увижу ее снова. Послушайте, я не могу отпустить ее, и не отпущу. Жизнь редко дает нам второй шанс.

— Но что, если ты скажешь им, и они уволят тебя, и ты не вернешь ее? — спрашивает Кайла.

— Всегда такая оптимистка, да? — говорю ей. — В этом случае, по крайней мере, я сделаю все, что могу. Я не сдамся без борьбы.

Мои слова повисают в воздухе, все замолкают, и мы, наконец, наслаждаемся едой. Только позже, когда Лаклан собирается уходить, он притягивает меня в объятие.

Должен сказать, меня это удивляет.

— Это ещё зачем? — говорю я, отстраняясь.

Он хмурится, глядя на меня, на лбу миллион морщин.

— Это потому, что я знаю, что значит бороться. Ты не должен делать это в одиночку. Пойди и верни ее Бригс. Я с тобой. — Хлопает меня по спине.

Это адски больно.

Но его слова придают мне сил.

***

На следующее утро я встаю с утра пораньше, останавливаясь в дверях старой комнаты Лаклана и глядя на кровать, где мы с Наташей были вместе. Солнце проникает в окно, и я практически вижу ее там, улыбку на лице, ярко сияющую для меня в тот момент, когда я сказал ей, что люблю ее. В тот момент когда она позволила себе поверить.

Я вспоминаю все это и знаю, я никогда не был настолько честен, никогда не был настолько уверен в чувствах, как тогда. И поэтому я должен почтить кое-кого.

Я должен почтить память других людей.

Перед тем, как отправиться в аэропорт, я прошу водителя такси высадить меня на кладбище, где похоронены Миранда и Хэймиш. Останавливаюсь перед их могилами и опускаю наспех составленный букет поздних цветов, которые выбрал в саду моей мамы.

Утром здесь тихо, почти пусто и светит солнце. Все еще лежит туман, и птица рядом все поет и поет, сладко щебеча мелодию. Словно звуки весны, хотя наступает осень. Может быть, это знак возрождения. Возможно, мне больше не нужны признаки.

Я прочищаю горло и становлюсь над могилами, блестящими надгробными камнями.

— Вы оба знаете, что не проходит и дня, когда я не думаю о вас. Что я помню каждую красивую деталь. Это никогда не изменится. Пока я продолжаю жить, это никогда не изменится. Благодаря хорошему и плохому вы оба многому научили меня, и более того, вы научили меня тому, что значит быть живым, — я прерываюсь, делая глубокий вдох. — Я просто хотел, чтобы вы оба знали, что я люблю вас. И что я нашел кое-кого, кто делает меня очень счастливым. Все случилось так, как никто из нас и не думал, и хотел бы я, чтоб в моих силах было сделать так, чтобы вы оба были здесь со мной. Но, правда в том, что у жизни для нас другие планы, колоссальнее, чем те, которые у нас самих. Думаю... думаю, я, наконец, готов двигаться дальше. Не знаю, куда иду, но знаю, чего хочу, и я буду бороться за это. Мне просто нужно было ваше разрешение, ваше прощение, прежде чем я пойду вперед.

Я знаю, что мертвые не могут ответить, но это не значит, что я не жду. Закрываю глаза, принимая печаль, горе и выдыхаю надежду. Я чувствую это в своих костях.

Я чувствую любовь.

И я чувствую свободу.

Глава 22

НАТАША

Прошло две недели с тех пор, как я в последний раз разговаривала с Бригсом тем ужасным днем в его кабинете, где я не только разбила себе сердце, но и сломала его тоже. Две недели и образ его, разваливающегося на моих глазах, эта боль и пустота, написанные на его лице, все время у меня перед глазами. Это все, что я вижу. И во сне, и когда просыпаюсь. Это мое наказание за то, что бросила его, чтобы поняла, как сильно обидела его.

Но я ранила и себя. Очень сильно. И меня нельзя исцелить. Как и раньше, я на крак черной дыры и очень близка к падению. Я знаю, что свободное падение очень похоже на любовь. Но счастливого конца нет.

Не знаю, как мне удастся не опустить руки. Возможно потому, что я знаю, что такое глубина. Может быть, потому, что, на этот раз, это был мой выбор. Я просто знаю, что это единственное, что я могла сделать. Я разрушила его в прошлом, и наша любовь отняла у него очень много. Я больше не буду этого делать.

И, возможно, это потому, что я знаю, что, в конце концов, не смогла бы это пережить. Как он мог бы любить меня, смотреть на меня, когда знал, что я причина, по которой ему пришлось отказаться от идеальной карьеры?

Он бы обижался на меня. Я сама бы злилась на себя.

Мы бы расстались.

И у него бы снова ничего не осталось.

В его жизни было слишком много плохого.

Я просто не могу так поступить.

Ужас в том, я знаю, что он любит меня больше, чем любит свою работу. Я знаю, что все, что он сказал — правда, что ради меня он в одно мгновение оставит свою работу, сделает это ради нас. Я это знаю, и поэтому не могу допустить. Не могу позволить ему сделать такой выбор.

Так что я сделала выбор за него.

И я умираю внутри. Медленно.

Но неизбежно.

Все усугубляется тем, что я не только продолжаю встречаться с ним в колледже, к счастью, на расстоянии, хотя мне даже больно видеть его тень, но я все еще живу с Мелиссой.

И не потому, что не пыталась это исправить. Я постоянно сижу на Крейглисте и каждый день ищу соседей по квартире. Я не сдаюсь и посещаю квартиры, когда не на учебе. Но это не так просто, когда у вас не так много денег, и учеба только началась. Я почти согласилась делить квартиру с одной сердитой девушкой, пока она не сделала чрезмерно расистский комментарий о ком-то, кто подал заявку, и тогда мне пришлось убежать оттуда со всех ног.

Нет никакого лучика надежды. Никакой спасительной благодати. Мелисса не говорит мне ни слова, но почему-то это лишь ухудшает ситуацию. Она все время наблюдает за мной, пытаюсь понять, куда я иду, что делаю. У меня словно есть долбаный частный детектив, следующий за мной по пятам и ожидающий, когда я совершу ошибку.

Но я ничего не делаю. Я не общалась с Бригсом, и, не считая двух электронных писем, которые я быстро удалила, собрав в кулак всю свою волю, я ничего не слышала от него. Я делаю все, что могу, чтобы удержать его в стороне от неприятностей, позволяя ему жить жизнью, которая была у него до этого.

Мне больше нечего скрывать.

Ну, честно говоря.

Это не совсем правда.

У меня задержка.

Приличная задержка.

Обычно у меня довольно регулярный цикл, поэтому это пугает меня до чертиков, и, конечно же, я вспоминаю, что у нас был незащищенный секс в Эдинбурге. На следующий день я приняла таблетку, может, чуть позже, чем должна была, но это должно было сработать, примерно в девяносто девяти процентах случаев.

Я не могу быть этим одним процентом.

Не могу.

Это просто стресс, — говорю я себе, беря домашний тест на беременность в аптеке и идя в квартиру. — *У тебя сильный стресс, ты не ешь, каждый вечер плачешь, пока не уснешь.*

Все это правда.

Я полная развалина. Я едва ли хожу на занятия, а по вечерам едва справляюсь со своими бумагами. И даже не начинала писать диссертацию. Трудно делать что-то, кроме как барахтаться в озере боли. А иногда я не могу дышать, потому что в груди пустота и я плачу слишком сильно, чтобы почувствовать что-нибудь.

Все это происходит по ночам, и я знаю, Мелисса может услышать меня, но я так расстроена — так потеряна — что даже не могу скрывать эмоции, не могу молчать. Знаю, она наслаждается болью, слезами, тем, как моя предположительно идеальная жизнь была разрушена, и она поставила меня на место.

Но это не так, это не мое место.

Бригс был всем.

Так что да, это стресс, — говорю я себе еще раз, когда вхожу в ванную, благодарная за то, что Мелиссы нет дома, поэтому я могу сделать все спокойно. — *Просто стресс.*

Я делаю глубокий вдох, следуя инструкции и писаю на палочку.

Смотрю на розовые полоски.

Проходят секунды.

Я молюсь, чтобы вторая полоска не появилась.

Но появляется одна.

А затем и вторая.

Две розовых полоски.

Положительный.

— Нет, — тихо вскрикиваю я. Быстро трясу палочку, словно это изменит результат.

Но он не меняется.

Бл*дь.

Я беременна.

Нет, — говорю себе. — Такие тесты так рано ничего не могут показать. Возьми другой.

Так и делаю. Бегу по кварталу и покупаю еще два.

Затем делаю все снова и результаты все те же.

Беременна.

Беременна.

Сомнений нет.

Теперь Мелисса дома, и я в панике. Мне нужно взять анализы из ванной, потому что я не смею выбрасывать их в мусор. Она увидит, а потом пойдет к Бригсу. Она подумает, что у нее есть доказательство того, что я не послушала ее.

Я закрываюсь в своей комнате, пряча тесты в мешок, и засовываю их под кровать, пока пытаюсь спланировать, что делать дальше. Мне нужен план.

Но у меня нет плана.

Как я могу планировать это?

Я сижу на кровати и пытаюсь думать, но моим сердцем управляют лишь эмоции.

Я беременна.

Ребенком Бригса.

Черт возьми.

Я полностью облажалась, потому что я не с Бригсом, потому что никогда не смогу быть с Бригсом, и я собираюсь пройти через все в одиночку. У меня нет семьи, на которую можно было бы положиться. Я не знаю, как смогу родить ребенка и все равно ходить в колледж. Даже не знаю, как я могу позволить себе ребенка.

Но потом... за дико бьющимся сердцем, предстоящей панической атакой, и ощущением полной гибели, есть что-то еще.

Что-то, что я никогда не думала, что чувствовала раньше.

Надежда.

Я всегда считала, что когда-нибудь, когда встречу подходящего человека, у меня будут дети, но, честно говоря, они никогда не были чем-то реальным. Может быть, потому, что у меня было такое дурацкое детство. Может быть, потому, что вся моя жизнь была связана с попыткой выбраться из всего этого. Я сосредоточилась на колледже, кино, на вещах, которые, как я думала, хотела. Даже отношения были чем-то, что я отодвинула в сторону.

Но это... даже если я останусь одна, это ребенок *Бригса*. Мужчины, которого я люблю больше всего на свете. Ребенок будет результатом любви двух людей, которые так сильно

любили друг друга. Два человека, которые так сильно любили друг друга, что нашли друг друга снова, даже если против них весь мир.

Волна страха накрывает меня, та, которая говорит мне, насколько я не подготовлена, насколько тяжело будет справляться в одиночку, что я не знаю, что делаю.

Но потом я понимаю, как чертовски глупа.

Эгоистична, глупа и ужасно наивна.

Дело в том, что я не могу пройти через это в одиночку.

Даже если хотела бы, не могу.

Я должна сказать Бригсу.

Это идет вразрез со всем, что я намеревалась сделать, и это снова риск.

Но я не могу иметь ребенка, не сказав ему.

Он заслуживает знать.

Он должен знать.

Бригс потерял своего единственного ребенка.

Это его второй шанс.

Остаться в стороне... я не могу сделать это с ним. Не могу поступить так с собой. И не могу сделать подобное с ребёнком.

Я должна сказать ему.

Неважно, что говорит он, что думаю я, он должен знать.

Мое сердце трепещет от нетерпения и тепла при мысли о встрече с ним, но я должна сделать все правильно. Завтра я пойду в клинику и проведу тест у доктора, просто чтобы убедиться. Затем пойду в его кабинет и буду молиться, чтобы Мелисса не увидела меня.

Понятно, что я едва ли сплю. Ворочаюсь и кручусь всю ночь.

Эмоции переполняют меня.

Я размышляю о том, как отреагирует Бригс. Испугается ли он? Обрадуется?

Думаю о его работе. Потеряет ли он ее? Сохранит ли?

Я думаю о самой беременности, о том что я ничего не знаю, и какой потерянной буду.

Я так напугана.

И так напряжена.

Я испытываю миллионы разных чувств, и все же они все бурные и страстные.

Во мне растёт ребёнок Бригса.

Ещё слишком маленький.

Но уже имеющий такое огромное значение.

Это меняет... *абсолютно все.*

Глава 23

БРИГС

— Спасибо, Бригс, — с вежливой улыбкой говорит доктор Сара Шалмерс, заведующая кафедрой университета, когда я встаю со стула. — Мы рады, что ты рассказал нам все как есть.

Я наклоняюсь, чтобы пожать ей руку, надеясь, что моя ладонь сухая.

— Рад, что ты и Филипп смогли встретиться со мной, — говорю я, глядя на декана, Филиппа Бака. Как обычно, его выражение лица нейтральное, не намекающее ни на что.

— Скоро мы дадим тебе знать, что решили, — говорит Сара, и хотелось бы мне понять что-то по ее голосу, что дало бы мне ключ к моей судьбе. Но опять же, я все еще слеп.

Киваю им обоим и покидаю кабинет, рад убраться отсюда.

Это заняло много сил и несколько дней, чтобы, наконец, встретиться с заведующей кафедры и деканом, чтобы обсудить нашу с Наташей ситуацию. Мне повезло, что Сара — та, кто помогла мне устроиться сюда, дружит с дядей Кейра, Томми. Но декан — тот, кто организовал дело с последним профессором. Тем, которого я заменил. Тем, который был уволен за сексуальные домогательства. Не очень хорошо, что моя проблема касается аналогичной темы.

Но я сказал им правду, и это все, что я могу рассказать. Даже если мы с Наташей не будем снова вместе, такая страшная мысль причиняет мне невообразимую боль, я, по крайней мере, буду уверен, что сделал все, что мог.

Тем не менее, освобождение, это небольшое утешение в жизни без моей золотой девушки рядом.

Я направляюсь к своему кабинету, раздумывая, как долго они собираются совещаться. Сара сказала, что, хотя Наташа и не моя студентка, она студентка моего факультета, и я нахожусь в положении власти над ней, если она когда-либо придет в мой класс. Прямые отношения учитель-студент противоречат кодексу поведения из-за манипуляций с оценками и академической репутацией, и результат всегда таков, что профессор теряет работу. Мелисса была права. Но все остальное в каждом конкретном случае зависит от отношения студента и учителя. Тот факт, что мы с Наташей знали друг друга раньше, само по себе неплохо.

Тем не менее, звучит не очень многообещающе. Это редко позволительно и только в определенных обстоятельствах. Такого в принципе никогда не случалось в Королевском колледже. Я могу лишь надеяться, что то, что я пошел к ним и признал правду, может помочь им понять, насколько я искренен, сколько это для меня значит. Теперь я, по крайней мере, знаю, что они не собираются увольнять меня из-за моего признания. Но возможно ли, чтоб нам с Наташей разрешили быть вместе — другое дело.

Конечно, главным препятствием является тот факт, что я уже в течение нескольких недель не видел ее и ничего от нее не слышал. Недавно я пытался связаться с ней, написав два письма, просто желая узнать, как она. Но, конечно же, она не ответила.

Я нахожусь почти у дверей кабинета, как что-то заставляет меня посмотреть дальше по коридору.

Моя голова поворачивается, словно сама по себе, и мне нужно мгновение, чтобы понять, что Наташа неподвижно стоит в дальнем конце коридора и смотрит на меня.

Не знаю, что делать. Последний раз, когда мы видели друг друга, я побежал за ней, и она все продолжала убегать.

Поэтому на этот раз я делаю глубокий вдох и заставляю себя оторвать взгляд от нее, прежде чем снова побежать следом, тем самым испугав ее. Я открываю дверь в свой кабинет и быстро захожу внутрь.

Но оставляю дверь открытой.

Ложная надежда, но я все же надеюсь.

Сажусь за свой стол, нервы на пределе, сердце барабанит в груди. Сначала встреча, теперь это. Не уверен, что доживу до конца этого семестра.

Пристально смотрю на дверь. Я стараюсь занять себя, заняться чем-то другим, но

смотрю на эту проклятую открытую дверь, и я надеюсь, желаю, молюсь, чтобы она появилась.

Затем.

Она так и делает.

Как призрак, она робко входит в кабинет, и мне приходится несколько раз моргнуть, упиваясь её видом, чтобы убедиться, что она настоящая.

Она прекрасна, невозможно описать словами. Даже лишь в джинсах с тем, что выглядит как кофейное пятно на бедре и белом свитере с v-образным вырезом, волосы стянуты в грязный конский хвост, а на лице ни следа макияжа, она — самое прекрасное существо, которое я когда-либо видел.

— Привет, — говорит она, прежде чем посмотреть в коридор. — Я искала тебя. Можно войти?

Я киваю, не в состоянии произнести ни слова.

Она входит, закрывая за собой дверь и запирая ее. Подходит к столу и смотрит на меня. Не могу понять, что с ее глазами. Они грустные. Испуганные. Она... нервничает.

— Я... — начинаю говорить. Но мне столько всего нужно сказать, что я едва способен держать все это внутри. — Я скучаю по тебе.

Она сглатывает, быстро кивая.

— Я тоже скучаю по тебе.

Бл*дь. Мне больно от этих слов.

— Ты нашла новое жилье? — удается сказать мне, всасывая дыхание.

Она качает головой.

— Нет. Я пытаюсь. Я найду.

— Гребаный ад, Наташа, — моим губам больно даже произносить ее имя. — Ты не можешь находиться рядом с ней. Она — яд.

— Большую часть времени она не трогает меня, — говорит она. — Но она наблюдает за мной. Для меня было очень рискованно приходить сюда.

— Знаю, — произношу я, делая глубокий вдох. — Так почему ты пришла сюда?

Она кусает губу, брови сведены вместе.

— Мне нужно было снова увидеть тебя. Нужно поговорить с тобой, — смотрит назад на дверь, словно ждет, что Мелисса придет с ключом и откроет ее.

— Не переживай, — говорю ей, тоже глядя на дверь.

— Если она поймает меня здесь...

— Не важно, — говорю я. — Она не может больше навредить мне.

Она хмурится.

— Что ты имеешь в виду?

Я откидываюсь назад в кресле.

— У меня только что была встреча с деканом и заместителем кафедры. Я рассказал им все, Наташа.

Она беспомощно смотрит на меня. Я ожидаю, что она рассердится, закричит, но вместо этого в ее глазах видно мерцание надежды.

— Что они сказали?

Пожимаю плечами.

— Они слушали. Большую часть времени. Сказали, что все обсудят и сообщат мне.

— Тебя не уволили?

— Нет, меня не уволили. Но это никогда и не было проблемой. Дело не в том, чтобы рассказывать им, что я сделал, и не быть наказанным за это. Речь идет о том, чтобы сказать им, что я планирую продолжать делать.

— Планируешь продолжать? — повторяет она.

Мой смех короткий и сухой.

— Наташа. Не знаю, что ты думаешь делаешь, пытаюсь спасти меня, спасти мою работу. Но это не работает. Я не закончил с тобой. Ты не уйдешь так легко. Я хотел знать, смогу ли я продолжать встречаться с тобой, даже если прямо сейчас тебя у меня нет.

— А что, если они скажут, что ты не сможешь встречаться со мной? — тихо спрашивает она. — Что, если они заставят тебя выбирать.

— Тогда ты знаешь, что я выберу, — говорю ей. — Тебя. И тебе придется принять это, потому что я тебя не отпущу. Никогда. Я люблю тебя. Ты, кажется, не понимаешь, как крепко связаны наши души.

Ее глаза смягчаются, на губах появляется слабая улыбка. Я ожидал, что она будет упрямиться, бороться с моим решением, скажет мне, что ей нужно делать то, что правильно, и оставит меня, чтобы я мог сохранить работу.

Но, несмотря на тревожность, она почти кажется... счастливой.

Подобная перемена настроения поражает, хотя знаю, что мне не стоит сомневаться.

— Мне нужно кое-что тебе рассказать, — говорит она, и на какой-то момент я беспокоюсь, что она скажет, что встретила кого-то другого и не может быть со мной, как бы я ни старался, независимо от того, насколько сильно я люблю ее.

— Что? — шепчу я, пытаюсь оставаться спокойным.

Она закрывает глаза, облизывая губы, словно пытаюсь собраться с силами. Чем дольше тянется время, тем больше я боюсь, что действительно навсегда потеряю ее. Эта мысль ужасает.

Комната погружается в тишину.

Пульс стучит у меня в ушах.

Наташа делает глубокий вдох.

— Я беременна.

Слова повисают между нами.

Это последнее, что я ожидал услышать. На самом деле, не уверен, что расслышал правильно.

— Ты что?

Она открывает полные слез глаза. Не могу сказать, это слезы счастья или наоборот.

— Я беременна, Бригс. Я сделала несколько тестов. Ходила к доктору. Все положительные.

— И он мой? — говорю я, хотя чувствую себя идиотом, спрашивая подобное.

Она соответствующе смотрит на меня.

— Конечно, он твой. Я спала только с тобой. Он твой, Бригс, — глядя в сторону, пытается сделать вдох. — И я не знаю, что ты чувствуешь по этому поводу и что хочешь делать, но я просто хотела сообщить тебе. Потому что тебе нужно знать. Ты заслуживаешь знать. И я сохраню его.

Я не могу двигаться. Не могу дышать.

Не могу думать.

Единственное, что движется, это мое сердце, продолжающее быстро биться и танцевать,

чувствуя себя таким легким, что оно может просто уплыть.

— Ну, — говорит она, вытирая слезу и складывая руки. — Скажи хоть что-нибудь.

Но я ошарашен.

Радость, проходящая через меня, огромна.

Я онемел от дьявольского счастья.

— Я... ты беременна, — шепчу я.

— Да, — говорит она, — твоим ребенком, — шмыгает носом и посылает мне самую шикарную улыбку. — Я стану мамой.

Черт побери.

Черт. Побери.

— Ты беременна моим ребенком, — говорю я, пытаюсь встать на ноги, хотя и не чувствую их, не чувствую ничего, кроме этого света внутри меня, пытающегося вырваться наружу. — Ты беременна.

— Да, да, — говорит она, посмеиваясь. — Это хорошо, правда? Скажи мне, что это хорошо, Бригс, я так дьявольски испугалась, — ее лицо вытягивается, и я вижу, как она дьявольски напугана.

И вот тогда это все ударяет меня. Реальность. Масштаб всего происходящего.

Вот тогда я прихожу в себя.

Я подхожу к ней и притягиваю ее в объятия, крепко держа, целую ее макушку, снова и снова.

— Да, это хорошо, это так дьявольски хорошо, — говорю ей, и теперь приходят слезы. Не могу сдержать их, даже не пытаюсь. — Наташа, даже не знаю, что сказать, но это хорошо. Я люблю тебя. Я так тебя люблю, и я... — прерываюсь, рыдание вырывается из меня. — Я хочу этого больше всего на свете. Это так прекрасно. Он будет твоим и моим. Мы будем любить его.

Она держится за меня так же крепко, как и я за нее, и теперь тоже плачет, мягко хныча в мою грудь.

— Я хочу этого, Бригс. Я хочу, чтоб мы снова были вместе. Хочу быть с тобой, я хочу любить тебя и продолжать. Не хочу делать все это в одиночку.

Я отступаю и беру ее лицо в руки, улыбаясь так широко, что мое лицо, кажется, может треснуть, хотя слезы продолжают течь по щекам, и все на вкус, как соль.

Это вкус радости.

Начала.

Жизни.

— Тебе никогда не придется делать это в одиночку, — говорю я, глаза ищут ее. — Мы в этом вместе. Мы *всегда*, с того момента, как я встретил тебя, были в этом вместе. Это наш ребенок. Это о нас. Это наше будущее. Мы так много пережили, чтобы оказаться здесь и сейчас, и тебе нужно знать, что ничто, ни колледж, ни друзья, семья или карьера или что-либо еще, не помешают нам. Мы заслуживаем любви. Мы этого заслуживаем.

Она кивает, и я отвожу волосы от ее лица, глаза опухли, но она все еще разбивает мне сердце.

— Я обещаю, что больше не позволю тебе уйти, — говорит она. — Обещаю бороться.

— Просто обещай встать, — хрипло говорю ей. — Что бы ни встретилось нам на пути. Обещай мне, что будешь вставать. К черту пепел. Ты — огонь. Мы — огонь.

— Мы — огонь, — говорит она. — Так и есть.

Еще одна волна радости врезается в меня, и я издаю небольшой, безумный смешок. Целую ее лоб, щеки, нос, губы. Целую ее и рассказываю, как я ее люблю, и сделаю для нее все. Говорю ей, как сильно уже люблю ребенка, и что буду лучшим отцом, каким могу быть. Говорю ей, что она будет отличной матерью, и это только начало, начало всей нашей совместной жизни. Третий шанс.

Но ведь третий всегда счастливый.

Некоторое время мы остаемся в кабинете, словно в коконе. Мы больше не боимся Мелиссу, последствий. Сейчас кажется невозможным, что мы когда-то боялись. Ребенок — наш ребенок — меняет все. Мы остаемся там, потому что новости, радость, кажутся такими новыми и хрупкими. Я боюсь выйти в мир, боюсь, что все это может исчезнуть.

В какой-то момент кто-то даже стучит в мою дверь, но я не решаюсь ответить на стук и разрушить чары. Вместо этого Наташа сидит на стуле напротив, я кладу ноги на стол, и мы разговариваем несколько часов. Как в старые времена мы говорим о фильмах, моей книге, ее диссертации, будущем, только сейчас один из нас иногда смеется или плачет или упоминает, что мы будем родителями.

Для меня это самый большой подарок, который я когда-либо мог получить. Ничто никогда не заставит Хэймиша вернуться, и ни один ребенок не сможет сравниться с ним. Он был прекрасной душой, единственной в своем роде, и мир без него стал менее ярким. Но я могу дать так много любви и знаю, Хэймиш чувствовал это. Он хотел бы, чтобы любовь перешла к другому ребенку, в то время как я продолжаю любить его и скучать по нему в моем сердце.

Просто не думаю, что я раньше когда-то ощущал такую надежду. Чистую, ясную надежду.

Она заставляет меня плакать, заставляет упасть на колени.

Осознание того, что жизнь хороша — лучше, чем хороша — и все будет становиться только лучше.

Время ужина, и я собираюсь предложить Наташе поесть что-нибудь, чтобы отпраздновать, когда звонит мой телефон.

Я беру мобильник и смотрю на номер.

Это Сара, заведующая кафедрой.

Мои глаза расширяются, и внезапно я снова начинаю нервничать.

Отвечаю.

— Бригс.

— Бригс, — говорит Сара. — Я не вовремя?

— Нет, нет, — быстро отвечаю я, закрывая ухо, чтобы слышать ее лучше.

— Я останавливалась у твоего кабинета, но тебя не было, — говорит она. — Просто хотела сообщить, что я поговорила об этом с Филиппом, а также с Чарльзом Ирвингом, так как он выше по должности, и я пыталась получить третье мнение.

Я мысленно стону, чувствуя, как надежда испаряется. Ирвинг ненавидит меня, и Наташу он тоже не любит.

— Так как у вас уже раньше были отношения, мы решили, что теперь вы с мисс Трюдо можете свободно общаться, — говорит она, и не думаю, что раньше выдыхал так громко. — Основываясь на следующем: она не должна когда-либо брать ни одно из твоих занятий и, в любом случае, не может взаимодействовать с тобой в колледже. Это означает: приходить к тебе в кабинет, заглядывать на твой урок, или лекцию, или что-то другое, что может создать

неправильное впечатление. То, что вы делаете в свое свободное время за пределами университетского городка — не наше дело. Ей около тридцати, и вы оба взрослые. Но в тот момент, когда любое из правил будет нарушено и репутация программы окажется под угрозой, боимся, тебе придется уйти в отставку.

— Тебе не придется беспокоиться об этом, — говорю ей. Наташа наклоняется на стуле, выжидающе глядя на меня.

— Я доверяю тебе, Бригс, — говорит она. — Ты хороший учитель, и, честно говоря, ты заслужил немного удачи.

Ах. Вот почему я стал исключением. Жалость сыграла не последнюю роль. Ну, я, черт возьми, приму это.

— Огромное тебе спасибо, Сара, — любезно говорю ей. — И передай то же Чарльзу и Филиппу.

Я вешаю трубку, и Наташа уже улыбается мне, подняв брови.

— Ну?

— Они обсуждали это с твоим любимым профессором Ирвином, — говорю я ей.

Ее глаза округляются.

— О, нет, — восклицает она.

Улыбаясь, пожимаю плечами.

— Ну, не знаю, думаю, ты все же нравишься старому ублюдку.

— Что ты имеешь в виду?

— Они сказали, я могу сохранить работу.

Она практически подпрыгивает со стула, хлопая в ладоши.

— Ты серьезно? Бригс, это чудесно! Боже мой. Не могу в это поверить.

— Но когда мы в колледже, должны притворяться, что не знаем друг друга, — говорю ей. — И это значит больше никаких свиданий в кабинете, как сейчас. Но думаю, мы сможем компенсировать все, когда ты переедешь ко мне.

— Что?

— Переезжай ко мне, — умоляю я. — Сегодня. Вечером. Давай возьмем твои вещи и заберем тебя оттуда.

— Ты уверен? — спрашивает она, хотя ее глаза уже сияют от этой мысли.

— Наташа, ты беременна моим ребенком, — напоминаю ей, автоматически улыбаясь этой мысли. Она никогда не станет старой, никогда не перестанет ощущаться потрясающей. — И мы свободны быть друг с другом за пределами колледжа. Нечего бояться. Если у Винтера нет возражений, ты переезжаешь ко мне.

— Ладно, — говорит она, удивленно моргая. — Сегодня вечером?

— Прямо, черт возьми, сейчас, — говорю ей, поднимаясь. — Вставай, пошли. У тебя ведь почти все собрано, да?

Она кивает.

— А Мелисса?

Моя улыбка, вероятно, больше похожа на оскал.

— Не могу дождаться, когда увижу выражение ее лица.

Мы вместе покидаем колледж, оба взволнованы и немного безумны. Все движется так быстро, и все же это не кажется достаточно быстрым. Я хочу, чтобы она была в моей квартире, хочу каждое утро просыпаться с ней, я хочу жить с ней, улыбающейся рядом. Тот факт, что нам просто (в узком смысле) предоставлена свобода, почти ощущается так, словно

мы были помилованы в тюрьме, и мы бежим по улицам вместе, прикасаясь друг к другу, целуясь, смеясь, просто укрепляя все это.

Но мы по-прежнему в опасности. Когда мы добираемся до моей квартиры — нашей квартиры — я вынужден бороться с желанием взять ее в тот самый момент, когда мы заходим внутрь. Но нам все ещё надо разобраться с кое-чем важным, и наши нервы не успокоятся, пока мы все не уладим.

Поскольку «Астон Мартин», вероятно, не проедет через город и в него не поместятся все ее вещи, мы должны нанять фургон. К счастью, я видел, как Макс часто доставлял что-то и увозил из «Добровольца» на своем фургоне, поэтому мы направляемся через улицу посмотреть, окажет ли он нам услугу.

— Для тебя, — говорит Макс, бросая мне ключи с большой улыбкой, — все, что угодно. Я просто запишу это на твой счет.

— Спасибо, приятель, — говорю ему, и вскоре я сижу на водительском сиденье стареющего фургона 80-х, направляясь в Уэмбли с Наташей рядом.

Чертовски нервирующая поездка.

Наташа сжимает руки, покусывая губу так, что я боюсь, у нее может пойти кровь.

— Расслабься, — говорю я, кладя руку ей на ногу. — Я здесь. С тобой. Тебе даже не придется смотреть на нее, если ты не хочешь, просто оставайся в фургоне, и я позабочусь об этом.

Она качает головой, шумно выдыхая.

— Я не буду скрывать от нее. Больше нет.

Мы подъезжаем к зданию, и ее лицо вытягивается, когда она видит свет в своей квартире, но, надо отдать ей должное, выходит, и мы поднимаемся по лестнице на ее этаж, пока не оказываемся прямо у ее двери.

— Ты готова? — спрашиваю ее.

— Нет, — говорит она, пытаюсь улыбнуться. Вставляет свой ключ в замок, надеюсь, в последний раз, и дверь открывается.

Мы заходим внутрь. Звук телевизора слышен из гостиной.

— Наташа? — Мелисса кричит из комнаты.

Мы стоим в коридоре и молчим.

Наконец, Мелисса выходит из комнаты и, когда видит нас, останавливается.

Удивленно моргает, глядя на нас, прежде чем на ее лице появляется ненависть.

Я машу ей рукой.

— Привет. Спорим, не ожидала увидеть меня сегодня вечером.

— Что, нахрен, ты с ним делаешь? — Мелисса спрашивает Наташу, хотя я замечаю, что она не приближается к нам. Думаю, она боится нас, того, что мы такие смелые. — Почему он здесь?

Мы с Наташей обмениваемся взглядами, кто будет первым.

Наташа снова смотрит на Мелиссу и пожимает плечами.

— Он помогает мне переезжать.

— Переезжать? Ты уже нашла новое место?

Если не ошибаюсь, в голосе Мелиссы слышна боль. Что на этот раз делает ее человеком.

Наташа с трудом сглатывает, но выпрямляется, голова поднята высоко.

— Да. Так что Бригс помогает мне.

Мелисса снова смотрит с ненавистью, от уязвимости не осталось и следа.

— Бред сивой кобылы. Вы снова вместе?

— Вообще-то, — говорю я, делая к ней несколько шагов. Мелисса вжимается в стену. — Мы снова вместе. На самом деле, Наташа переезжает ко мне в квартиру. Сегодня вечером. Мы собираемся жить вместе. И, представь себе, видеться друг с другом.

— Ты... вы не можете этого сделать, — говорит она, глядя между нами. — Не можете... Я донесу на тебя. Я же сказала, что так и сделаю, и вы не оставляете мне выбора.

— Нет, у тебя есть выбор, — говорит Наташа, идя к нам и подходя вплотную к Мелиссе. Я никогда не видел ее такой смелой. — Может быть, мы не можем выбрать, в кого влюбиться, но ты можешь выбирать вести себя несносно или нет. Ты не обязана доносить на нас, но ты хочешь и сделаешь это, потому что ты охрененно несчастна в жизни. — Она качает головой, ее тон смягчается. — Знаешь, я пыталась быть для тебя хорошим другом, и мне жаль, что у меня не получилось, но я не сожалею обо всем том, что произошло. Это позволило мне узнать твое настоящее «я». И это позволило нам с Бригсом быть вместе.

Ошеломленная Мелисса просто качает головой. Когда она не может найти слова, чтобы ответить Наташе, то прищуривается, глядя на меня.

— Ты не найдешь покоя. Я позабочусь об этом. Что неправильно, то неправильно и вы оба неправильные.

— Давай, вперед, — говорю ей, складывая руки на груди и глядя на нее. — Пойди и сообщи о нас. Но ты должна знать, я опередил тебя.

— Что?

— Я сам сдался. Встретился с деканом, заместителем кафедры и профессором Ирвином. Рассказал им все, всю правду. Что мы когда-то любили друг друга, и любим теперь. И угадайте, мисс Кинг? У нас есть их одобрение.

— Я в это не верю.

— А стоило бы. Но знаешь, не стесняйся обсудить это с ними, — я прерываюсь, и мои губы изгибаются в улыбке. Я собираюсь сказать ложь, но ту, которая ощущается приятной. — Я упомянул тебя, ну знаешь, что ты угрожала мне. Поэтому они, вроде как, ждут, когда же ты придешь.

Глаза Наташи устремляются на меня, она знает, что я лгу, но я сосредоточен на Мелиссе. Я практически вижу, как она распадается перед нами на мелкие части. Как и ее план.

Я продолжаю.

— Или знаешь, ты могла бы просто отпустить это все. Прими тот факт, что Наташа счастлива, что я счастлив. Забудь о нас так же, как мы забудем о тебе, — я наклоняю голову, посылая ей печальную улыбку. — Потому что, поверь мне, Мелисса, мы забудем о тебе. Мы есть друг у друга. Это все, что нам нужно. Ну, что ж, и наш ребенок.

Ее глаза округляются. Рот открывается. Она не может произнести ни слова.

Наташа дополняет.

— Я беременна. И мы не могли быть счастливее. Поэтому после всего того, что сказано и сделано, думаю, мы должны поблагодарить тебя. Если бы не твоя горечь и гнев, твоя ревность и неуверенность, нам не пришлось бы так много скрываться и заниматься этим удивительным сексом. Так что спасибо, Мелисса. И спасибо, что заставила меня уйти и дала мне отличный повод быть с тем, кого я люблю.

— Да, спасибо, — говорю ей, пытаюсь звучать искренне. — Особенно за весь секс, который у нас был. — Мелисса все еще безмолвна, ее лицо пылает. Я смотрю на Наташу. —

Давай собираться?

Она кивает, стараясь не улыбаться, мы направляемся в ее комнату и приступаем к работе, а Мелисса остается в коридоре, сбитая с толку и неуверенная, что сказать или сделать. К счастью, нам легко, так как Наташа уже все собрала. За три подхода мы спускаем коробки и складываем их фургон.

Во время последнего подъема, Наташа, с руками, полными плакатов с фильмами, громко говорит в коридоре. Мелисса все время находится в своей комнате, изо всех сил стараясь не обращать на нас внимания.

— Мы уходим, — произносит Наташа, голос отдается эхом по коридору. — Знаешь, это не должно заканчиваться таким образом. Уверена, мы увидим друг друга в колледже, поэтому, если ты хочешь сделать между нами все намного проще, я — за.

Тишина.

Наташа смотрит на меня и пожимает плечами. Я поправляю коробки в руках и посылаю ей взгляд, говорящий, что она старалась изо всех сил.

— Ладно, — снова говорит Наташа. — Приму твое молчание за знак того, что ты хочешь моего прощения. Ну, я прощаю тебя, Мелисса. Жизнь слишком коротка, чтобы удерживать обиды, вину, стыд или что-то иное, кроме счастья. Однажды, надеюсь, ты поймешь, что я права.

— Ты чертовски права, — говорю я, когда Наташа останавливается у двери, ожидая последнего ответа. Когда его все нет, она медленно закрывает дверь. — Я горжусь тобой, — говорю ей.

— Да, — говорит она. — Думаю, я тоже горжусь собой. — Она смотрит на дверь, символ другой жизни и вздыхает. — Знаешь, я это и имела в виду. Я не буду обижаться. Я видела, что обида может сделать с человеком.

— Давай-ка доставим тебя в твою новую квартиру, — говорю я, и мы спускаемся по лестнице, собираем остальную часть вещей и уезжаем.

***

Позже той ночью в моей гостиной куча коробок, собака, храпящая на диване, и женщина, которую я люблю, лежит в моих руках. Внутри нее новая жизнь, новое начало, новый шанс.

Рядом с ней мужчина, который любит ее больше, чем он даже может вообразить.

И вне нас обоих — мир, все продолжающий вращаться, безумный мир, способный заставить нас встать на колени и не перестающий быть прекрасным.

Эпилог

НАТАША

Шесть месяцев спустя

— Все взяла? — спрашивает Бригс, глядя на меня в зеркало, пока поправляет свой галстук-бабочку.

Мужчина выглядит обезоруживающе красиво в смокинге, и я хочу воспользоваться

возможностью насладиться его видом, как глотком лимонада в жаркий день.

Что, конечно же, заставляет его посмотреть прямо на меня, качая головой.

— Не могу привыкнуть к тому, насколько красиво ты выглядишь, — говорит он, голос глубокий и низкий, все эмоции последних шести месяцев написаны на лице.

Я закатываю глаза.

— Ты имеешь в виду, несмотря на то, что я беременная женщина, ходящая, как утка, — говорю ему, глядя вниз на живот. Слава богу, свадебное платье в стиле ампир похоже на камуфляж для моего живота. Что оно не маскирует — это то, что мое тело изменилось и превратило меня в толстого, раздутого монстра с ненасытным аппетитом. Знаете тех беременных женщин, о которых нельзя сказать, беременны они или нет, если посмотреть на них сзади? Так вот, это не про меня. Моя попа стала лишь еще больше, не говоря уже обо всех других частях меня. Покупка одежды стала крайне удручающим мероприятием, поэтому я просто хожу в леггинсах и мешковатых свитерах.

Конечно же, платье безумно красивое, и я очень рада, что выгляжу не слишком ужасно. Мои волосы приподняты, чтобы уравновесить нижнюю половину, хотя корни жутко отросли, ведь я больше не могу красить волосы. Или употреблять кофеин. Или пить алкоголь. Или наслаждайтесь суши. Или, знаете ли, жить.

Возможно, звучит так, будто мне не нравится быть беременной, и я думаю, что отчасти так и есть. Знаю, это чудо природы и все такое, но, честно говоря, я потный, заторможенный человек с бессонницей, чьи руки выглядят так, словно они принадлежат Cabbage Patch Kids (прим. пер. пухлые игрушки с мягким телом и круглыми личиками). Я просто хочу, чтобы Рамона (да, мы назовем ее в честь моей литературной героини Рамоны Куимби — так как Бригс, если бы мы ждали мальчика, назвал бы его Шерлоком), уже родилась, чтобы я могла увидеть ее симпатичное личико и посмотреть, на кого из нас она будет похожа. Если у нее будет моя грудь и глаза Бригса, она выиграет.

К сожалению, беременность также сделала меня безумно озабоченной. Бригс, кажется, не возражает, и я тоже. Имею в виду, я практически трахаю его весь день, так что никаких жалоб нет, и, даже если я чувствую себя толстой, дряблой развалиной, он всегда возбужден. Он даже заставляет меня чувствовать себя красивой — по крайней мере, пытается. Трудно чувствовать себя великолепно, когда твои бедра выглядят как творог, но, к счастью, моим гормонам нет дела до моей застенчивости.

Даже сейчас, когда мы собираемся уходить, вид его в смокинге заставляет мой желудок загореться от жары, и я сжимаю ноги, пытаюсь снять напряжение. Единственная проблема в том, что у нас не так много времени, прежде чем мы запрыгнем в «Астон Мартин» и поедем в Гайд-парк на церемонию.

По правде говоря, две недели назад мы с Бригсом подали заявку на нашу брачную лицензию. Мы не говорили никому. Все — его семья, даже моя семья — думают, что осенью у нас будет большая свадьба. Но, на самом деле, это просто не для нас. В ту минуту, когда мы объявили, что помолвлены, все в его семье словно превратилось в персонажей из эпизода «Всем ни с места, я — невеста!». Учитывая, что Кайла и Лаклан женятся этим летом, и грандиозный масштаб мероприятия, включая всех ее друзей и их кузенов, приезжающих из Штатов, мы с Бригсом чувствовали, что ситуация выходит из-под контроля. Мы перестали ощущать, словно все это про нас двоих, и нам хотелось сохранить это чувство.

Так что мы решили сбежать. Ну, насколько возможно сбежать в Великобритании. Это не Вегас. Мы пошли в загс и подали заявку на лицензию, и затем лишь вчера пошли туда

снова и официально произнесли наши клятвы.

Хотя сегодня у нас официальная церемония — не в юридическом плане, ведь технически мы уже женаты — лишь ради нас самих. Это просто мы, Винтер, Шелли, выгульщица собак, и Макс, бармен. Кто знал, что седовласый продавец выпивки был священником?

Знаю, вероятно, члены наших семей будут разочарованы и обижены тем, что мы сделали все по-своему, но они скажут нам «спасибо» позже, ведь им не придется беспокоиться ещё об одной свадьбе. Кроме того, ребёнок на подходе и это отнимает довольно много времени и энергии. А я ведь все ещё учусь.

А еще мы наняли отличного фотографа, чтобы запечатлеть момент и, на следующей неделе, когда вернемся в Эдинбург, устроим большую вечеринку. На медовый месяц мы поедем на поезде в Марсель, чтобы увидеть моего отца, и, я надеюсь, что, как только ребенок родится, мы сможем слетать к матери в Лос-Анджелес. Хотя у нас все еще трудности в общении, мы работаем над этим. Время с Бригсом научило меня, что, пока можем, мы должны исправлять ошибки, вторые шансы случаются не часто. Поскольку я попыталась объяснить с мамой, и она ответила взаимностью, я считаю, что это хороший шанс, как и любой другой.

— Ты нервничаешь? — спрашивает Бригс, подходя ко мне.

— Нет, а ты? — спрашиваю я.

Он качает головой.

— Нисколечки.

— Ты меня обманываешь?

— Может быть.

Я тянусь вниз, одеть обувь. Белые конверсы. Никто не узнает, и, в последнее время, каблуки, вместе со всем остальным, убивают меня.

— Черт возьми, твои сиськи выглядят потрясающе, — бормочет Бригс, и всего лишь то, как нежно он произносит «сиськи» заставляет меня закипеть. Я смотрю на него, и он смотрит прямо на меня. Мои сиськи абсолютно вышли из-под контроля, что сводит его с ума.

— Черт, не говори сиськи, — ругаю его, пытаюсь выпрямиться.

Он кладет руку мне на плечо и толкает меня обратно вниз на колени на плюшевый коврик.

— Нет, нет. Оставайся там. Не порти вид. Сомневаюсь, что я еще увижу подобное, — голос очень низкий, скользит по мне словно масло. — Ты в белом платье, с этими сиськами. Выглядишь так чертовски невинно.

Знаю, у нас мало времени, но мне все равно.

— Только я не так уж невинна, — говорю ему, подыгрывая. Тянусь к его молнии и расстегиваю брюки, спуская их вниз по бедрам. Его член выступает передо мной, толстый, длинный и красивый. Теперь полностью мой.

Я замужем за этим членом.

Беру его в руки и облизываю, всасывая выступившую капельку жидкости, и он действует на меня словно тоник. Меня не волнует, что говорят женщины, когда у тебя в руках такой большой и чрезмерно толстый член, как у него, минет становится чертовски увлекательным.

Он ворчит и низко стонет, когда я нахожу его шары, точно зная, где и когда нужно

потянуть, пока наклоняюсь, облизываю головку и прохожусь по всей твердой длине, ощущая тепло его кожи. Желание внутри меня растёт, я почти поддаюсь соблазну скользнуть себе между ног, и я действительно чувствую, как он становится больше, толще, в моем рту, когда я работаю над ним.

— Ты меня погубишь, — стонет он. Практически хватает меня за волосы, но затем останавливается, вспоминая о моей причёске. — Прости, — говорит он, его голос надламывается от похоти, заставляя кулаки сжаться.

Я сосу сильнее, требуя, чтобы он кончил, желая почувствовать его освобождение мне в горло. Первый минет в качестве мужа и жены, и я не хочу сдерживаться. Я хочу задать тон для остальной части брака. Хватаю его задницу, чувствуя, как напрягаются его мускулы, когда он толкается в меня, сначала медленно, затем толчки становятся дикими, голос становится все громче, и я чертовски жажду его спермы. Везде, абсолютно везде.

Но он хватается за член у основания и вытаскивает его из моего рта, с восхитительной тяжестью выскальзывая из моих губ.

— Повернись, — затаив дыхание, говорит он, поглаживая себя и глядя на меня ошеломленными глазами. — На четвереньки.

Черт, да.

Я делаю, как он просит, ненасытная и дрожащая от предвкушения.

Он опускается на колени позади меня и поднимает мое платье, пока оно не собирается у меня на талии.

Затем я слышу, как он всасывает воздух.

И издаёт чертов *смешок*.

— Что? — напрягаюсь я, пытаюсь повернуться и посмотреть.

— Ты что... — начинает он, все ещё смеясь. — Ты надела трусики со Спанч бобом?

Ой, точно.

— Ммм, ага, — признаю я. — Одни из не немногих, которые налезают на меня.

— Это неправильно, что меня это ужасно заводит? — весело спрашивает он.

— Если ты не трахнешь меня, как ужасно заведённый, тогда да, это ужасно неправильно.

— Дай мне посмотреть другую сторону, повернись, — говорит он, хватая меня за бёдра и пытаюсь повернуть.

— Нет! — вскрикиваю я, но потом он хватается за мою талию и переворачивает меня, пока мои ноги не раскрываются, и он оказывается лицом к лицу прямо с безумной улыбкой Губки Боба.

— Это просто... очень похоже на тебя, — улыбается он. Не могу сказать, улыбается он мне или моим трусикам. На данный момент он вроде как разговаривает со Спанч Бобом. — Но, к сожалению для мистера Квадратные Штанишки, твои трусики исчезают.

Нетерпеливо, он дергает их вниз по бедрам и отбрасывает в сторону. Я рада, что прямо сейчас Винтер с Шелли уже уехали. Эта собака любит мое нижнее бельё так же сильно, как и обувь Бригса.

Затем Бригс спускает лямки по плечам и тянет лиф вниз, пока моя грудь не выскакивает наружу. Его глаза горят, и желание собирается у меня между ног, умоляя о его прикосновениях. Он сжимает мою грудь, тяжелую в его руках, и уделяет ей внимание, облизывая, дразня, пока не накрывает ртом сосок и всасывает его. Я напрягаюсь, настолько возбужденная и чувствительная, что стону, желая большего, намного, намного большего.

Он делает то же самое с другой грудью, всасывая сосок так глубоко, что мой позвоночник выгибается, и я чувствую, что он может просто поглотить меня здесь и сейчас. Я стону, хватая его за затылок, не заботясь о том, спутаю ли я его волосы и поцарапаю ли ногтями. Мои груди разливаются в его руках, слишком большие, и он голоден, возбужден, желая большего.

— Черт, Бригс, — ругаюсь я, не в силах вынести это. — Трахни меня.

— Да? — нежно спрашивает он, голос груб от желания.

Я киваю и быстро встаю на четвереньки. Это не займёт много времени.

Но Бригс никогда не торопится. По крайней мере, именно в тот день, когда ему надо спешить, он медлит.

Он кладёт широкую ладонь на мою попку и разделяет мои половинки, прежде чем опустить голову. Я напрягаюсь, ощущая его язык между расщелиной, как он скользит в мою киску и снова поднимается. Все мое тело, кажется, вздрагивает, пока его язык, безжалостный и неутомимый, начинает вылизывать меня, минуя самые деликатные местечки, пока моя кожа не начинает пылать от нужды.

— Боже, ты чертовски красива, миссис МакГрегор, — говорит он, пальцами слегка надавливая на меня. Он дует на меня — это что-то новенькое — и нужда в нем, в его члене внутри меня, настолько остра, что я чувствую, как весь мир уходит на второй план, что есть только он и я, и эта примитивная жажда друг для друга. Желание, которое побеждает все, даже свадебную церемонию.

Он продолжает дуть, воздух заставляет мои нервные окончания танцевать, кожа напрягается, а затем медленно толкает большой палец в мою попку, располагая член. Я открыта для него, мокрая, опухшая, жадная, и решительным движением он притягивает меня назад, насаживая на член.

У меня перехватывает дыхание, когда он заполняет меня, мое тело расширяется вокруг него, дикая похоть, гормоны и эмоции наполняют меня такой огромной потребностью, необходимостью и радостью, что я, должно быть, свечусь внутри как солнце. С осторожностью он останавливается и игриво кусает мое плечо.

— Миссис МакГрегор, — снова бормочет он мне на ухо, облизывая мою шею.

Затем укусы становятся все сильнее, он крепко держит мою талию и несколькими жесткими движениями, полностью заполняет меня, и я сжимаю его.

Ещё, ещё, ещё.

Лёгким не хватает воздуха, пальцы впиваются в ковер, и он вколачивается в меня, грубо, почти жестоко, и все мысли уходят. Я просто гонюсь за своим освобождением, задыхаясь, пытаюсь догнать своё сердце, неистово колотящееся в груди.

Хорошо.

Так чертовски хорошо.

Я люблю, безумно люблю этого мужчину.

Своего мужа.

Бригс входит и выходит, ударяя глубоко, будто вытягивая воздух из моих легких. Снова и снова он скользит в меня, дикий, и его ворчание становится громче, хватка на моих бёдрах скользкая от пота. Его слова грязные, спрашивают меня, нравится ли мне это, хочу ли я его член сильнее, рассказывают мне, какая сладкая у меня киска. От удовольствия его акцент становится более хриплым.

Я на краю.

Я немного смещаюсь, и его член попадает в правильную точку.

Словно во мне зажигается спичка.

Бум.

Я взрываюсь, распадаясь на острые осколки, которые взрываются снова и снова, пока я не становлюсь звездным светом и теплым серебром, скользящим по моим венам.

Бригс кончает сразу же после меня, гортанный рев срывается с его губ, дыхание хриплое, пока он пытается отдышаться. Я все еще пульсирую вокруг него, пытаюсь прийти в себя. Я вся пропитана блаженством.

— Полагаю, нам пора идти, — спустя несколько минут, говорит он, медленно выходя.

Мне нравится, когда между нами ничего нет. Полагаю, одна из положительных сторон беременности в том, что не надо волноваться о том, что можно снова забеременеть.

Но черт, хотя мы оба волнуемся, потому что кто не боится появления новой жизни в этом мире, особенно в наши дни, я знаю, что никогда не хотела чего-то так сильно. Я знаю, что он мечтал об этом. Это красиво, и это реально, и это наше.

Такова жизнь.

И она продолжается.

Бригс помогает мне подняться, и я быстро натягиваю белье. Мы немного приводим в порядок друг друга — я поправляю его галстук-бабочку, он поправляет грудь в моем платье — а затем мы быстро отправляемся в путь.

Сегодня нам везёт, машин на дороге немного, и мы всего за несколько минут добираемся до Гайд-парка. Фотограф бродит на полпути к садам, и как только она видит нас, сразу же начинает фотографировать.

Бригс поворачивается на сиденье и поднимает руку вверх.

Я вкладываю руку в его ладонь.

— Ты готова? — спрашивает он, сжимая мою руку в воздухе.

Я киваю, сияя улыбкой.

— Как никогда.

Он кладёт руку мне на живот.

— Ты готова, Рамона?

Мы оба ждём пинка, которого все нет.

— Ещё нет, — говорю ему. — Дай ей ещё пару месяцев.

Выходим из машины и, взявшись за руки, идем к фотографу. Вдалеке, за Раунд прудом в Кенсингтонских садах, мы видим Макса, Шелли и Винтера, ожидающих нас.

Бригс направляет меня в сторону, поскольку фотограф продолжает снимать и указывает головой на Серпентайн.

— После всего этого, как насчет того, чтобы сделать свадебные фотографии на водном велосипеде?

— Ни в коем случае, — говорю ему, смеясь. — Идея обречена на провал. Особенно с этим платьем, волосами и макияжем. Однажды мы уже пережили водный велосипед, и снова я такое не выдержу.

— Ой, да ладно, ты не ходячая катастрофа.

— Эй! — кричит кто-то позади нас. — Простите!

Мы оба оборачиваемся, чтобы увидеть женщину, выходящую из Кенсингтонского дворца. Она машет рукой.

— Ваше платье заправлено в трусики! — кричит она, для наглядности указывая на свою

попу.

О мой бог.

Нет.

Я поворачиваю шею, крутюсь, чтобы оглянуться назад, и ахаю. Это правда. Вижу, как Губка Боб выглядывает прямо из под пучка белого тюля.

Бригс раздражается смехом, я слышу, как фотограф уходит, и теперь моя попа на виду у всех, включая Шелли, Макса и всех остальных в парке.

— Перестань смеяться и помоги мне! — кричу я на Бригса, когда он пытается выдернуть платье, но он сгибается пополам, смеясь так сильно, что не может справиться. Он чуть не падает на траву, а потом и я чуть не падаю, пытаюсь вытащить всю эту ткань из трусиков.

Наконец, мне это удастся, и я отчаянно разглаживаю подол платья, мои щеки горят. В этом парке так много гребаных людей — людей, которые насмежаются — и почему-то тот факт, что это был Губка Боб, делает все ещё хуже, чем в тот раз в Риме.

— О, надеюсь, что фотограф снял это, — говорит Бригс, слезы катятся по лицу, когда он улыбается мне. — Это был лучший момент в моей жизни.

Я закатываю глаза, пытаюсь преуменьшить все это.

— Ну, к счастью для вас профессор Голубые Глазки Бригс МакГрегор лучшие моменты вашей жизни только начинаются.

Достаточно долго он пристально смотрит на меня и затем целует в губы.

— Так и есть.

Берет меня за руку.

И мы продолжаем идти.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Notes

[

←1

]

. Met Film School — это одна из ведущих киношкол Великобритании, предлагающая обучение для лиц, которые хотят начать карьеру в кино, телевидении и средствах массовой информации

[

←2

]

Макгаффин (англ. MacGuffin) — распространённый в западной нарратологии термин для обозначения предмета, вокруг обладания которым строится фабульная сторона произведения (как правило, приключенческого жанра)

[

←3

]

крупнейший фестиваль театрального искусства в мире